

ISSN 2949-2483

Volume

4

Number

1

JOURNAL OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

2026

ELECTRONIC
SCIENTIFIC
AND PRACTICAL
JOURNAL

Редакционная коллегия

Шеф-редактор

Бегишев Ильядар Рустамович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация)

Главный редактор

Жарова Анна Константиновна – доктор юридических наук, доцент, директор Центра исследований киберпространства, ассоциированный член международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Заместители главного редактора

Громова Елизавета Александровна – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета) (Челябинск, Российская Федерация)

Филипова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Шутова Альбина Александровна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация)

Редакция

Заведующий редакцией – Дарчинова Гульназ Язкарвна

Выпускающий редактор – Аймурзаева Оксана Анатольевна

Ответственный секретарь – Валиуллина Светлана Зиярковна

Редактор – Тарасова Гульнара Абдулахатовна

Технический редактор – Каримова Светлана Альфредовна

Художник-дизайнер – Загреддинова Гульнара Ильгизаровна

Переводчик – Беляева Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, член Гильдии переводчиков Республики Татарстан

Специалист по продвижению журнала в сети Интернет –

Гуляева Полина Сергеевна

Адрес: 420111, Российская Федерация,

г. Казань, ул. Московская, 42

Телефон: +7 (843) 231-92-90

Факс: +7 (843) 292-61-59

E-mail: lawjournal@ieml.ru

Сайт: <https://www.lawjournal.digital>

Telegram: <https://t.me/JournalDTL>

ВКонтакте: <https://vk.com/JournalDTL>

Яндекс.Дзен: <https://dzen.ru/JournalDTL>

Одноклассники: <https://ok.ru/JournalDTL>

Учредитель и издатель

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова. Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, 42. Телефон: +7 (843) 231-92-90. Факс: +7 (843) 292-61-59. E-mail: info@ieml.ru. Сайт: <https://ieml.ru>

© Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, оформление и составление, 2026.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ЭЛ № ФС 77-84090 от 21 октября 2022 г. Территория распространения: Российская Федерация; зарубежные страны.

Статьи находятся в открытом доступе и распространяются в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа процитирована с соблюдением правил цитирования.

Важно!

16+

При цитировании любых материалов журнала ссылка обязательна. Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

Возрастная классификация: Информационная продукция для детей, достигших возраста шестнадцати лет.

Дата подписания к публикации – 25 марта 2026 г. Дата онлайн-размещения на сайте <https://www.lawjournal.digital> – 10 апреля 2026 г.

Международные редакторы

Феррейра Даниэл Брантес – доктор наук, профессор Университета АМБРА (Орландо, Соединенные Штаты Америки), исполнительный директор Центра альтернативного разрешения споров (Рио-де-Жанейро, Федеративная Республика Бразилия)

Галлезе-Нобиле Кьяра – доктор наук, научный сотрудник (постдок) по управлению исследовательскими данными Эйндховенского технологического университета (Эйндховен, Королевство Нидерландов), научный сотрудник (постдок) департамента математики и наук о земле Университета Триеста (Триест, Итальянская Республика)

Джайшанкар Каруппаннан – доктор наук, директор и профессор Международного института исследований в сфере криминологии и безопасности (Бенгалуру, Республика Индия)

Кастилло Парилла Хосе Антонио – доктор наук, магистр новых технологий и права (Севилья, Королевство Испания), научный сотрудник Гранадского университета (Гранада, Королевство Испания)

Мохд Хазми бин Мохд Русли – доктор наук, доцент факультета шариата и права Международного исламского университета Малайзии (Куала-Лумпур, Федерация Малайзия)

Члены редакционной коллегии

Арзуманова Лана Львовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Бажина Мария Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Российская Федерация)

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Берсей Диана Давлетовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Российская Федерация)

Будник Руслан Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Воронков Дмитрий Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики имени И. Ф. Герасимова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, руководитель группы проектов CrimLib.info (Екатеринбург, Российская Федерация)

Дремлюга Роман Игоревич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по развитию Института математики и компьютерных технологий, профессор Академии цифровой трансформации Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Российская Федерация)

Егорова Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Ефремов Алексей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и евразийского права Воронежского государственного университета (Воронеж, Российская Федерация)

Ефремова Марина Александровна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (Казань, Российская Федерация)

Камалова Гульфия Гафиятовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационной безопасности в управлении Удмуртского государственного университета (Ижевск, Российская Федерация)

Ковалева Наталия Николаевна – доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

- Лопатина Татьяна Михайловна** – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета (Смоленск, Российская Федерация)
- Минбалеев Алексей Владимирович** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)
- Миронова Светлана Михайловна** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового и предпринимательского права Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград, Российская Федерация)
- Наумов Виктор Борисович** – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной безопасности Института государства и права Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
- Пашенцев Дмитрий Алексеевич** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)
- Петренко Сергей Анатольевич** – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры информационной безопасности Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), профессор Университета Иннополис (Иннополис, Российская Федерация)
- Полякова Татьяна Анатольевна** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, и. о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)
- Пономарева Карина Александровна** – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, профессор департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
- Рожкова Марина Александровна** – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, советник по науке декана юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, президент IP CLUB (Москва, Российская Федерация)
- Рускевич Евгений Александрович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)
- Сидоренко Элина Леонидовна** – доктор юридических наук, доцент, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, генеральный директор платформы забизнес.рф (Москва, Российская Федерация)
- Степанян Армен Жоресович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)
- Стрельцов Анатолий Александрович** – доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Академии криптографии Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Центра проблем информационной безопасности Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
- Талапина Эльвира Владимировна** – доктор юридических наук, доктор права (Франция), главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

Талимончик Валентина Петровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Терентьева Людмила Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Томашевский Кирилл Леонидович – доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация)

Харитоновна Юлия Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Хисамова Зарина Илдузовна – кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар, Российская Федерация)

Чеботарева Анна Александровна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения государственного управления и экономики Российского университета транспорта (Москва, Российская Федерация)

Шугуров Марк Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, главный научный сотрудник Алтайского государственного университета (Саратов, Российская Федерация)

Иностранные члены редакционной коллегии

Абламейко Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Аванг Низам Мухаммад – доктор наук, профессор факультета права и шариата Международного исламского университета (Негери-Сембилан, Федерация Малайзия)

Айсан Ахмет Фарук – доктор наук, профессор и координатор программы Исламских финансов и экономики Университета имени Хамада бин Халифа (Доха, Государство Катар)

Ападхьяй Нитиш Кумар – доктор юридических наук, доцент факультета права Университета Галготиас (Большая Нойда, Республика Индия)

Банкио Пабло – доктор наук, профессор Университета Буэнос-Айреса, постдок в области фундаментальных принципов и прав человека, член центра изучения частного права Национальной академии наук Буэнос-Айреса (Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика)

Басарудин Нур Ашикин – доктор наук, старший преподаватель Университета технологий МАРА (Синток, Федерация Малайзия)

Бахрамова Мохинур Бахрамовна – доктор наук, старший преподаватель кафедры права интеллектуальной собственности Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)

Ван Розалили Ван Росли – доктор наук, преподаватель факультета права Брэдфордского университета (Брэдфорд, Соединенное королевство Великобритании, Шотландии и Северной Ирландии)

Варбанова Гергана – доктор наук, доцент Университета экономики (Варна, Республика Болгария), доцент Университета мировой экономики (София, Республика Болгария)

Вудро Барфилд – доктор наук, приглашенный профессор Туринского университета (Турин, Итальянская Республика)

Гозстоный Гегели – доктор наук, кафедра истории венгерского государства и права Университета Эотвос Лоранд (Будапешт, Венгрия)

Гостожич Стеван – доктор наук, доцент, глава цифровой криминалистической лаборатории Университета Нови Сад (Нови Сад, Республика Сербия)

Гош Джаянта – доктор наук, научный сотрудник Западно-Бенгальского национального университета юридических наук (Калькутта, Республика Индия)

- Гудков Алексей** – доктор наук, старший преподаватель Вестминстерского международного университета в Ташкенте (Ташкент, Республика Узбекистан)
- Дауд Махауддин** – доктор наук, доцент кафедры гражданского права Международного исламского университета Малайзии (Куала-Лумпур, Федерация Малайзия)
- Дахдал Эндрю** – доктор наук, доцент факультета права Катарского университета (Доха, Государство Катар)
- Дэнни Тэйм Даниэль Мендес** – доктор наук, научный сотрудник Азиатско-Тихоокеанского центра экологического права Национального университета Сингапура (Сингапур, Республика Сингапур)
- Иванц Тьяша** – доктор наук, доцент кафедры гражданского, международного частного и сравнительного права Мариборского университета (Марибор, Республика Словения)
- Иоаннис Револидис** – доктор наук, преподаватель кафедры медиаправа и права технологий Мальтийского университета (Мсида, Республика Мальта)
- Йованич Татьяна** – доктор наук, доцент факультета права Белградского университета (Белград, Республика Сербия)
- Карим Ридоан** – доктор наук, профессор кафедры предпринимательского и налогового права Университета Монаша (Санвэй, Федерация Малайзия)
- Кастро Дуглас** – доктор наук, профессор международного права школы права Ланьчжоуского университета (Ланьчжоу, Китайская Народная Республика)
- Кера Решеф Дениза** – доктор наук, профессор Центра исследований технологий распределенного реестра Мальтийского университета (Мсида, Республика Мальта)
- Кипурас Павлос** – доктор наук, профессор Школы судебной графологии (Неаполь, Итальянская Республика)
- Мараньяо Альбукерке де Соуза Джулиано** – доктор наук, доцент факультета права Университета Сан-Паулу (Сан-Паулу, Федеративная Республика Бразилия)
- Мелипатаки Габор** – доктор наук, профессор кафедры аграрного и трудового права Университета Мишкольца (Мишкольц, Венгрия)
- Мехрдад Райеджиан Асли** – доктор наук, профессор Института исследований и развития в области гуманитарных наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по правам человека, мира и демократии, заместитель декана по науке Университета имени Алламеха Табатабаи (Тегеран, Иран)
- Морина Менсур** – доктор наук, доцент, заместитель декана факультета права Университета бизнеса и технологий (Приштина, Республика Сербия)
- Мохсин Камшад** – доктор наук, доцент юридического факультета Международного университета Махариши (Махариши, Республика Индия)
- Муратаев Серикбек Алпамысович** – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)
- Нуреддин Мухамад** – доктор наук, старший преподаватель кафедры публичного права Университета Байеро (Кано, Федеративная Республика Нигерия)
- Праюди Юди** – доктор наук, профессор кафедры компьютерных наук и электроники Университета Гаджа Мада (Булаксурмур, Республика Индонезия)
- Рахметов Бауржан Жанатович** – доктор наук, ассистент-профессор Международной школы экономики Университета КАЗГЮУ имени М. С. Нарикбаева (Нур-Султан, Республика Казахстан)
- Тран Ван Нам** – доктор наук, директор факультета права Национального экономического университета (Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам)
- Чен Чао Хан Кристофер** – доктор наук, доцент факультета права Тайваньского национального университета (Тайпэй, Китайская Народная Республика)
- Шахновская Ирина Викторовна** – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного права и государственного управления Полоцкого государственного университета (Новополоцк, Республика Беларусь)
- Эллул Джошуа** – доктор наук, директор Центра исследований технологии распределенного реестра Мальтийского университета (Мсида, Республика Мальта)
- Юхневич Эдвард** – доктор наук, профессор кафедры финансового права Гданьского университета (Гданьск, Республика Польша)

Содержание

Бегишев И. Р., Громова Е. А.

Цифровая трансформация права: современные вызовы
и перспективы регулирования **7**

Спиридонов М. С.

Исследование возможностей применения общедоступных
нейронных сетей в уголовном судопроизводстве **10**

Чиквана У. Т.

Цифровизация правосудия в Зимбабве: институциональные
вызовы и практические решения **26**

Тадессе С. Г., Бханвар В., Верма Ш.

Онлайн-разрешение споров в сфере защиты прав
потребителей в Индии **73**

Коскина А.

Искусственный интеллект и международное космическое право:
вызовы двойного назначения **98**

Бегишев И. Р.

Конвенция Организации Объединенных Наций
о запрещении разработки, производства и применения
автономных систем вооружения **125**

Алексеева М. В., Рыбак С. В.

Правовой аспект кибераддикции среди молодежи:
цифровые риски и профилактика **153**

От редакции

УДК 340.13:341.1:343.1:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/BFRLJO>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.1>

Цифровая трансформация права: современные вызовы и перспективы регулирования

Ильдар Рустамович Бегишев

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

Елизавета Александровна Громова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Настоящий выпуск журнала представляет собой вклад в изучение одной из наиболее актуальных проблем современной юридической науки – взаимодействия правовой системы с технологиями искусственного интеллекта, цифровизацией судебных процессов и трансформацией правового сознания в условиях цифровой революции. Научные статьи, собранные в этом номере, отражают многоаспектный характер вызовов, с которыми сталкивается правовая доктрина, и предлагают конкретные пути их преодоления.

В первую очередь следует отметить, что цифровая трансформация права не является отвлеченной теоретической проблемой. Напротив, это практическая реальность, которую переживает множество стран мира – от развитых демократий до стран с формирующимися правовыми системами. Вместе с тем процесс внедрения цифровых технологий в отправление правосудия и правовое регулирование обнажает глубокие противоречия между технологическими возможностями и требованиями справедливости, между скоростью обработки данных и достоинством человека, между алгоритмизацией и правовой неопределенностью.

В связи с этим представленные в номере научные статьи освещают разнообразные аспекты этого процесса и, как мы надеемся, послужат основой для дальнейшей конструктивной научной дискуссии.

Одна из ключевых тем номера – применение больших языковых моделей и систем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Статья **Михаила Спиридонова (Россия)** содержит детальный анализ возможностей и рисков, связанных с использованием нейросетей (ChatGPT, Claude, YandexGPT и других) в правоприменительной деятельности. Автор убедительно демонстрирует, что качество результатов, получаемых с помощью таких инструментов, в значительной степени зависит от качества и структурированности запроса, а также от наличия в «знаниях» модели релевантных правовых источников и судебной практики. Более того,

исследование показывает, что применение генеративных ИИ-моделей целесообразно лишь при условии их использования в качестве вспомогательного аналитического средства при обязательной юридической верификации полученных результатов. Таким образом, статья закладывает методологическую базу для ответственного внедрения технологий искусственного интеллекта в юридическую практику.

Во-вторых, номер содержит ряд работ, посвященных эмпирическому анализу внедрения цифровых систем в различных юрисдикциях. Работа **Уолтера Т. Чиквана (Зимбабве)** демонстрирует поэтапное внедрение электронной системы управления делами в Зимбабве. Автор выявляет как положительные результаты цифровизации (повышение прозрачности, сокращение сроков рассмотрения дел, снижение коррупции), так и существующие вызовы (необходимость обучения персонала, инвестиций в технологическую инфраструктуру, управления сопротивлением традиционных процессов). Аналогичный практико-ориентированный подход представлен в статье **Соломона Гирмы Тадессе (Эфиопия), Видьянши Бханвар (Индия) и Шрути Верма (Индия)**, которая анализирует развитие механизмов онлайн-разрешения споров в Индии. Авторы подчеркивают, что технологические решения должны быть встроены в контекст местных институциональных реалий и учитывать особенности доступа к правосудию в развивающихся странах. Следовательно, универсальная модель цифровизации невозможна; требуется адаптация под конкретные социально-экономические условия и правовые традиции каждой юрисдикции.

В-третьих, номер уделяет значительное внимание проблемам правового регулирования цифровых технологий. Статья **Анти Коскины (Греция)** поднимает актуальный вопрос о правовых пробелах в регулировании применения технологий искусственного интеллекта в космической сфере. Автор аргументирует, что традиционные международно-правовые инструменты, включая Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, недостаточно приспособлены к новым вызовам, связанным с автономизацией систем и потенциальной милитаризацией. В этой связи работа **Ильдара Бегишева (Россия)** предлагает концепцию международной конвенции, направленной на запрет разработки, производства и применения автономных систем вооружения. Статья обосновывает неотложность глобального правового реагирования и предлагает конкретные механизмы международного сотрудничества. Таким образом, авторы демонстрируют, что правовое регулирование должно быть опережающим, скоординированным на международном уровне и учитывать не только технические возможности, но и экзистенциальные риски.

Отдельное место в номере занимает работа **Марины Алексеевой (Россия) и Светланы Рыбак (Россия)**, посвященная проблеме кибераддикции среди молодежи. Авторы переводят дискуссию о цифровых рисках с технико-организационного уровня на уровень социальной психологии, педагогики и правового воспитания. Исследование убедительно показывает, что проблема цифровой зависимости требует комплексного подхода, включающего правовое регулирование, образовательные инициативы, психологическую поддержку и формирование системы ценностей у молодого поколения. Данный вклад особенно значим для разработки государственной политики в области защиты прав и интересов детей и молодежи в цифровом пространстве.

Проведя анализ всех материалов номера, можно выделить несколько принципиальных выводов, которые имеют значение как для научного сообщества, так и для практиков.

Прежде всего, цифровая трансформация права – это не одномерный процесс, а сложное взаимодействие технологических возможностей, правовых норм и институциональных структур, вследствие чего формирование эффективной регуляторной среды возможно исключительно на основе консолидации научных, технических и социально-гуманитарных знаний. Следовательно, ее регулирование требует междисциплинарного подхода и тесного сотрудничества специалистов различных областей знания – юристов, политиков, философов, психологов, экономистов, математиков, информатиков, программистов, робототехников, электронщиков и других специалистов инженерно-технических специальностей, поскольку диалог между представителями различных профессий и дисциплин является не просто желательным, но объективно необходимым условием выработки сбалансированных и устойчивых регуляторных решений, отвечающих потребностям современного цифрового общества.

Во-вторых, эффективное применение цифровых технологий в правовой сфере невозможно без разработки стандартов качества, процедур верификации и этических норм. Как показывают исследования, опубликованные в этом выпуске, механическое внедрение ИИ-инструментов без надлежащей методологической подготовки и критического осмысления может привести к усугублению существующих проблем.

В-третьих, особое внимание необходимо уделять защите фундаментальных прав человека при внедрении цифровых технологий. Автоматизированное принятие решений, алгоритмическое распределение ресурсов и цифровой надзор могут значительно усилить структурное неравенство, особенно в отношении уязвимых групп населения. Поэтому регулирование должно быть направлено не только на стимулирование цифровых инноваций и технологий, но и на гарантию справедливости, гуманизма и равенства граждан.

Кроме того, становится очевидным, что правовое регулирование цифровых технологий не может быть исключительно национальным делом. Трансграничный характер цифровых сетей, глобальный масштаб операций крупных технологических корпораций и общность вызовов требуют скоординированных международных действий. Вместе с тем такие действия должны быть чувствительны к национальным особенностям.

Представленный выпуск демонстрирует, что научное сообщество способно к серьезному, взвешенному осмыслению процессов цифровизации права. Авторы статей не дают упрощенных решений и не разделяют ни технологический оптимизм, ни пессимизм. Они предлагают аналитический инструментарий, практические рекомендации и концептуальные механизмы для понимания этих сложных явлений.

В заключение хотелось бы выразить благодарность авторам за внимательное и ответственное отношение к выбранным ими темам исследования, рецензентам за качественное рецензирование представленных материалов, а также нашему редакционному коллективу за поддержку этого начинания. Мы убеждены, что материалы настоящего выпуска будут полезны не только исследователям и преподавателям, но и судьям, юрисконсультам, законодателям, правоприменителям и государственным деятелям, стремящимся к разработке эффективной и справедливой политики в сфере цифровизации права.

Мы продолжаем рассматривать наш журнал как открытую платформу для обсуждения вопросов, стоящих перед юридической наукой и практикой в условиях технологических перемен. Приглашаем коллег к активному участию в этой важной научной дискуссии.

Научная статья

УДК 34:004:343.1:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/CHSEUI>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.2>

Исследование возможностей применения общедоступных нейронных сетей в уголовном судопроизводстве

Михаил Сергеевич Спиридонов

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Ключевые слова

генеративный
искусственный интеллект,
назначение наказания,
нейронные сети,
право,
правоприменение,
промпт,
уголовное право,
уголовное
судопроизводство,
цифровые технологии,
юридический эксперимент

Аннотация

Цель: исследование направлено на экспериментальную проверку способности общедоступных нейронных сетей решать формализованные задачи уголовного права с заранее установленным нормативно корректным результатом.

Методы: для достижения поставленной цели применялся комплекс взаимодополняющих методов научного познания. Общенаучную основу исследования составили методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, позволившие системно осмыслить изучаемую проблематику. В рамках специального юридического инструментария использовались формально-юридический анализ и официальное толкование норм права, что обеспечило строгость нормативной оценки полученных результатов. Ключевым эмпирическим методом исследования выступил контролируемый эксперимент, органично сочетавшийся с моделированием правоприменительных ситуаций и сравнительным анализом ответов шести общедоступных нейронных сетей на идентичные уголовно-правовые задачи.

Результаты: в ходе проведенного эксперимента установлено, что общедоступные нейронные сети обнаруживают существенные расхождения в точности и последовательности ответов при решении формализованных задач уголовного права: ни одна из тестируемых моделей не продемонстрировала стабильного и безошибочного результата. Выявлено, что в отсутствие прямого указания на соответствующие правовые источники модели систематически допускают ошибки при определении момента погашения судимости, применении правил назначения наказания и установлении вида рецидива преступлений, что свидетельствует об их репродуктивном, а не аналитико-правовом характере. Предоставление точных цитат из нормативных актов и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации существенно повышает корректность ответов отдельных нейронных сетей. Определены наиболее и наименее результативные модели, а также

© Спиридонов М. С., 2026

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

сформулированы основные требования к составлению юридически корректного запроса в сфере уголовного судопроизводства.

Научная новизна: настоящее исследование представляет собой попытку экспериментальной верификации возможностей общедоступных нейронных сетей применительно к конкретным задачам уголовного права с заранее известным нормативно верным ответом. Полученные результаты позволили выявить типологию воспроизводимых нейронными сетями ошибок, раскрыть их процессуальные причины, а также обозначить принципиальные ограничения использования генеративного искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности.

Практическая значимость: результаты исследования могут использоваться в правоприменительной и образовательной деятельности: для определения допустимых границ применения общедоступных нейронных сетей в уголовном судопроизводстве, разработки методических рекомендаций по составлению юридически грамотных запросов к системам генеративного искусственного интеллекта, а также в целях предупреждения типовых ошибок при обращении к нейронным сетям в ходе профессиональной юридической деятельности.

Для цитирования

Спиридонов, М. С. (2026). Исследование возможностей применения общедоступных нейронных сетей в уголовном судопроизводстве. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 10–25. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.2>

Содержание

Введение

1. Методы и инструменты

1.1. Описание нейросетей, участвовавших в исследовании

1.2. Формулирование запроса (промпта)

1.3. Ожидаемый результат и критерии оценки

2. Описание полученных результатов

2.1. Первая задача

2.2. Вторая задача

Заключение

Список литературы

Введение

Поводом для написания данной статьи стали несколько причин. Первая состоит в нарастающем среди судебных чиновников дискурсе по поводу невероятных перспектив применения инструментов искусственного интеллекта (далее – ИИ) в судопроизводстве и улучшении с их помощью работы как всей судебной системы, так и отдельно взятого российского судьи. Это наводит на мысль, что данные высказывания либо основаны на каких-то неопубликованных исследованиях, которые показали удивительные результаты эффективности применения ИИ в юридической деятельности, либо, что более вероятно, являются проявлением всеобщего наивно-позитивного представления об ИИ. Вторая причина – личное любопытство

автора. Весьма соблазнительной кажется возможность переложить часть работы профессионального юриста по уголовным делам на виртуального помощника, особенно когда обещано, что его база знаний и способности к поиску намного превышают средние человеческие возможности.

При первом приближении возможность использования ИИ в разных областях, например, в юридическом образовании (Даниелян, 2024) или при проверке законопроектов местного уровня (Ke Wang, 2023), действительно, не кажется такой уж фантастической и далекой перспективой. Наряду с этим в публикациях последних лет высказываются мнения по поводу ограниченных возможностей данных систем (Callister, 2020), отмечаются непрозрачность и непредсказуемость технологий ИИ, потенциальные риски для прав и гарантий людей, таких как неприкосновенность тайны частной жизни, право на недискриминацию, а также на справедливое судебное разбирательство (Бузова, 2024; Власова, 2025; Ворожевич, 2025; Дедов, 2023; Жарова, 2025; Калятин, 2024; Карцхия, 2024; Кравченко, 2025; Чебодаева, 2023; Farinella & Gulyaeva, 2024), скептически оценивается потенциал этих технологий в решении юридических конфликтов с констатацией их большей полезности в качестве средства документирования и систематизации нормативных актов (Navarro-Dolmestch & Fuentes-Loureiro, 2023). Также отдельные авторы обоснованно указывают на риски, связанные с использованием генеративного ИИ в правосудии, такие как генерация неправильных, но правдоподобных результатов (Кирпичев, 2024).

Актуальность темы настоящего исследования подтверждается тем, что публикационная активность по вопросам практического применения ИИ меньше всего затрагивает как раз правовую сферу (Авдошин и др., 2024; Аветисян, 2024; Андриянов и др., 2024; Барышников, 2023; Бетелин, 2024; Еремин, Селенгинский, 2023; Кобринский, 2024; Оборотистов, Мураев, 2023; Орлов, 2025; Райков, 2024; Разумов, Дусь, 2024; Римшин, Кучеренко, 2024; Сайфуллин и др., 2023; Созаева, 2024). В первую очередь интерес представляет экспериментальное исследование возможностей современных общедоступных нейронных сетей в решении ординарных юридических задач, с которыми можно столкнуться при рассмотрении уголовного дела. Стоит отдельно отметить, что нас интересуют именно те нейронные сети, которыми в текущий момент времени может свободно воспользоваться любой человек. Если с помощью этих инструментов получится корректно ответить на отдельные правовые вопросы, то это будет являться индикатором того, что есть перспектива разработки специализированных нейронных сетей для конкретной сферы правоприменения. Соответственно, в этом состоит тезис, проверка которого составляет цель настоящего исследования.

1. Методы и инструменты

1.1. Описание нейросетей, участвовавших в исследовании

Для настоящего исследования применялись следующие общедоступные (на ноябрь 2025 г.) нейронные сети (далее – НС):

- YaGPT (YandexGPT);
- ChatGPT 5;
- Claude Sonnet 4.5;
- GigaChat;
- DeepSeek;
- Perplexity (по сути, это агрегатор нескольких нейронных сетей).

В основе работы данных НС – архитектура трансформеров, благодаря которой модель, обученная на огромном массиве данных, анализирует контекст и генерирует текст. Она делает это путем выявления статистических закономерностей в языке, выстраивая математические связи между словами, т. е. имитирует понимание через вычисления.

В основе работы этих инструментов лежат такие методы автоматической обработки текстов на естественном языке, как обучение с учителем, обучение без учителя, частичное обучение с учителем (Белов и др., 2020). Большие языковые модели – это генераторы токенов (минимальной единицы текста, которой присвоено числовое представление), обладающие способностью последовательно их предсказывать, тем самым завершая документы; при этом, несмотря на продолжающееся развитие больших языковых моделей, сохраняется базовый принцип их работы – инструмент для завершения документа (Берриман, Циглер, 2025).

Исходя из этого, при формулировании запроса для такой НС необходимо передать задачу пользователя и сопроводительный контекст таким образом, чтобы модель смогла помочь найти решение.

1.2. Формулирование запроса (промпта)

Выбранные для настоящего исследования общедоступные НС по своей форме представляют собой диалоговое окно, в котором пользователь составляет письменный вопрос (запрос) и получает на него письменный ответ. С учетом кратко описанного выше порядка работы этих моделей для получения корректного результата запрос пользователя должен соответствовать определенным стандартам. Здесь имеет место корреляция между качеством текста запроса и точностью (корректностью) ответа НС.

В настоящее время можно найти многообразную литературу по составлению запросов в НС (пром프트-инжиниринг), в которой описываются базовые требования к ним. Так, некоторые авторы предлагают следующие принципы составления запросов для НС: задать направление – подробно описать желаемый стиль или указать соответствующую ему личность; указать формат – определить правила, которым должна следовать модель, и структуру ответа; привести примеры – добавить несколько примеров правильного решения задачи; оценить качество – найти ошибки, оценить ответы и определить, что влияет на качество ответа; разделить задачу на подзадачи – разбить сложные задачи на связанные между собой этапы (Феникс, Тейлор, 2025). Можно встретить и такой вариант требований к промпту: изначально следует четко обозначить цель запроса, продумать требуемый конечный результат, определить формат представления результата; запрос следует структурировать, разбив на пункты; в запросе использовать точные формулировки и специализированные термины; явно указать исходные условия и задать уровень детализации ответа; в начале запроса установить инструкции и правила (Кузьменко, 2025).

Итак, исходя из вышеуказанных требований был составлен следующий запрос:

1. Внимательно прочитай вопрос.
2. Ответь на вопрос с максимальной точностью.
3. Для каждой ключевой части/тезиса твоего ответа:
 - Оцени уверенность (по шкале 1–100).
 - Четко укажи: это точные знания или предположение/логический вывод.

4. Если уверенность в какой-либо части < 70/100, обязательно предложи альтернативу или ясно предупреди о возможной неточности/неполноте.
 5. Сформулируй три разных ответа на этот вопрос, каждый с оценкой уверенности, как указано. Выбери наиболее достоверный ответ.
 6. Приведи источники, если они известны.
 7. Твоя роль – российский судья районного или городского суда. Ты отлично ориентируешься в уголовно-процессуальном законодательстве России, имеешь большой теоретический и практический опыт.
 8. В ответах на данный запрос ориентируйся: на нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ; нормы Уголовного кодекса РФ; постановления Пленума Верховного Суда РФ, в том числе постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 07.06.2022, и судебную практику по данному вопросу в РФ (бери практику только с проверенных источников – <https://www.vsrfr.ru>, www.consultant.ru, <https://www.garant.ru/>, <https://sudact.ru/>, сайты судов общей юрисдикции РФ) и всегда проверяй актуальность информации.
 9. Если информация (нормативно-правовые акты, ссылки на ресурсы и т. д.) может быть устаревшей или недействующей, обязательно сообщи об этом.
 10. Внимательно изучай все содержание источников, не пропуская ни одного пункта.
 11. Убедись, что каждая деталь, вопрос или пункт, представленные в материалах, были учтены и проанализированы.
 12. Формат ответа:
 - 12.1. Дай ответ с уровнем детализации 100 из 10.
 - 12.2. При ответе используй понятный, не двусмысленный язык.
 - 12.3. Все примечания о возможной устаревшей информации и проверке источников формулируй явно и понятно для пользователя.
 - 12.4. При ответе отражай полученную информацию максимально точно, опираясь на все разделы и детали источников, из файлов и текста.
 - 12.5. Если в процессе анализа выясняется, что правовой вопрос не имеет однозначного ответа (т. е. по нему существует разная судебная практика, противоречивые нормы права или мнения экспертов), ты должен четко обозначить, что вопрос дискуссионный, и указать, к какой точке зрения склоняешься именно ты и почему.
 - 12.6. Не выдавай гипотезы или догадки за установленный правовой факт.
- В рамках указанного выше запроса нейросетям предложено решить следующие задачи по уголовному праву:
- Совершеннолетний гражданин России Иванов осужден приговором Калининского районного суда г. Уфы от 12.10.2021 по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ к одному году лишения свободы условно с испытательным сроком один год, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 1 год 6 месяцев. Данный приговор вступил в законную силу 12.11.2021. Иванов вновь задержан за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения 01.06.2023. Вопрос: Могут ли действия Иванова квалифицироваться как преступление и если да, то по какой статье УК РФ они будут квалифицированы?
- Совершеннолетний гражданин Петров осужден два раза: 1) 05.11.2023 Ивановским районным судом по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима, освобожден 05.05.2024 по

отбытии наказания; 2) 12.08.2024 Ивановским районным судом по ч. 1 ст. 161 УК РФ к одному году лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Петров 10.06.2024 совершил кражу куртки стоимостью 10 000 рублей. За это преступление он осужден 10.09.2024 Ивановским районным судом по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 1 году лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров к назначенному наказанию частично присоединена неотбытая часть наказания по приговору от 12.08.2024 и окончательно назначено наказание в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. По последнему приговору суд признал в действиях Петрова опасный рецидив преступлений. Вопросы: 1. Правильно ли в приговоре от 10.09.2024 назначено окончательное наказание? 2. Правильно ли в этом приговоре установлено наличие рецидива преступлений?

1.3. Ожидаемый результат и критерии оценки

Обе задачи взяты из реальной судебной практики. Первая из них основана на уголовном деле № 1-230/2022 (УИД 76RS0013-01-2022-000945-09) в отношении Черных, рассмотренном Рыбинским городским судом Ярославской области 18.04.2022 с вынесением обвинительного приговора.

Обстоятельства дела следующие: Черных 03.07.2018 осужден мировым судьей судебного участка № 3 Рыбинского судебного района Ярославской области по ст. 264.1 УК РФ к 11 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком два года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на 2 года 8 месяцев. Наказание в виде лишения свободы отбыто 03.07.2020, дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, отбыто 13.03.2021. После чего Черных 02.02.2022 около 00 часов 55 минут в состоянии алкогольного опьянения управлял автомобилем «Рено Сандеро» около дома № 33 по улице Толбухина города Рыбинска Ярославской области. Суд первой инстанции квалифицировал данные действия Черных как управление автомобилем лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

Суд кассационной инстанции с приговором не согласился и указал, что судимость Черных по приговору от 03.07.2018 на момент совершения нового деяния была погашена, что исключает его уголовную ответственность по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, где наличие судимости является обязательным признаком состава преступления (кассационное постановление 2 КСОЮ от 04.06.2024 № 77-1487/2024). Решение кассации основано на положениях п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 07.06.2022 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости».

Аналогичный пример – уголовное дело № 1-74/2024 (УИД 50RS0036-01-2024-000324-74) в отношении Малофеева, рассмотренное Пушкинским городским судом Московской области 12.02.2024 с вынесением обвинительного приговора, который также отменен в кассационном порядке по аналогичному основанию (кассационное постановление 1 КСОЮ от 16.04.2025 № 77-1251/2025).

Таким образом, краткий ответ на первую задачу будет следующим: в действиях Иванова нет состава преступления, поскольку судимость по первому приговору погашена 13.05.2023.

Критерии оценки для первой задачи: верно определено отсутствие состава преступления и дано правильное обоснование через погашение судимости на следующий день после отбытия (исполнения) дополнительного наказания. Если соблюдены оба критерия, ответ оценивается на 100 %, если только один – на 50 %.

Вторая задача основана на положениях абз. 5 п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» о необходимости определения вида рецидива преступлений при назначении вида исправительного учреждения и п. 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» о применении общих правил назначения наказания по совокупности преступлений к лицу, совершившему другое преступление до вынесения приговора по первому делу.

Исходя из этого, краткий ответ на вторую задачу будет следующим: окончательное наказание по совокупности приговоров по правилам ст. 70 УК РФ назначено Петрову неправильно, так как следовало применить ч. 5 ст. 69 УК РФ – назначение наказания по совокупности преступлений; опасный рецидив определен неверно, поскольку на момент совершения преступления имелась лишь одна судимость, образующая рецидив, т. е. в действиях Петрова имеется простой рецидив преступлений.

Критерии оценки для второй задачи: верно определена ошибка в применении ст. 70 УК РФ и определении вида рецидива. Если соблюдены оба критерия, ответ оценивается на 100 %, если только один – на 50 %.

Как видно, глобально решение вышеуказанных задач зависит от точного определения правила, которое должно применяться (в первой задаче – правило исчисления срока погашения судимости, во второй – правило назначения наказания при множественности преступлений) и корректности вычислений (в первой задаче – определить период исполнения дополнительного наказания и дату погашения судимости; во второй – определить хронологию преступлений и приговоров). Таким образом, данные задачи основаны на анализе точно установленных значений, а потому требуют вычислений и исключают необходимость формулировать оценочные суждения. В условиях задач приведены исчерпывающие сведения, которые позволяют дать полный и корректный ответ.

2. Описание полученных результатов

2.1. Первая задача

Ни одна НС не дала верный ответ на 100 % (табл. 1). Ближе всех была Claude Sonnet 4.5, которая указала, что квалификация по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ невозможна, так как судимость погашена по истечении испытательного срока. Этот ответ оценен на 50 %, поскольку неверно определен момент погашения судимости. Другие модели с задачей не справились. Наименее точный ответ у DeepSeek, поскольку вместо погашения судимости приведены суждения о действии административного наказания.

Таблица 1. Результаты ответов на первую задачу. Первая попытка

Название модели	Краткий ответ	Оценка (%)
Chat GPT 5	Действия Иванова могут быть квалифицированы по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, если судимость еще не погашена	0
Claude Sonnet 4.5	Квалификация по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ невозможна, так как судимость погашена по истечении испытательного срока	50
YaGPT	Действия Иванова подпадают под ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, так как судимость не погашена	0
Perplexity	Действия Иванова следует квалифицировать по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, так как судимость не погашена	0
GigaChat	Действия Иванова следует квалифицировать по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, так как судимость не погашена	0
DeepSeek	Действия Иванова подлежат квалификации по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, поскольку он управлял транспортным средством в состоянии опьянения в период действия административного наказания в виде лишения специального права	0

По-видимому, НС не смогли выйти на текст вышеуказанного п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости». В связи с чем была предпринята вторая попытка, в ходе которой каждой модели была предоставлена точная цитата указанной правовой позиции. Полученные результаты изменились (табл. 2). Со второй попытки 100 % правильный ответ дан Claude Sonnet 4.5, YaGPT и ChatGPT – верно указано об отсутствии состава преступления в действиях Иванова ввиду погашения судимости. При этом данные модели признали промах в первой попытке и корректно применили предоставленную им цитату. Также первые две модели правильно определили дату погашения судимости, а ChatGPT в этом ошибся, указав на месяц раньше. На правильность ответа это не повлияло, поэтому результат зачтен.

Таблица 2. Результаты ответов на первую задачу. Вторая попытка

Название модели	Краткий ответ	Оценка (%)
Chat GPT 5	В действиях Иванова нет состава преступления, так как судимость по предыдущему приговору погашена с 13.04.2023	100*
Claude Sonnet 4.5	Действия Иванова на момент задержания 01.06.2023 не могут быть квалифицированы как преступление, так как прошло 19 дней после погашения судимости	100
YaGPT	Судимость Иванова погасилась 13.05.2023, его действия, совершенные 01.06.2023, не могут квалифицироваться по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ из-за отсутствия непогашенной судимости на момент совершения деяния	100
Perplexity	Судимость Иванова будет считаться погашенной только 13.05.2024, поэтому его действия подлежат квалификации по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ	0
GigaChat	Иванов оставался судимым вплоть до 12.11.2023, поэтому его действия образуют состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 264.1 УК РФ	0
DeepSeek	На 01.06.2023 судимость Иванова была погашена, срок административного наказания в виде лишения права истек, его действия подлежат квалификации по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ	0

Примечание: * с учетом изложенного выше комментария.

В этот раз определить наименее точный ответ не удалось, поскольку ответы Perplexity, GigaChat и DeepSeek одинаково неверные. Стоит лишь отметить, что первые две модели продолжили считать Иванова судимым, то есть проигнорировали предоставленную им цитату правовой позиции, а DeepSeek неверно понял ее содержание, посчитав, что погашение судимости не имеет правового значения для ответа на вопрос.

2.2. Вторая задача

Поставленные во второй задаче вопросы не вызвали затруднений у Claude Sonnet 4.5 и ChatGPT – данные модели дали 100 % правильные ответы (табл. 3).

Таблица 3. Результаты ответов на вторую задачу

Название модели	Краткий ответ	Оценка (%)
Chat GPT 5	Окончательное наказание определено незаконно, поскольку суд применил ст. 70 УК РФ, хотя должен был применять ст. 69 УК РФ, так как преступление совершено до вынесения предыдущего приговора; опасный рецидив определен ошибочно, поскольку на момент совершения преступления у Петрова имелась только одна судимость	100
Claude Sonnet 4.5	Окончательное наказание назначено неправильно, так как суд ошибочно применил ст. 70 УК РФ (совокупность приговоров) вместо ст. 69 УК РФ (совокупность преступлений). Установление опасного рецидива неправильно. В действиях Петрова имеется простой рецидив преступлений	100
YaGPT	Окончательное наказание назначено правильно. Опасный рецидив установлен неправильно, так как на момент совершения преступления у Петрова была только одна судимость, поэтому рецидива нет	0
Perplexity	Наказание назначено правильно, наличие рецидива установлено корректно	0
GigaChat	Применение ст. 70 УК РФ является правомерным, но вид исправительного учреждения определен неверно. Признание опасного рецидива необоснованно, так как в действиях Петрова вообще нет рецидива	0
DeepSeek	Окончательное наказание назначено неправильно в части вида исправительного учреждения. Наличие опасного рецидива преступлений установлено неправильно, рецидив должен был быть признан простым	50

Perplexity, YaGPT, DeepSeek и GigaChat не увидели ошибку в применении положений ст. 70 УК РФ при назначении окончательного наказания. При этом последние три «засомневались» в правильности вида рецидива, но в итоге YaGPT и GigaChat пришли к неверному выводу об отсутствии рецидива вовсе, а DeepSeek оказался точнее, указав наличие простого рецидива, поэтому его ответ оценен в 50 %. Следовательно, наименее точный ответ у Perplexity.

Таким образом, наиболее точные ответы по каждой задаче сформулированы Claude Sonnet 4.5 (решены обе задачи, все попытки были результативными), следующим по точности является Chat GPT 5 (решены обе задачи, но первая – с оговоркой), за ними следует YaGPT (решена одна задача со второй попытки) и DeepSeek (вторая задача решена частично).

Поскольку задачи верно решены сразу несколькими ИС, случайный характер полученных результатов исключается. Приводимая моделями аргументация ответов также показывает, что они получены в ходе вычислительных процессов, а не рандомной выдачи. Это демонстрирует реальные возможности тестируемых ИС, что напрямую связано с объемом заложенного в каждую из них массива данных и настройками их вычислительных алгоритмов.

Заключение

Вышеприведенные результаты тестирования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Общедоступные нейронные сети демонстрируют ограниченную способность к решению формализованных задач уголовного права, основанных на анализе строго определенных фактических данных и применении однозначных норм права, однако данная способность носит нестабильный характер и существенно различается между моделями.

2. Экспериментально подтверждено, что точность ответов нейронных сетей критически зависит от структуры запроса и прямого предоставления релевантных правовых источников. В отсутствие такого источника модели демонстрируют неспособность самостоятельно выявлять актуальные правовые позиции, включая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, что указывает на их репродуктивный, а не аналитико-правовой характер.

3. Использование нейронных сетей возможно исключительно в качестве вспомогательного инструмента предварительного анализа при условии обязательной последующей юридической верификации полученных выводов, поскольку выявленные в ходе исследования ошибки исключают возможность их самостоятельного применения в правоприменительной деятельности.

Список литературы

- Авдошин, С. М., Песоцкая, Е. Ю., Патрушев, К. А. (2024). Технологии доверенного искусственного интеллекта. *Информационные технологии*, 30(8), 400–410. EDN: <https://elibrary.ru/MRRLBL>. DOI: <https://doi.org/10.17587/it.30.400-410>
- Аветисян, А. И. (2024). Искусственный интеллект в гуманитарной сфере. Угрозы и возможности. *Вестник Российской академии наук*, 94(7), 623–628. EDN: <https://elibrary.ru/FMXFED>. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587324070028>
- Андрианов, А. А., Залужный, А. А., Мицкевич, А. В., Пономарев, А. В., Птицын, П. Б. (2024). Перспективы применения искусственного интеллекта в атомной отрасли. *Атомная энергия*, 137(5–6), 304–309. EDN: <https://elibrary.ru/XNBGZO>
- Барышников, П. Н. (2023). Человек и системы искусственного интеллекта. Санкт-Петербург: Юридический центр. *Вопросы философии*, 7, 214–218. EDN: <https://elibrary.ru/BXRFOF>. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-7-214-218>
- Белов С. Д., Зрелова Д. П., Зрелов П. В., Кореньков В. В. (2020). Обзор методов автоматической обработки текстов на естественном языке. *Системный анализ в науке и образовании: сетевое научное издание*, 3, 8–22. EDN: <https://elibrary.ru/YJFAYK>. DOI: <https://doi.org/10.37005/2071-9612-2020-3-8-22>
- Берриман, Дж., Циглер, А. (2025). *Промт-инжиниринг для LLM. Искусство построения приложений на основе больших языковых моделей*. Астана: Спринт Бук.
- Бетелин, В. Б. (2024). Научные проблемы обеспечения технологического суверенитета в области технологий искусственного интеллекта. *Вестник Российской академии наук*, 94(7), 629–634. EDN: <https://elibrary.ru/FMSVIQ>. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587324070031>
- Бузова, Н. В. (2024). Возможно ли применение технологии искусственного интеллекта при судебной защите авторских и смежных прав? *Российское правосудие*, 3, 36–45. EDN: <https://elibrary.ru/DOURTE>. DOI: <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2024.3.36-45>
- Власова, Е. Л. (2025). Искусственный интеллект и правовая дискриминация. *Право и государство: теория и практика*, 3, 281–284. EDN: <https://elibrary.ru/TZNYRI>. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_281
- Ворожевич, А. С. (2025). Возникают ли авторские права на произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта? Часть II. *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*, 3, 28–37. <https://elibrary.ru/CJHOOV>
- Даниелян, А. С. (2024). Юридическое образование и искусственный интеллект: векторы взаимодействия. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 804–823. EDN: <https://elibrary.ru/PWFHAU>. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.804-823>

- Дедов, Д. И. (2023). Право на справедливый суд: новые вызовы и возможности в условиях технологизации судопроизводства. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 19(1), 38–45. EDN: <https://elibrary.ru/UGNHOB>. DOI: <https://doi.org/10.12737/jzsp.2023.005>
- Еремин, Н. А., Селенгинский, Д. А. (2023). О возможностях применения методов искусственного интеллекта в решении нефтегазовых задач. *Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле*, 1-1, 201–211. EDN: <https://elibrary.ru/LGOGCA>. DOI: <https://doi.org/10.46689/2218-5194-2023-1-1-201-211>
- Жарова, А. К. (2025). Технологии дипфейк: социально-правовые риски нарушения частной жизни лица и правовые решения. *Правопорядок: история, теория, практика*, 2, 63–68. EDN: <https://elibrary.ru/NGILIG>. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-45-2-63-68>
- Калятин, В. О. (2024). Готово ли патентное законодательство к использованию искусственного интеллекта? *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*, 3, 58–62. EDN: <https://elibrary.ru/AZDCNH>
- Карцхия, А. А. (2024). Правовая охрана достижений искусственного интеллекта. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*, 4, 4–16. EDN: <https://elibrary.ru/QLLHFK>
- Кирпичев, А. Е. (2024). Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 28(4), 906–918. EDN: <https://elibrary.ru/ILOQXB>. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918>
- Кобринский, Б. А. (2024). Доверие к технологиям искусственного интеллекта. *Искусственный интеллект и принятие решений*, 3, 3–17. EDN: <https://elibrary.ru/HHRFBG>. DOI: <https://doi.org/10.14357/20718594240301>
- Кравченко, О. В. (2025). Генеративный искусственный интеллект: правовые риски для бизнеса. *Юридическая наука*, 11, 201–206. EDN: <https://elibrary.ru/AFPVYE>
- Кузьменко, О. В. (2025). *Промптология. Искусство диалога с нейросетями*. Москва, Вологда: Инфра-Инженерия.
- Оборотистов, Н. Ю., & Мураев, А. А. (2023). Применение искусственного интеллекта в стоматологии. *Российская стоматология*, 16(4), 70–71. EDN: <https://elibrary.ru/YQYOBK>
- Орлов, Ю. Н. (2025). Методы искусственного интеллекта в медицине. *Вестник Российской академии наук*, 8, 30–37. EDN: <https://elibrary.ru/DTDSKQ>. DOI: <https://doi.org/10.7868/S3034520025080032>
- Разумов, В. И., & Дусь, Ю. П. (2024). Новые технологии естественного интеллекта в задачах автоматизации рассуждений. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 77, 53–61. EDN: <https://elibrary.ru/TUWFQU>. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/4>
- Райков, А. Н. (2024). Оптический компьютер для искусственного общего интеллекта. *Информационное общество*, 2, 11–19. EDN: <https://elibrary.ru/YPLVLS>. DOI: https://doi.org/10.52605/16059921_2024_02_11
- Римшин, В. И., Кучеренко, В. А. (2024). Применение искусственного интеллекта при обследовании арматуры зданий и сооружений. *Известия высших учебных заведений. Строительство*, 1, 39–46. EDN: <https://elibrary.ru/EYDGRW>. DOI: <https://doi.org/10.32683/0536-1052-2024-781-1-39-46>
- Сайфуллин, А. А., Габитов, А. А., Адеев, А. А., Салов, А. С., Аспаев Н. А. (2023). Развитие применения искусственного интеллекта в компьютерных технологиях. *Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика*, 1, 15–22. EDN: <https://elibrary.ru/ADUUBV>. DOI: <https://doi.org/10.25791/pribor.1.2023.1381>
- Созаева, Д. А. (2024). Технологии искусственного интеллекта в стандартизации закупочной деятельности. *Стандарты и качество*, 8, 48–50. EDN: <https://elibrary.ru/QWJYZQ>. DOI: <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2024-8-80-24>
- Феникс, Дж., Тейлор, М. (2025). *Промт-инжиниринг для GenAI. Паттерны надежных запросов для качественных результатов*. Астана: Спринт Бук.
- Чебодаева, В. А. (2023). Контент, сгенерированный нейросетью: кто виноват и что делать? *Журнал Суда по интеллектуальным правам*, 4, 46–58. EDN: <https://elibrary.ru/RDRUUP>. DOI: https://doi.org/10.58741/23134852_2023_4_5
- Callister, P. D. (2020). Law, Artificial Intelligence, and Natural Language Processing: A Funny Thing Happened on the Way to My Search Results. *Law Library Journal*, 112(2), 161–212. <https://doi.org/10.31228/osf.io/dw29y>
- Farinella, F., & Gulyaeva, E. E. (2024). Neurorights: Time to discuss rights to mental privacy and integrity. *Lex Genetica*, 3(3), 44–61. EDN: <https://elibrary.ru/DRMCLK>. DOI: <https://doi.org/10.17803/lexgen-2024-3-3-44-61>
- Ke Wang (2023). On the Application of Artificial Intelligence in Local Legislation. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*. EDN: <https://elibrary.ru/TEVDRM>. DOI: <https://doi.org/10.2478/amns.2023.1.00371>
- Navarro-Dolmestch, R., & Fuentes-Loureiro, M.-Á. (2023). Una aproximación a ChatGPT como herramienta jurídica: sesgos, capacidades y utilidades futuras. En: Miró, F. (coord.). "Digitalización y algoritmización de la justicia". *IDP. Revista de Internet, Derecho y Política*, 39. (на испанском). EDN: <https://elibrary.ru/NJVACG>. DOI: <https://doi.org/10.7238/idp.v0i39.417024>

Сведения об авторе

Спиридонов Михаил Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

Адрес: 454080, Россия, Челябинск, проспект Ленина, 76

E-mail: spiridonovms@susu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-2715-8912>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAK-9097-2021>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1089837

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.4 / Уголовно-правовые науки

История статьи

Дата поступления – 9 января 2026 г.

Дата одобрения после рецензирования – 22 января 2026 г.

Дата принятия к опубликованию – 25 марта 2026 г.

Дата онлайн-размещения – 10 апреля 2026 г.

Research article

UDC 34:004:343.1:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/CHSEUI>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.2>

Possibility of Using Publicly Available Neural Networks in Criminal Proceedings

Mikhail S. Spiridonov

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

Keywords

criminal law,
criminal proceedings,
digital technologies,
experiment in law,
generative artificial
intelligence,
law enforcement,
law,
neural networks,
prompt,
sentencing

Abstract

Objective: to experimentally check the ability of publicly available neural networks to solve formalized criminal law problems with a pre-established normatively correct result.

Methods: a set of complementary methods of scientific cognition helped to achieve the work objective. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction formed the general scientific basis, which made it possible to systematically comprehend the issues under study. Among special legal tools were formal legal analysis and official interpretation of legal norms, which ensured the rigorous normative assessment of the results obtained. The key empirical research method was a controlled experiment, organically combined with modeling law enforcement situations and a comparative analysis of the answers of six publicly available neural networks to identical criminal law problems.

Results: during the experiment, publicly available neural networks showed significant discrepancies in the accuracy and consistency of answers to formalized criminal law problems: none of the tested models demonstrated a stable and error-free result. In the absence of direct reference to the relevant legal sources, the models systematically made mistakes when determining the term of conviction expungement, applying the rules for sentencing, and determining the type of recidivism of crimes. This indicates reproductive rather than analytical-legal nature of the models. Providing accurate quotations from regulations and explanations of the Russian Supreme Court Plenum significantly improves the correctness of answers from certain neural networks. The most and least effective models were identified, as well as the basic

© Spiridonov M. S., 2026

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

requirements for drafting a legally correct query in the field of criminal proceedings.

Scientific novelty: the study is an attempt to experimentally check the capabilities of publicly available neural networks in relation to specific criminal law problems with a pre-established normatively correct answer. The results obtained made it possible to propose the typology of errors made by neural networks, reveal their procedural causes, and identify the fundamental limitations of using generative artificial intelligence in law enforcement.

Practical significance: the results can be used in law enforcement and education: to determine the acceptable limits of using publicly available neural networks in criminal proceedings; to develop methodological recommendations for making legally correct queries to generative artificial intelligence systems; and to prevent typical errors when using neural networks in professional legal activity.

For citation

Spiridonov, M. S. (2026). Possibility of Using Publicly Available Neural Networks in Criminal Proceedings. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), XX–XX. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.2>

References

- Andrianov, A. A., Zaluzhnyy, A. A., Mitskevich, A. V., Ponomarev, A. V., & Ptitsyn, P. B. (2024). Prospects of artificial intelligence application in the nuclear industry. *Atomnaya Energiya*, 137(5–6), 304–309. (In Russ.).
- Avdoshin, S. M., Pesotskaya, E. Y., & Patrushev, K. A. (2024). Technologies of trusted artificial intelligence. *Information technologies*, 30(8), 400–410. (In Russ.). <https://doi.org/10.17587/it.30.400-410>
- Avetisyan, A. I. (2024). Artificial intelligence in the humanitarian field. Threats and opportunities. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 94(7), 623–628. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0869587324070028>
- Baryshnikov, P. N. (2022). Human and artificial intelligence systems. *Voprosy Filosofii*, 7, 214–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-7-214-218>
- Belov, S., Zrelava, D., Zrelav, P., & Korenkov, V. (2020). Overview of methods for automatic natural language text processing. *Sistemny Analiz v Nauke i Obrazovanii*, 3, 8–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.37005/2071-9612-2020-3-8-22>
- Berryman, J., & Ziegler, A. (2025). *Prompt Engineering for LLMs: The Art and Science of Building Large Language Model-Based Applications*. Astana: Sprint Buk. (In Russ.).
- Betelin, V. B. (2024). Scientific problems of ensuring technological sovereignty in the field of artificial intelligence technologies. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 94(7), 629–634. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0869587324070031>
- Buzova, N. N. (2024). Is it possible to use artificial intelligence technology in judicial protection of copyright and related rights? *Rossiiskoe Pravosudie*, 3, 36–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2024.3.36-45>
- Callister, P. D. (2020). Law, Artificial Intelligence, and Natural Language Processing: A Funny Thing Happened on the Way to My Search Results. *Law Library Journal*, 112(2), 161–212. <https://doi.org/10.31228/osf.io/dw29y>
- Chebodaeva, V. A. (2023). Content generated by a neural network: who is to blame and what to do? *Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 4, 46–58. https://doi.org/10.58741/23134852_2023_4_5
- Danielyan, A. S. (2024). Legal education and artificial intelligence: vectors of interaction. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(3), 804–823. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.804-823>

- Dedov, D. I. (2023). The right to a fair trial: new challenges and opportunities in the context of technologization of legal proceedings. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 19(1), 38–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jzsp.2023.005>
- Eremin, N. A., & Selenginsky, D. A. (2023). On the possibilities of applying artificial intelligence methods in solving oil and gas problems. *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Nauki o Zemle*, 1-1, 201–211. (In Russ.). <https://doi.org/10.46689/2218-5194-2023-1-1-201-211>
- Farinella, F., & Gulyaeva, E. E. (2024). Neurorights: Time to discuss rights to mental privacy and integrity. *Lex Genetica*, 3(3), 44–61. <https://doi.org/10.17803/lexgen-2024-3-3-44-61>
- Kalyatin, V. O. (2024). Is patent law ready for using artificial intelligence? *Intellektualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost*, 3, 58–62. (In Russ.).
- Karczkhya, A. A. (2024). Legal protection of the achievements of artificial intelligence. *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe Pravo i Smezhnye Prava*, 4, 4–16. (In Russ.).
- Ke Wang (2023). On the Application of Artificial Intelligence in Local Legislation. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*. <https://doi.org/10.2478/amns.2023.1.00371>
- Kirpichev, A. E. (2024). Prompts for generative artificial intelligence in legal discourse. *RUDN Journal of Law*, 28(4), 906–918. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918>
- Kobrinskii, B. A. (2024). Trust in artificial intelligence technologies. *Artificial Intelligence and Decision Making*, 3, 3–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.14357/20718594240301>
- Kravchenko, O. V. (2025). Generative artificial intelligence: legal risks for business. *Yuridicheskaya Nauka*, 11, 201–206. (In Russ.).
- Kuzmenko, O. V. (2025). *Promptology: The Art of Dialoging with Neural Networks*. Moscow, Vologda: Infra-Inzheneriya. (In Russ.).
- Navarro-Dolmestch, R., & Fuentes-Loureiro, M.-Á. (2023). Una aproximación a ChatGPT como herramienta jurídica: sesgos, capacidades y utilidades futuras. En: Miró, F. (coord.). *"Digitalización y algoritmización de la justicia"*. IDP. *Revista de Internet, Derecho y Política*, 39. (In Spanish). <https://doi.org/10.7238/idp.v0i39.417024>
- Oborotistov, N. Yu., & Muraev, A. A. (2023). Using artificial intelligence in dentistry. *Russian Journal of Stomatology*, 16(4), 70–71. (In Russ.).
- Orlov, Yu. N. (2025). Application of artificial intelligence methods in medicine. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 8, 30–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S3034520025080032>
- Phoenix, J., Taylor, M. (2025). *Prompt Engineering for Generative AI: Future-Proof Inputs for Reliable AI Outputs*. Astana: Sprint Buk. (In Russ.).
- Raikov, A. N. (2024). An optical computer for artificial general intelligence. *Information Society*, 2, 11–19. (In Russ.). https://doi.org/10.52605/16059921_2024_02_11
- Razumov, V. I., & Dus, Yu. P. (2024). New technologies of natural intelligence in reasoning automation tasks. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology And Political Science*, 77, 53–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/4>
- Rimshin, V. I., & Kucherenko, V. A. (2024). Application of artificial intelligence in inspection of firings of buildings and structures. *News of Higher Educational Institutions. Construction*, 1, 39–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.32683/0536-1052-2024-781-1-39-46>
- Sayfullin, A. A., Gabitov, A. A., Adeev, A. A., Salov, A. S., & Aspaev, N. A. (2023). Development of the application of artificial intelligence in computer technologies. *Pribory i Sistemy. Upravlenie, Kontrol, Diagnostika*, 1, 15–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.25791/pribor.1.2023.1381>
- Sozaeva, D. A. (2024). Artificial intelligence technologies in standardization of procurement activities. *Standards and Quality*, 8, 48–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2024-8-80-24>
- Vlasova, E. L. (2025). Artificial intelligence and legal discrimination. *Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 3, 281–284. (In Russ.). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_281
- Vorozhevich, A. S. (2025). Do copyrights arise for works created with the help of artificial intelligence? Part II. *Patenty i Licenzii. Intellektualnye Prava*, 3, 28–37. (In Russ.).
- Zharova, A. K. (2025). Dipfake technologies: socio-legal risks of violation of individual's privacy and legal solutions. *Legal Order: History, Theory, Practice*, 2, 63–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-45-2-63-68>

Author information

Mikhail S. Spiridonov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Criminology and Forensics, South Ural State University (National Research University)

Address: 76 prospekt Lenina, 454080 Chelyabinsk, Russia

E-mail: spiridonovms@susu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-2715-8912>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAK-9097-2021>

RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1089837

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – January 9, 2026

Date of approval – January 22, 2026

Date of acceptance – March 25, 2026

Date of online placement – April 10, 2026

Научная статья

УДК 34:004:347.962:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/FYYDHY>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.3>

Цифровизация правосудия в Зимбабве: институциональные вызовы и практические решения

Уолтер Тамбудзаи Чиквана

Комиссия по судебной службе Зимбабве, Хараре, Зимбабве

Ключевые слова

виртуальные слушания,
доступ к правосудию,
кибербезопасность,
межведомственное
взаимодействие,
право,
судопроизводство,
цифровая грамотность,
цифровые технологии,
электронная подача
документов,
электронное правосудие

Аннотация

Цель: исследовать процесс внедрения интегрированной электронной системы ведения дел в судебной системе Зимбабве, выявить ключевые проблемы, достигнутые результаты и извлеченные уроки для укрепления доступа к правосудию и эффективности судопроизводства.

Методы: исследование выполнено в жанре прикладного доктринально-правового анализа с описательным подходом к поэтапной реализации интегрированной электронной системы ведения дел; использованы методы изучения законодательства, анализа технической архитектуры системы, интеграции заинтересованных сторон и операционных воздействий, а также системный обзор внутренних отчетов Комиссии по судебной службе Зимбабве, журналов запросов службы поддержки, статистики регистрации пользователей и эмпирических наблюдений за этапами внедрения и программой управления изменениями.

Результаты: внедрение интегрированной электронной системы ведения дел автоматизировало полный цикл судебного процесса – от электронной подачи документов до исполнения решений и апелляций – и обеспечило заметное повышение прозрачности и подотчетности посредством онлайн-отслеживания дел и журналов аудита; зафиксирован рост показателей рассмотрения дел в высших инстанциях и существенное сокращение накопленных дел; внедрены механизмы онлайн-регистрации, виртуальных слушаний, электронных подписей и онлайн-платежей; одновременно выявлены системные препятствия – нестабильность электроснабжения, ограниченный доступ к Интернету в отдаленных районах, дефицит устройств и уровень цифровой грамотности, языковые барьеры и опасения по поводу кибербезопасности.

Научная новизна: представлен всесторонний эмпирический анализ национальной цифровизации судопроизводства в Зимбабве, который

© Чиквана У. Т., 2026

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

демонстрирует взаимосвязь между технологическими преобразованиями и институциональными параметрами независимости, подотчетности и доступа к правосудию; обоснована роль поэтапной стратегии и программ управления изменениями как условий устойчивой цифровой трансформации судебной системы.

Практическая значимость: результаты исследования дают прикладные рекомендации для администраторов судов и политиков: предпочтение поэтапного внедрения, усиление инфраструктурной поддержки и центров электронной регистрации, масштабные программы обучения, усиление кибербезопасности и законодательная гармонизация для обеспечения инклюзивного, надежного и устойчивого развития электронного правосудия.

Для цитирования

Чиквана, У. Т. (2026). Цифровизация правосудия в Зимбабве: институциональные вызовы и практические решения. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 26–72. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.3>

Содержание

Введение

1. Методология
2. Эволюция судебной системы: от бумажного документооборота к цифровизации
 - 2.1. Законодательная база и согласование нормативных актов
 - 2.2. Запуск ИЭСУД
 - 2.2.1. Поэтапное внедрение ИЭСУД
 - 2.2.2. Архитектура ИЭСУД
 - 2.3. Техническая поддержка ИЭСУД
 - 2.4. Регистрация в качестве пользователя системы
 - 2.5. Запросы в суд
 - 2.5.1. Поддержка пользователей ИЭСУД
 - 2.6. Влияние цифровизации судебной системы в Зимбабве
 - 2.6.1. Цифровизация и независимость судебных органов
 - 2.6.2. Цифровизация и подотчетность судебных органов
 - 2.7. Признание эффективности ИЭСУД
3. Проблемы, принятые меры и извлеченные уроки
 - 3.1. Перебои в подаче электроэнергии
 - 3.2. Проблемы с данными и гаджетами
 - 3.3. Компьютерная и системная неграмотность
 - 3.4. Скептицизм к переменам
 - 3.5. Понимание заинтересованных сторон

Заключение

Список литературы

Введение

В судебной системе Зимбабве начался кардинальный процесс цифровизации судебной деятельности. 1 мая 2022 г.¹ была введена в действие цифровая платформа, охватывающая всю судебную и исковую документацию, а также позволяющая рассматривать дела в электронном виде. При этом для улучшения судебного администрирования в целом и управления судами в частности используются новые технологии. Когда система заработает в полную силу, это повлечет за собой полное прекращение подачи исковых заявлений на бумажных носителях и избавит истцов и практикующих юристов от необходимости физически являться в суд для отстаивания своих интересов. Цифровизация осуществляется с помощью компьютерного программного обеспечения под названием «Интегрированная электронная система управления делами» (Integrated Electronic Case Management System, IECMS, далее – ИЭСУД). Система объединяет все суды, автоматизируя весь процесс от первоначальной подачи иска до его рассмотрения, исполнения судебного решения и последующих механизмов обжалования. При его полном внедрении предполагается также полная интеграция судов с другими участниками системы правосудия, такими как Национальная прокуратура Зимбабве (National Prosecuting Authority of Zimbabwe, NPA), полиция Республики Зимбабве (Zimbabwe Republic Police, ZRP), Комиссия Зимбабве по борьбе с коррупцией (Zimbabwe Anti-Corruption Commission, ZACC), Юридическое общество Зимбабве (Law Society of Zimbabwe, LSZ) и Управление тюрем и исправительных учреждений Зимбабве (Zimbabwe Prisons and Correctional Services, ZPCS). После полной интеграции все заинтересованные стороны смогут напрямую взаимодействовать с судами в режиме онлайн. Таким образом, процесс интеграции следует понимать в двух смыслах. Во-первых, это взаимодействие между всеми судами, а также пользователями и сторонами, которые обращаются в суды. Во-вторых, это интеграция между судами и заинтересованными сторонами в системе правосудия.

ИЭСУД полностью изменит функционирование судов в Зимбабве. Последует отказ от традиционных бумажных процедур и переход к упрощенной цифровой системе. По своей сути ИЭСУД – это комплексное веб-приложение, которое опирается на надежный и повсеместный доступ к Интернету. Эта фундаментальная зависимость от доступа к Интернету распространяется на всю судебную экосистему – от централизованного центра обработки данных, где размещены жизненно важные компоненты системы, до каждого отдельного судебного участка, где с ней ежедневно взаимодействуют работники суда, юристы и граждане (Gómez, 2024; Grudtsina, 2025; Helberger & Felzmann, 2025; Maroz, 2023; Sourdin & Weller, 2025; Luo, 2024; Stepanov et al., 2021; Wang & Chen, 2022; Boldyrev & Maksimov, 2025; Alekseevskaya, 2020).

В работе рассматривается опыт Зимбабве по внедрению ИЭСУД, анализируются проблемы и успехи в ходе этого процесса. Цифровизация была инициирована из-за неэффективности систем ведения дел на бумажных носителях, которая приводила к потере документов, задержкам с завершением рассмотрения дел, ограниченному доступу к правосудию и жалобам на коррупцию.

¹ В тот же день был создан первый в стране безбумажный суд в форме отдельного коммерческого отделения Высокого суда. См. выступление председателя Верховного суда Luke Malaba от 9 января 2023 г. С. 9.

В исследовании также показана роль цифровизации судебной системы в обеспечении подотчетности, прозрачности, независимости, эффективности судебных органов и повышении доступа к правосудию, то есть принципов, лежащих в основе судебной системы в Зимбабве². Цифровизация в целом и такие ее механизмы, как онлайн-отслеживание дел и мониторинг эффективности, повышают прозрачность процедур и подотчетность работников судов конституционным и правовым стандартам при сохранении их судебной автономии. Цифровизация позволила снизить бюрократические издержки, обеспечив точный мониторинг рабочей нагрузки и результатов работы сотрудников судебных органов. Например, судебные работники и стороны судебного процесса теперь могут отслеживать ход рассмотрения дел в режиме онлайн. Руководители судов и распорядители судебных заседаний также могут наблюдать за состоянием незавершенных дел и работой других сотрудников судебной службы без необходимости физического посещения судебных участков. Вместо этого они полагаются на инструменты судебного мониторинга, встроенные в ИЭСУД. Прозрачность, обеспечиваемая этой технологией, укрепляет доверие общественности к судебной системе благодаря расширенному доступу к статусам дел и их прогрессу (Gaffar, 2024; Reiling & Contini, 2022). Кроме того, внедрение виртуальных слушаний, электронной регистрации, онлайн-платежей, электронных подписей и печатей позволило еще больше сократить сроки выполнения процедур и сделало судебную систему Зимбабве более удобной и доступной для пользователей.

Автор также рассматривает связь между цифровизацией судебной системы и независимостью судей. Цифровизация способствует независимости судебной системы, уменьшая зависимость от ручных процессов и бумажной волокиты. При этом также ограничивается внешнее давление, которое традиционно присутствует и оказывает влияние на работу судов. Более эффективное управление рабочей нагрузкой дает сотрудникам судебных органов больше времени для того, чтобы сосредоточиться на принятии обоснованных и более аргументированных решений.

В работе подчеркивается необходимость согласовать технологические достижения с общественными потребностями для обеспечения упорядоченных процессов и улучшения доступа к правосудию. Решающую роль во внедрении ИЭСУД и обеспечении плавного перехода к ней сыграли кампании по информированию общественности, учебные программы и механизмы технической поддержки, такие как центры электронной регистрации, справочные службы ИЭСУД и круглосуточные колл-центры. Поэтапный подход к внедрению, начиная с высших судебных инстанций, таких как Конституционный суд и Верховный суд, а затем постепенный переход к мировым судам позволили последовательно улучшать механизмы, что, в свою очередь, способствовало укреплению доверия пользователей.

Наконец, автор статьи полностью признает критические мнения о внедрении ИЭСУД в Зимбабве, ранее высказанные другими авторами. Эти мнения вызвали к жизни интересную дискуссию о траектории, выбранной судебной системой Зимбабве на сегодняшний день. Мы надеемся, что данная статья сыграет свою роль в развитии и совершенствовании базы знаний о цифровизации судов в Зимбабве.

² См. разделы 165 и 190 Конституции Зимбабве.

1. Методология

Работа основана на результатах прикладного юридического исследования, проведенного с практической целью, а именно для поддержки и укрепления процесса цифровизации судебной системы в Зимбабве (Chynoweth, 2008)³. Как любое прикладное правовое исследование, которое проводится с определенной целью, наш анализ направлен на выявление практических результатов, в данном случае тех, которые могут способствовать улучшению отправления правосудия благодаря внедрению ИЭСУД.

Методологически работа опирается на прикладные доктринально-правовые исследования с анализом правовой и институциональной среды, имеющие отношение к судебному администрированию и цифровизации судебных процессов. В доктринально-правовых исследованиях формулируется понимание права посредством анализа правовых норм, содержащихся в статутах и судебных делах. Наше исследование также содержит анализ имеющихся материалов о внедрении ИЭСУД, отраженных в поэтапном отчете и других опубликованных источниках.

2. Эволюция судебной системы: от бумажного документооборота к цифровизации

До внедрения ИЭСУД судебная система Зимбабве функционировала в ручном режиме, с использованием бумажных документов, что ограничивало ее подотчетность, эффективность и доступность. Все документы подавались физически, необходимо было лично присутствовать на слушаниях. Обслуживание судебных процессов также происходило только физически. Оплата судебных и других пользовательских платежей осуществлялась наличными. Это приводило к многочисленным недостаткам, «узким местам», а иногда и к прямому преднамеренному манипулированию судебными процессами. Случалось, что важнейшие судебные документы, а зачастую и материалы дела теряли или крали. Нередки были случаи, когда в исковых заявлениях и других судебных документах мошенническим образом проставлялась дата их подачи, что давало несправедливое и незаконное преимущество сторонам, виновным в затягивании выполнения предъявленных им требований. Отслеживание дел было разрозненным, доступ к информации – затрудненным, а механизмы подотчетности – слабыми. Отсутствовала централизованная система контроля за ходом рассмотрения дел, что приводило к огромным задержкам, несоответствиям в судебных процессах и слабому контролю за деятельностью судов и отчетностью в целом. В то время как судебная система Зимбабве находилась в состоянии застоя и сталкивалась со всеми этими искусственными проблемами, другие страны предпринимали шаги по их смягчению или уже были на пике передовых технологий.

К окончательному краху ручных систем правосудия привела неожиданная вспышка пандемии COVID-19 в конце 2019 г. Ситуация быстро ухудшалась, и к началу 2020 г. практически все здания судов в стране были закрыты на длительный срок. В соответствии с рекомендациями Всемирной организации

³ Assim, L. (2015). An overview of research design and methodology. ERS Consultants CC.

здравоохранения правительство ввело строгий комендантский час, который контролировался силами безопасности. Были введены серьезные ограничения на передвижение людей⁴. В результате посещение судов как сотрудниками, так и представителями общественности стало невозможным. Обычные судебные процессы были приостановлены на продолжительные периоды. Практикующие юристы не могли работать, лица, заключенные под стражу за уголовные правонарушения, не могли быть доставлены в суд, а широкой общественности было фактически отказано в доступе к судам. Последствия ограничений, введенных в связи с COVID-19, включали увеличение числа просрочек в судах и значительные трудности с доступом к правосудию. Излишне говорить, что приостановление судебных разбирательств не остановило возникновение правовых споров, что привело к неприемлемой ситуации, когда судебная власть не могла выполнять свой конституционный мандат по отправлению правосудия. Это повлияло на верховенство закона. Выявив уязвимость системы отправления правосудия в Зимбабве, пандемия COVID-19 также дала возможность внедрить новые методы отправления правосудия, такие как платформы виртуальных судов, которые являются частью основных функций ИЭСУД⁵.

Очевидные ограничения побудили судебную систему ускорить реализацию своих давних планов по переводу судебной деятельности в цифровой формат⁶. Становилось все более очевидным, что единственный способ сохранить целостность судов и отправление правосудия – это перевести суды в цифровой формат и обеспечить возможность проведения судебных процессов из любой точки. Главный судья Зимбабве Л. Малаба наглядно обрисовал ситуацию, прокомментировав ее следующим образом:

«Последствия пандемии COVID-19, хотя и травмирующие и мучительные во многих отношениях, открыли определенную правду об использовании технологий. В настоящее время различные специалисты используют цифровизацию в своей повседневной деятельности... Судебная система, по-видимому, слишком медленно внедряла электронное правосудие, придерживаясь традиционных способов ведения дел, таких как использование печатных экземпляров книг, повесток и других документов. Судебные органы делают это на свой страх и риск, поскольку использование информационно-коммуникационных технологий все чаще становится обычным способом ведения любых процессов, включая отправление правосудия... Проблемы, с которыми сталкиваются судебные органы в связи с характером и серьезностью воздействия на систему отправления правосудия последствий карантина и ограничительных мер, введенных правительством для предотвращения и сдерживания

⁴ См., например, the Public Health (COVID-19 Prevention and Containment) Regulations, 2020 [SI 77 of 2020].

⁵ Sibanda, A. (2022). Zim moves closer to virtual courts. <https://goo.su/c9glXX>

⁶ Во время церемонии открытия 2021-го юридического года в Зимбабве было отмечено: «Для Комиссии по судебной службе стало очевидно, что в разгар пандемии информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) превратились из возможности выбора в абсолютную необходимость. Суды не могут позволить себе отставать в использовании потенциала ИКТ для обеспечения беспрепятственного доступа к правосудию». См. приветственную речь судьи L. Malaba, посвященную открытию юридического года: «Обеспечение эффективности судебной системы» (Хараре: Комиссия по судебной службе Зимбабве, 2021), с. 21.

распространения COVID-19, являются достаточным основанием для реформы системы правосудия»⁷.

Примечательно, что решение о цифровизации судебной системы в Зимбабве также было основано на Конституции Зимбабве 2013 г. Ее Раздел 190(2) обязывает содействовать эффективности и прозрачности при отправлении правосудия⁸. На фоне неэффективности, вызванной бумажной системой ведения дел, Комиссия по судебной службе (КСС) была юридически обязана устранить проблемы, которые препятствовали эффективному отправлению правосудия в стране, путем принятия стратегических мер, направленных на повышение эффективности работы судов. Именно на этой основе и была разработана ИЭСУД в качестве инструмента для реализации мандата Комиссии в соответствии с Разделом 190(2) Конституции Зимбабве.

Кроме того, в ст. 165 Конституции изложены основополагающие принципы, которыми должна руководствоваться судебная система Зимбабве. Они включают в себя беспристрастность судей, необходимость эффективной и разумной оперативности при выполнении судебных обязанностей, а также требование к отдельным сотрудникам судебных органов и коллективам уважать судебную деятельность как объект общественного доверия и стремиться к повышению своей независимости для поддержания общественного доверия к судебной системе⁹. Цифровизация судов полностью соответствует этим принципам. Система, которая требует, чтобы истцы физически вели судебные процессы в судебных участках, которые часто расположены на большом расстоянии от места их проживания, ни по каким критериям не может обеспечить эффективное отправление правосудия и разумную оперативность. Напротив, внедрение виртуальных слушаний в качестве компонента цифровизации позволило судебным работникам, практикующим юристам и сторонам в судебном процессе удаленно участвовать в судебных разбирательствах. Это, помимо прочего, способствует эффективному выполнению судебных обязанностей с разумной оперативностью.

Декларация прав в рамках Конституции также представляет собой отдельную конституционную основу для цифровизации судов. Статья 69(3) Конституции гарантирует каждому гражданину право на доступ к суду или другому учрежденному законом трибуналу или форуму для разрешения любых споров. Доступ к судам, который обычно ошибочно принимают за процессуальные права доступа, далеко выходит за рамки этой узкой концепции. Скорее, он неразрывно связан с общечеловеческим принципом справедливости, гарантирующим защиту человеческого достоинства посредством отправления правосудия¹⁰. Поэтому нет никаких сомнений в том, что

⁷ Выступление председателя Верховного суда Зимбабве, судьи Luke Malaba по случаю официального открытия 2022-го юридического года 10 января 2022 г. на тему «Использование технологий для повышения эффективности и верховенства закона в судебной системе».

⁸ Комиссия по судебной службе (КСС) является конституционным органом, созданным в соответствии со ст. 189 Конституции Зимбабве 2013 г. Его основной административный мандат, предусмотренный Разделом 190 Конституции, заключается в развитии независимости и подотчетности судебных органов и обеспечении того, чтобы отправление правосудия в Зимбабве осуществлялось на высоком уровне эффективности и транспарентности.

⁹ См. подразделы (1) и (2) раздела 165 Конституции Зимбабве 2013 г.

¹⁰ См. *Museredza and Others v Minister of Agriculture, Lands, Water and Rural Settlement and Others*. CCZ-1-22 at p. 11, para. 23.

полная реализация конституционного права на доступ к судам предполагает беспрепятственный доступ к ним. В этой связи цифровизация устраняет физические и экономические барьеры для доступа в суды, включая необходимость для сторон преодолевать большие расстояния, чтобы подавать иски или отстаивать свои интересы в ближайших судебных участках. Из этого следует, что компьютеризация судов также основывается на более широких принципах доступа к правосудию, справедливости и равноправия, которые включают в себя необходимость уделять приоритетное внимание потребностям граждан в отправлении правосудия, а не институциональным удобствам; стремление к отправлению правосудия как по процедурным, так и по материальным вопросам; пригодность технологий для обеспечения доступа к правосудию; эффективность судебной деятельности; обеспечение равного обращения¹¹, особенно с лицами, находящимися в неблагоприятном экономическом положении.

В свете конституционных основ, изложенных выше, цифровизацию судебной системы в Зимбабве следует признать необходимой и неизбежной. Попытки интегрировать другие виды компьютерных систем в работу судов предпринимались еще до 2017 г., однако они включали только сканирование судебных документов для повышения доступности и создания некоторого подобия резервного копирования и отслеживания. Разработка концепции полной цифровизации началась в июне 2017 г.¹² Именно тогда был создан комитет под председательством судьи Верховного суда Зимбабве для изучения и вынесения рекомендаций относительно целесообразности создания Интегрированной электронной системы ведения дел¹³. В состав комитета вошли различные заинтересованные стороны, в том числе другие судьи, руководитель отдела информации и технологий КСС, главный регистратор высших судов, а также секретари Верховного суда и Суда по трудовым спорам. Комитет изучил подобные системы других стран и базовую оценку требуемых ресурсов, учитывая ограничения существующей системы ведения дел. После этого было вынесено заключение, подтверждающее, что внедрение электронной системы ведения дел действительно возможно¹⁴.

В соответствии с рекомендациями, сформулированными вышеупомянутым комитетом, позднее был создан комитет по внедрению с функцией контроля за разработкой системы¹⁵. Он провел анализ требований к системе, оценку потребностей, спецификацию и выбор системы, а также конкурс на ее разработку. Впоследствии в качестве разработчика была выбрана компания Synergy International Systems, Inc.¹⁶

¹¹ Раздел 56 Конституции Зимбабве 2013 г. гарантирует право каждого гражданина на равенство перед законом, равное обращение и защиту закона.

¹² The Honourable Mr Justice L. Malaba, Remarks to Thank the Committee Appointed to Recommend an Appropriate Integrated Electronic Case Management System for Zimbabwean Courts (Harare: Judicial Service Commission, 19 November 2018) at p. 2.

¹³ Председателем комитета был судья Высокого суда д-р E Tsanga.

¹⁴ Доклад судьи E Tsanga был представлен Комиссии 19 ноября 2018 г.

¹⁵ Комитет возглавлял старший судья коммерческого отдела Высокого суда J Mafusire.

¹⁶ Это глобальная компания-разработчик программного обеспечения со штаб-квартирой в Вирджинии, США, региональными офисами в Нидерландах и Руанде, а также центром разработки и обучения в Армении.

По данным Muserere и Watson:

«Поставщик программного обеспечения для ИЭСУД, компания Synergy International Systems, Inc., была выбрана благодаря гибкости их платформы e-Case и обширному региональному опыту, включая системы национального уровня в Руанде и Уганде. Этот опыт включает в себя важнейшие передовые практики и уроки, извлеченные из внедрения аналогичных систем в обеих странах, которые были с готовностью применены Комиссией по судебной службе»¹⁷.

После тщательных процессов разработки, испытаний, апробации и закупки необходимого программного и аппаратного обеспечения ИЭСУД была готова к запуску в 2022 г. Платформа объединила Конституционный суд, Верховный суд, Коммерческий отдел Высокого суда, Общий отдел Высокого суда, Суд по трудовым спорам, Административный суд, Мировой суд и Управление шерифа Зимбабве в рамках единой информационной системы¹⁸. Существует также возможность интеграции других участников судебной системы. Реализованы автоматизация и отслеживание всех аспектов жизненного цикла дела, от первоначальной подачи до рассмотрения иска. Охвачены и процессы после рассмотрения, такие как исполнение, апелляции и пересмотр дела. Таким образом, ИЭСУД как цифровой инструмент переосмысливает зал суда не только как физическое пространство, но и как динамичную платформу для виртуальных и физических слушаний.

2.1. Законодательная база и согласование нормативных актов

Успешное внедрение ИЭСУД с неизбежностью потребовало внесения значительных поправок в существующие законодательные акты и судебные регламенты, чтобы обеспечить правовую основу для внедрения электронных процедур. Именно в этом направлении на протяжении многих лет систематически проводилось развитие законодательства. Эти законодательные поправки во многом отражали поэтапный подход¹⁹ к внедрению ИЭСУД, одновременно обеспечивая синхронизацию правовой базы с технологическими возможностями.

2022: Разработка законодательства. Первоначальное внедрение ИЭСУД потребовало внесения поправок в правила, регулирующие работу судов, чтобы электронные процедуры соответствовали физическим режимам. В результате были опубликованы поправки к Правилам Конституционного²⁰, а затем Верховного и Высокого (Коммерческого) суда²¹. Эти поправки создали правовую основу для электронной подачи документов, обслуживания процессов и ведения дел в соответствующих судах.

2023: Принятие законодательных актов. Расширение ИЭСУД с целью охвата большего числа судов потребовало внесения соответствующих поправок в законодательство для приведения судебной практики и процедур в этих судах в соответствие

¹⁷ Muserere, S. & Watson, A. (2023). Best practices and approaches to judicial digital transformation: Zimbabwe IECMS case study. *The Court Administrator*, 15 (Fall 2023). At p. 11.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Поэтапный подход будет более подробно рассмотрен ниже.

²⁰ Законодательный акт № 8 от 2022 г.

²¹ Это было сделано в соответствии с законодательными актами 79 и 80 от 2022 г.

с возможностями системы. Поэтому на основе различных нормативных актов были приняты Правила Высокого суда от 2021 г., Правила Суда по трудовым спорам и Правила Административного суда (по апелляциям)²².

Наиболее важно то, что был принят Закон о внесении поправок в судебное законодательство от 2023 г.²³, направленный на внесение всесторонних изменений в многочисленные законодательные акты, касающиеся отправления правосудия. Изменениям подверглись такие законодательные акты, как Закон о Конституционном суде, Закон о Верховном суде, Закон о Высоком суде, Закон об административном суде, Закон о суде по трудовым спорам, Закон о мировом суде и Закон об уголовном судопроизводстве и доказательствах. Были введены положения о виртуальных судебных заседаниях и обеспечена законодательная база, необходимая для полноценного использования и внедрения ИЭСУД.

2024: Совершенствование законодательства. В ходе внедрения ИЭСУД Общий отдел Высокого суда выразил обеспокоенность по поводу того, что поправки к Правилам Высокого суда от 2023 года недостаточно поддерживают цели обеспечения доступа к правосудию. Примечательно, что Парламентский юридический комитет также опубликовал негативный отчет об этом документе²⁴, отметив, что требование об электронной подаче исковых заявлений и уведомлений является проблематичным, учитывая, что значительная часть населения в сельской местности не имеет надежного подключения к Интернету²⁵. Также было отмечено, что не у всех есть электронные устройства, которые позволили бы им получить доступ к ИЭСУД. В докладе Комитета говорилось, что онлайн-слушания подрывают публичный аспект судебного разбирательства, ограничивая участие общественности. Также была выражена обеспокоенность по поводу того, что инструкции к ИЭСУД, написанные только на английском языке, создают языковые ограничения. Далее было высказано предположение, что, поскольку электроснабжение в стране неустойчиво и наблюдаются многочасовые перебои, то эффективность системы будет минимальной, так как она в значительной степени зависит от бесперебойного электроснабжения. В результате парламент обратился к КСС с просьбой пересмотреть правила. Они были заменены новыми в форме решения Высокого суда о внесении поправок (№ 2), опубликованного 8 мая 2024 г.²⁶ Новые поправки однозначно интегрировали концепции учетных записей ИЭСУД и платформы ИЭСУД в Правила Высокого суда от 2021 г., фактически предоставив четкие юридические полномочия для электронной подачи документов,

²² Постановление о правилах (поправка) Высокого суда от 2023 г., согласно законодательным актам № 153 от 2023 и № 2 от 2023 г. соответственно.

²³ Закон № 5 от 2023 г.

²⁴ В соответствии со ст. 152 Конституции Зимбабве от 2013 г. Парламентский юридический комитет отвечает за рассмотрение всех законопроектов, за исключением конституционных законопроектов, нормативных актов и соответствующих проектов законодательства. Функция Комитета заключается в оценке того, противоречит ли какое-либо положение такого законодательства Конституции или превышает полномочия, предоставленные соответствующим законом, и в предоставлении отчета о своих выводах парламенту или соответствующим органам власти.

²⁵ Parliamentary Legal Committee. Adverse Report of the Parliamentary Legal Committee on Statutory Instrument 153 of 2023, High Court (Amendment) Rules, 2023 (No. 1) (Harare: Parliament of Zimbabwe, 2023). <https://clck.ru/3SKsqz>

²⁶ Законодательный акт № 81 от 2024 г.

предоставления услуг и проведения виртуальных слушаний, что решило проблемы, поднятые законодательной властью.

2025: Координирование деятельности мировых судов. В рамках подготовки к осуществлению четвертого этапа внедрения ИЭСУД в мировых судах были обнародованы Правила о внесении поправок в положения о мировых судах (по гражданским делам)²⁷. Это привело Правила магистратского суда 2018 г. в соответствие с ключевыми функциями ИЭСУД, гарантируя, что суды низшей инстанции будут обладать теми же электронными возможностями и правовой базой, что и суды высшей инстанции, тем самым способствуя согласованности во всей судебной системе.

2.2. Запуск ИЭСУД

Как уже говорилось, ИЭСУД заменила бумажную систему ведения дел на безбумажную электронную систему ведения дел.

Ранее отмечалось, что внедрение ИЭСУД основано на конституционной обязанности КСС обеспечивать надлежащее, действенное, результативное и прозрачное отправление правосудия, а также на обязанности государства обеспечивать реализацию права граждан на доступ к судам. Конституционные основания для принятия ИЭСУД в качестве инструмента повышения эффективности отправления правосудия позволяют достичь нескольких взаимосвязанных целей, в том числе повысить эффективность работы судов в Зимбабве, сократить расходы и задержки в судебных разбирательствах, улучшить доступ к правосудию и способствовать прозрачности, добросовестности и подотчетности в судебной системе.

2.2.1. Поэтапное внедрение ИЭСУД

КСС сознательно отказалась от комплексного подхода при внедрении ИЭСУД. Вместо этого внедрение проводится в четыре этапа. Поэтапное внедрение – это стратегия, направленная на постепенное внедрение новой системы. Это решение имеет целью снижение рисков и обеспечение более эффективного управления изменениями²⁸. На каждом этапе вводится определенный набор функций или обслуживается определенная часть судебной системы, что дает время для адаптации, устранения неполадок и учета обратной связи, прежде чем произойдет переход к следующему этапу. Поэтапное внедрение включает в себя ряд четко определенных и запланированных этапов, в ходе которых новые компоненты вводятся постепенно, позволяя различным группам пользователей внедрять новую систему в разное время, одновременно поддерживая старую систему до тех пор, пока новая не заработает в полную силу²⁹.

Принятая КСС схема поэтапного внедрения основана на различных аспектах существующих реалий. Данный подход был принят для поддержки постепенного внедрения системы судами и всеми заинтересованными сторонами, в то же время предоставляя КСС возможность наблюдать за тем, как функционирует ИЭСУД, и оценивать как сильные, так и слабые стороны системы. Это также обеспечивает

²⁷ Законодательный акт № 52 от 2025 г.

²⁸ Phased Implementation: A Better Way to Onboard SaaS Clients. (2025, March 28). Dock. <https://clck.ru/3SKsvz>

²⁹ Understanding Implementation Strategies in the Software Development Life Cycle (SDLC). (2024, October 27). Business Analysis Coach. <https://clck.ru/3SKtFo>

пространство для мобилизации ресурсов, что позволило интегрировать как материальные, так и человеческие ресурсы для каждого этапа³⁰. Поэтапный подход также позволил провести адекватное обучение для всех участников ИЭСУД, таких как вспомогательный персонал, сотрудники судебных органов и другие заинтересованные стороны, например, полиция, прокуроры, практикующие юристы и представители общественности. Это также дало время и возможность провести масштабные рекламные кампании в рамках программы управления изменениями, чтобы все заинтересованные стороны, работники судебной системы и общественность в целом имели четкое представление о том, что такое ИЭСУД, и оценили преимущества, которые она дает. Примечательно, что еще до официального запуска первого этапа КСС уже провела пилотные виртуальные судебные заседания с участием представителей судебной системы и заключенных в тюрьмах, что заложило основу для внедрения ИЭСУД. Виртуальные слушания впервые прошли в мировом суде города Хараре, следственных изоляторах Хараре, тюрьме строгого режима Чикуруби и Высоком суде Хараре в феврале 2022 г.³¹ Это позволило оперативно рассмотреть ряд срочных и рядовых уголовных дел, включая ходатайства о предварительном заключении и освобождении под залог лиц, содержащихся под стражей. Эта инициатива привела к значительной экономии средств в тюрьмах и исправительных учреждениях Зимбабве, поскольку избавила от ненужных расходов на транспорт и сопутствующих задач, связанных с ежедневной доставкой заключенных в суды и обратно. Что еще более важно, это позволило проследить динамику и функциональность внедрения ИЭСУД.

Как отмечают Djuraev et al. (2025), в некоторых юрисдикциях поэтапный подход был обусловлен в первую очередь географическим положением³², то есть реформа началась с городов и городских районов, а затем переместилась в сельскую местность. В Зимбабве же подход был основан на иерархии судов и их рабочей нагрузке. КСС сочла разумным начать с менее загруженных судов и постепенно переходить к судам с высокой нагрузкой. Таким образом, на каждом из четырех этапов ИЭСУД внедрялась во всех частях страны, но с особым упором на определенный суд или судебные инстанции. При запуске ИЭСУД, который состоялся 1 мая 2022 г., системы были внедрены в Конституционном суде, Верховном суде и Отделе по коммерческим вопросам Высокого суда. 1 февраля 2023 г. в Суде по трудовым спорам и Административном суде начался второй этап. Третий этап был начат 1 сентября 2023 г. в Общей палате Высокого суда, а также в Управлении шерифа Зимбабве. Четвертый, заключительный, этап, который продолжается в настоящее время, начался 1 июля 2025 г. и предусматривает внедрение ИЭСУД в мировых судах.

³⁰ Закупки и финансирование всего процесса внедрения ИЭСУД были профинансированы правительством Зимбабве через Министерство финансов и экономического развития.

³¹ Проект «Тюрьма – суд» был реализован КСС в партнерстве с программой развития ООН (ПРООН).

³² См. комментарии Djuraev et al. (2025). В работе отмечается, что в Южной Африке городские районы получили преимущества от Интегрированной системы правосудия (IJS), а сельские районы по-прежнему полагаются на ручные процессы, поскольку в сельской местности нет центров обработки данных. Те же замечания были высказаны в отношении процесса цифровизации в Кении в работе Krupina et al. (2020).

В свою очередь, внутри четвертого этапа также был принят поэтапный подход, заключающийся в том, что система внедряется в мировых судах одновременно в двух провинциях. Уникальность этого этапа в том, что схема внедрения была различной для судов в разных географических районах. Мировые суды являются не только самыми загруженными судами в Зимбабве³³, но и самыми распространенными. Они расположены во всех провинциях и округах страны. В основном они обслуживают бедные и уязвимые слои населения, которые едва могут позволить себе судебные издержки. Поэтому было важно принять тщательно спланированную методологию внедрения, учитывающую уникальные потребности лиц, которые часто пользуются услугами этих судов³⁴. Подготовка к запуску четвертого этапа началась 1 января 2025 г.³⁵ На рис. 1 показана вышеописанная схема поэтапного внедрения ИЭСУД на всех судебных уровнях, кульминацией которой стал подход на уровне провинций, принятый для мировых судов на четвертом этапе. Он был разработан для управления масштабированием процесса и обеспечения непрерывности в ходе внедрения.

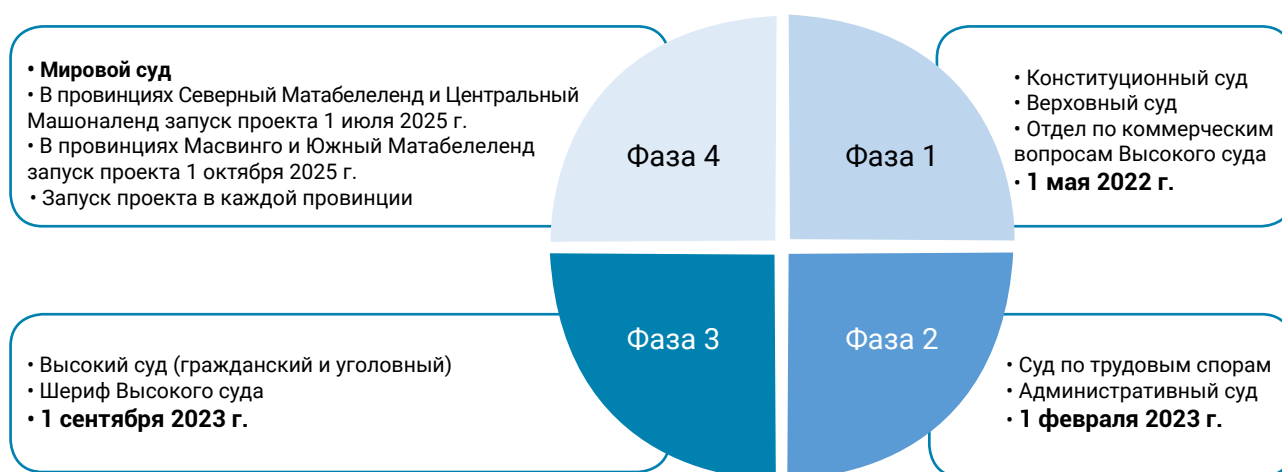

Рис. 1. Поэтапный подход к внедрению ИЭСУД

2.2.2. Архитектура ИЭСУД

ИЭСУД содержит несколько ключевых функций, среди которых электронная регистрация, электронные платежи, электронные календари, виртуальные слушания, автоматическое отслеживание дел и уведомления, электронный доступ к судебным протоколам и решениям, использование электронных подписей и печатей. На рис. 2 кратко представлена система ИЭСУД, показывающая ее сферу применения и суды, которые она объединяет, а также что ИЭСУД – это веб-платформа для управления

³³ В 2024 г. было завершено рассмотрение 92 558 уголовных и 121 503 гражданских дел. См. JSC Annual Report 2024, at pp. 33–34.

³⁴ На момент написания этой статьи фаза 4.1 для провинций Северный Матабелеленд и Центральный Машоналенд и фаза 4.2 для провинций Масвинго и Южный Матабелеленд были реализованы к 1 июля и 1 октября 2025 г. соответственно.

³⁵ Madzianike, N. (2025, June 4). Magistrates Court to go digital starting July. The Herald. <https://goo.su/b32tiR>

делами, предназначенная для отслеживания полного жизненного цикла дела и интеграции судебных процессов в рамках всей судебной системы.

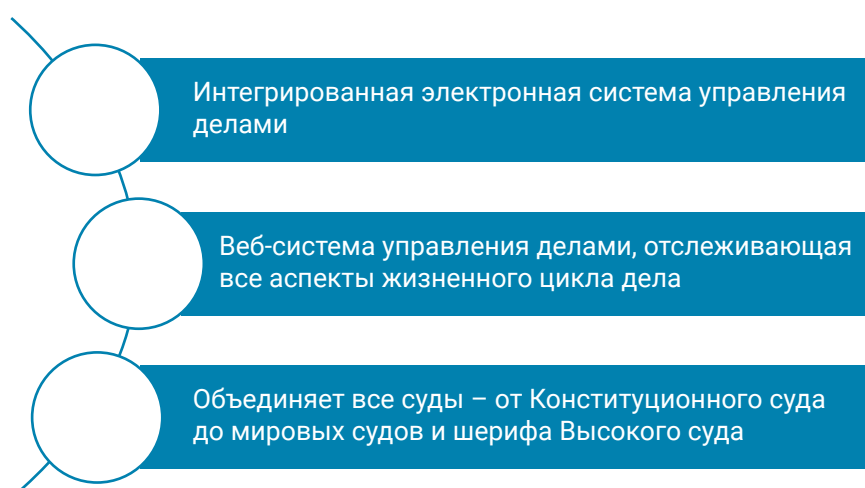

Рис. 2. Жизненный цикл судебных дел и интеграции судебных процессов

Ниже рассмотрим ее основные функции, начиная с электронной подачи документов.

1. Электронная подача документов.

Эта функция позволяет сторонам судебного процесса создавать и отправлять свои иски, заявления о признании вины, письменные показания под присягой, письма и другие документы. Стороны судебного процесса и практикующие юристы могут возбуждать дела и отвечать на них в электронном виде, отправляя и получая документы через свои онлайн-порталы. Эта функция устраняет необходимость физического посещения судебных канцелярий. При подаче нового дела в ИЭСУД стороны судебного процесса должны указать:

- i) уровень судебной юрисдикции, наименование суда, адрес судебной канцелярии, куда они хотят подать свое дело;
- ii) категорию дела, которое они хотят возбудить;
- iii) основание для иска или обвинение в уголовных делах.

Другие разделы, обязательные для заполнения, включают информацию о сторонах дела, задействованных юристах и поданных документах.

2. Отслеживание дела.

Система позволяет отслеживать ход дела в автоматическом режиме. Каждому поданному делу присваивается номер, и в режиме реального времени отправляются уведомления о запланированных слушаниях, сроках, судебных постановлениях и решениях. Эта функция позволяет сторонам судебного процесса отслеживать ход рассмотрения своих дел в режиме онлайн. Соответственно, упрощается доступ к судебным протоколам и решениям. Стороны и их законные представители могут напрямую получать доступ к материалам дела, протоколам судебных разбирательств, приказам и судебным решениям. Эта функция повышает прозрачность процедур, устраняя необходимость в доступе через сотрудников суда или посредников.

Рассмотрение каждого дела имеет свои установленные этапы, которые оно должно пройти в соответствии с судебными правилами. Все эти этапы фиксируются системой, и ход рассмотрения отображается на так называемой карте процесса.

На ней можно видеть узлы и горизонтальную линию. Узел (кружок) означает определенную стадию жизненного цикла дела; горизонтальная линия между двумя узлами символизирует прогресс или переход дела с одной стадии на следующую. Последний узел, который показан самым крупным, – это текущий статус иска. На рис. 3 представлен снимок экрана карты процесса, сгенерированной системой.

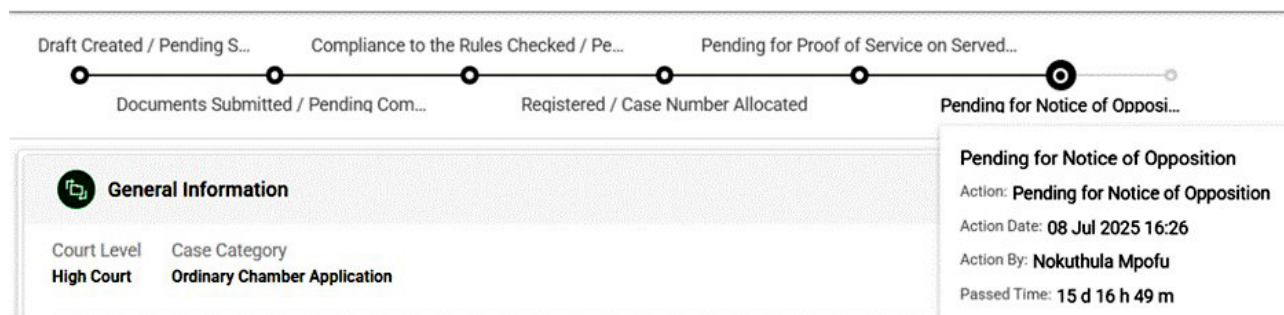

Рис. 3. Скриншот экрана карты процесса, сгенерированной системой

Источник: Платформа ИЭСУД.

Данная функция позволяет сторонам процесса и сотрудникам суда быстро получать информацию о ходе рассмотрения и текущем состоянии дела. При нажатии на каждый узел раскрывается список действий, выполняемых на этом этапе ответственными сотрудниками суда. В нем содержатся сведения о лице, выполнившем то или иное действие, дате и времени его совершения.

3. Оплата онлайн.

На платформе PayNow, которая интегрирована в ИЭСУД, истец может осуществлять платежи онлайн через электронные кошельки Mobile Money и Zim Switch в местной валюте. Платежи в иностранной валюте можно осуществлять на той же платформе с помощью карт Visa, Mastercard и приложения Inn-bucks.

Эта функция позволяет сторонам судебного процесса осуществлять различные платежи. Платежи возможны независимо от того, находится ли лицо в Зимбабве или за пределами страны. В любом случае для этого нет необходимости посещать здание суда. После совершения электронного платежа система автоматически подтверждает его и регистрирует транзакцию. Это значительно упростило административные обязанности и сократило количество операций с наличными средствами.

4. Виртуальные слушания.

Платформа виртуальных слушаний – это функция, с помощью которой судебные разбирательства проводятся удаленно с использованием средств видео-конференц-связи, доступных в ИЭСУД. Участники процесса (в частности, судьи, истцы и адвокаты) не присутствуют физически в зале суда, но обсуждают дело в режиме реального времени. Они должны иметь компьютеры или другие умные устройства, которые можно адаптировать для проведения виртуальных слушаний. Гаджеты должны быть оснащены работающим микрофоном, видеокамерой и динамиками, чтобы участник мог говорить и слышать, а также взаимодействовать с другими участниками процесса (Mabhodha & Choga, 2021). Только назначенные сотрудники суда и стороны в деле могут получить доступ к виртуальным заседаниям, запланированным по конкретному делу. За проведение сессий отвечают сотрудники суда.

При создании сессии сотрудники суда обычно указывают, будет ли она проходить с физическим присутствием или в режиме онлайн. Как только запланирована онлайн-сессия, все стороны, включая назначенных сотрудников суда, получают уведомление со ссылкой для участия. На рис. 4 представлен снимок экрана с уведомлением об онлайн-сеансе, сгенерированным системой, и показано, как стороны получают уведомление об онлайн-заседании и информацию о доступе, что обеспечивает своевременное участие в виртуальных слушаниях.

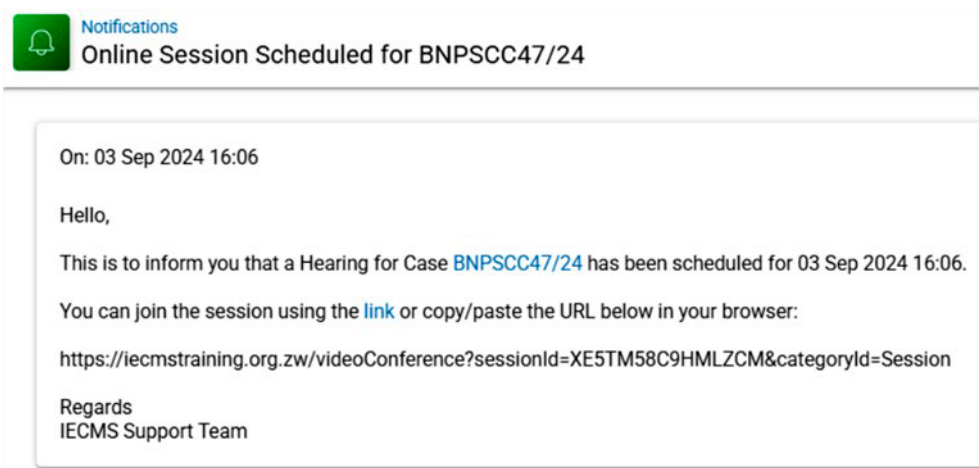

Рис. 4. Скриншот экрана запланированной онлайн-сессии

Источник: Платформа ИЭСУД.

5. Электронный календарь.

Как отмечалось выше, перед проведением слушания необходимо создать сессию с указанием, будет ли слушание физическим или виртуальным. При создании сессии сотрудники суда указывают (i) ее дату и время, (ii) участников и (iii) будет ли слушание проводиться физически или виртуально. Затем сеансу присваивается номер, например, SE00000001, который идентифицирует сессии в рамках конкретного дела. Запланированные сеансы автоматически заносятся в журнал. Эта функция служит для уведомления и напоминания сотрудникам суда и сторонам процесса о том, когда дело будет рассматриваться в суде. Это электронный журнал, доступный в личном кабинете каждого пользователя ИЭСУД. В календаре отображаются сессии, к которым пользователь должен присоединиться.

Функция электронного календаря повышает удобство для сторон, поскольку они могут получать доступ к спискам судебных заседаний, не выходя из дома или офиса. Это также удобно для судебных работников, поскольку они могут вести электронный журнал рассмотрения дел.

6. Электронные подписи и печати.

Процесс судебного разбирательства включает в себя представление сторонами исков, писем и других документов в суд. Документы считаются успешно поданными, когда сотрудники канцелярии ставят на них печати и подписи. После этого они становятся официальными судебными документами. До появления ИЭСУД весь процесс выполнялся вручную, печати были физическими, а документы подписывались сотрудником ручкой на бумаге. Теперь ИЭСУД позволяет ставить электронную печать и подписывать документы электронным способом. Каждый сотрудник канцелярии

и судебный исполнитель имеют свою собственную уникальную электронную подпись. Эта функция обеспечивает защиту от несанкционированного доступа.

7. Объединение документов.

Судебный процесс предполагает подачу большого количества документов в различные сроки. Кроме того, в одном деле могут участвовать несколько сторон, каждая из которых подает свои документы отдельно. Судебному исполнителю сложно разобраться во всех этих отдельных бумагах, и их целесообразно объединить в единый документ, составленный в соответствии с хронологическим порядком подачи и пронумерованный по страницам. Этот сводный документ должен быть снабжен указателем, отображающим его содержание. В эпоху бумажных документов этот процесс отнимал много времени. В ИЭСУД он автоматизирован. Документы в формате PDF в системе можно легко объединить для создания сводного файла с автоматической разбивкой на страницы. Сгенерированное оглавление является интерактивным. Объединение документов может выполняться при первичной подаче иска или при загрузке документов в последующем. Благодаря этой функции истцу нет необходимости распечатывать различные документы по делу, а затем создавать указатель.

8. Коммуникация и уведомления.

До внедрения ИЭСУД истцы могли узнать о статусе своих дел только через письменные запросы, на получение ответа по которым уходило очень много времени, или через личное присутствие в здании суда. Кроме того, весь процесс должен был проходить физически. Все эти громоздкие процедуры были заменены функцией уведомления в ИЭСУД. С ее помощью стороны судебного процесса получают уведомления о каждом изменении статуса их дел. Больше нет необходимости обращаться в суд, чтобы ознакомиться с обновлениями по делу. Обслуживание всех последующих процессов также осуществляется через систему. Уведомления, рассылаемые сторонам в судебном процессе, различны. Это могут быть системные уведомления, уведомления по электронной почте и в некоторых случаях SMS-уведомления. Уведомления генерируются всякий раз, когда в деле происходят какие-либо действия, например, когда процесс передается в другой суд, подается или принимается ходатайство о признании вины. SMS-уведомления отправляются только при регистрации дела, назначении слушания или завершении рассмотрения дела. Чтобы постоянно информировать истца или другого пользователя, в ИЭСУД предусмотрен счетчик, который показывает общее количество непрочитанных уведомлений на первой странице портала при его открытии. Если сообщение прочитано, счетчик автоматически удаляет его из общего списка непрочитанных уведомлений.

9. Подтверждение действий с помощью QR-кода.

Аббревиатура «QR» расшифровывается как Quick Response – «быстрый отклик», поскольку при сканировании QR-код позволяет пользователю мгновенно получить доступ к информации. Он присваивается каждому документу, генерируемому системой, и используется для проверки подлинности судебных постановлений. Любой человек, у которого есть распечатанное судебное постановление, может проверить его подлинность, даже не входя в систему. Эта функция значительно помогла в борьбе с распространенной ранее проблемой подделки судебных приказов и других документов, создаваемых недобросовестными лицами с целью получения незаконной выгоды.

10. Контрольный журнал.

Любое действие по делу отслеживается и регистрируется. Каждое действие оставляет цифровые следы в системе. Отслеживаемые действия включают вход в систему, просмотр, обновление и создание любого документа в системе. Отслеживается каждый пользователь системы, включая системных администраторов. Эта функция обеспечивает прозрачность и подотчетность со стороны пользователей системы.

11. Общая обработка документов.

В ИЭСУД можно загружать документы в различных форматах, включая PDF, Word, Excel, видео-, аудио- и графические файлы. Для надлежащего управления хранилищем максимальный размер документа в системе составляет 75 МБ.

12. Отчеты и информационные панели.

В системе также есть функция создания отчетов на панели мониторинга. Панель мониторинга предоставляет интерфейс для создания и отображения отчетов о ходе рассмотрения дел, финансах и тенденциях. Функция специальных отчетов позволяет каждому сотруднику суда или стороне в судебном процессе создавать собственные отчеты в различных форматах, таких как таблицы, графики и диаграммы, а также изменять и загружать их.

13. Сотрудничество.

На стадии выработки судебного решения судья должен обсудить его с другими судьями. Система позволяет другим судьям вносить свои предложения и делиться ими с автором судебного решения. Функция совместной работы незаменима в таких случаях, как апелляция, когда дело рассматривается коллегией из двух или более судей. Составляя проект решения, судья может отправить его другим членам коллегии для дополнительного анализа, вычитки и подписания. Постановление вступит в силу после его подписания всеми судьями.

Очевидно, что эта функция позволяет сотрудникам суда, работающим над одним и тем же делом, взаимодействовать, используя комментарии и постановку задач. Несколько сотрудников суда могут работать над одним делом одновременно. Например, судья может работать над решением по делу, в то время как секретарь суда составляет расписание сессий, а помощник секретаря назначает сессию по тому же делу. Однако система не позволяет разным пользователям одновременно редактировать один и тот же документ.

14. Возможности расширения и гибкость системы.

ИЭСУД позволяет расширять и вносить изменения в существующие функциональные возможности без необходимости их полного переписывания. Иными словами, система достаточно гибкая, чтобы адаптироваться к соответствующим технологическим изменениям без существенных изменений в ее архитектуре. ИЭСУД позволяет интегрироваться с другими системами, например, в настоящее время она включает платежное приложение PayNow³⁶.

15. Безопасность системы.

В ИЭСУД предусмотрены отдельные уровни доступа для разных пользователей на основе ролей. Доступ осуществляется исключительно с использованием идентификатора и пароля, которые уникальны для каждого пользователя приложения. Кроме

³⁶ В Зимбабве используется PayNow – комплексный онлайн-платежный сервис для бизнеса и частных лиц, позволяющий обрабатывать и получать платежи.

того, каждому пользователю назначается определенная группа/роль, у которой есть свой собственный уровень доступа к системе. Например, стороны судебного процесса не имеют доступа к делам, в которых они не участвуют, но регистратор имеет доступ ко всем делам в своем судебном участке. Кроме того, система поддерживает шифрование данных, гарантируя, что доступ к ним будет ограничен только авторизованными пользователями. Это обеспечивает согласованность, точность и целостность данных в дополнение к использованию протокола SSL для защиты всех транзакций в ИЭСУД от несанкционированного доступа. КСС закупила собственное оборудование для центра обработки данных, которое развернуто на двух разных площадках, чтобы обеспечить непрерывную и бесперебойную работу системы. Инженеры Центра обработки данных (далее – ЦОД) круглосуточно обслуживают и контролируют его работу³⁷.

2.3. Техническая поддержка ИЭСУД

Цифровизация судебной системы – это деятельность в сфере высоких информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), которая может быть реализована только при наличии квалифицированного персонала. Разработка системы, ее внедрение в судах и последующая поддержка потребовали от КСС привлечения соответствующего персонала в области ИКТ, который занимается различными техническими вопросами, связанными с использованием системы. При Комиссии был впервые создан отдел ИКТ с различными категориями должностей и областями специализации. По мере того как происходила цифровая эволюция от первого настольного приложения до современной системы, отдел ИТ рос в геометрической прогрессии, чтобы удовлетворить возросший спрос на техническую поддержку. В 2012 г. потребности судебной системы в ИКТ удовлетворялись одним сотрудником с помощью двух человек, прикомандированных из Управления тюрем и исправительных учреждений Зимбабве. С появлением ИЭСУД стала очевидной потребность в сотрудниках, обладающих различными навыками в области ИКТ. После этого отдел, который является технической основой всей системы, быстро расширился. В настоящее время в нем насчитывается более двухсот сотрудников, которые оказывают различные виды технической поддержки и работают во всех судебных участках по всей стране. Подразделение возглавляет начальник отдела информационных технологий, которому оказывают поддержку два заместителя. Один из заместителей отвечает за цифровые суды, в его обязанности входит также контроль за программным обеспечением и функциональными возможностями ИЭСУД; другой отвечает за сетевое взаимодействие и техническое обслуживание. Эти три руководителя и пять других технических специалистов прошли шестинедельное обучение в Армении³⁸, где они приобрели специальные знания по использованию, управлению и техническому обслуживанию ИЭСУД. В настоящее время они работают в судебных участках по всей стране в качестве экспертов по электронным судам. Ниже приведены некоторые из ключевых областей их специализации³⁹:

³⁷ Доклад Секретаря КСС, ноябрь 2023 г., с. 10.

³⁸ Местонахождение компании Synergy International, системного проектировщика и разработчика системы.

³⁹ Доклад Секретаря КСС, июль 2022 г., с. 9, где указано, что Казначейство дало КСС согласие на привлечение 121 специалиста по ИКТ для обслуживания ИЭСУД.

- специалисты по оборудованию и сетям для управления, мониторинга и ремонта компьютерных систем, оценки производительности сети, увеличения пропускной способности сети и контроля сетевой безопасности;
- инженеры ЦОД для установки, мониторинга и поддержки серверов Центра обработки данных КСС и системы;
- системный аналитик для анализа существующих и будущих систем с целью выявления любых недостатков или неэффективности и планирования решений для устранения всех проблем и обеспечения долгосрочной эффективности;
- разработчики серверной и пользовательской частей приложения, бизнес-аналитики для автоматизации внутренних систем КСС, разработки и совершенствования ИЭСУД;
- специалисты по кибербезопасности для планирования, внедрения, управления, мониторинга и модернизации мер безопасности для защиты данных, систем и сетей организации;
- администраторы службы технической поддержки, которые отвечают на запросы по телефону, электронной почте и лично, а также внедряют эффективные решения;
- главный специалист по ИКТ для каждой провинции, который занимается всеми вопросами, связанными с ИКТ и системой; кроме того, офис с сотрудниками по электронной регистрации в каждом округе, которые оказывают непосредственную поддержку сторонам, не владеющим компьютерными технологиями или не имеющим необходимых гаджетов или Интернета; они также обслуживают интернет-хабы⁴⁰;
- сотрудники колл-центра КСС, которые отвечают на повседневные вопросы и помогают пользователям в случае проблем с использованием системы.

Привлечение этих специалистов в области ИКТ позволило эффективно ответить на ряд критических замечаний, которые рассматривались некоторыми авторами как серьезная проблема для цифровизации судебных процессов в Зимбабве⁴¹. В частности, к ним относят технологическую неграмотность и недостаток компетенций и навыков в области ИКТ у судебных работников (см. комментарии [Muparadzi & Mukonza, 2024](#)).

2.4. Регистрация в качестве пользователя системы

Чтобы получить доступ к ИЭСУД, необходимо создать личную учетную запись. Процесс создания личной учетной записи включает регистрацию. При входе на страницу входа в систему предоставляется возможность зарегистрироваться, при этом открывается форма регистрации пользователя, и пользователь вводит свои данные в соответствии с требованиями. Для доступа к ИЭСУД необходимо следующее:

- настольный компьютер, ноутбук, смартфон, iPad или планшетный компьютер с установленным веб-браузером;
- подключение к Интернету;
- действующий адрес электронной почты.

⁴⁰ Интернет-хаб – это расширенная версия офиса электронной регистрации. Он состоит не менее чем из пяти настольных компьютеров.

⁴¹ См. комментарии [Muparadzi и Mukonza \(2024\)](#).

Ниже приведены инструкции по регистрации в ИЭСУД.

Шаг 1: Подключите свое устройство к Интернету.

Шаг 2: Откройте браузер на своем устройстве.

Шаг 3: Введите URL-адрес: www.zimiecms.org.zw

Шаг 4: Нажмите «Зарегистрироваться» и введите всю информацию для регистрации.

Шаг 5: Введите необходимую информацию (имя, фамилию, код страны, номер сотового телефона, имя пользователя, пароль, контрольный вопрос и ответ на него).

Шаг 6: Войдите в учетную запись электронной почты, которую вы указали на странице регистрации.

Шаг 7: Откройте электронное письмо от ZimIECMS и нажмите «Активировать».

Шаг 8: Войдите в систему, используя адрес электронной почты и пароль, которые вы указали на странице регистрации⁴².

Пользователь может управлять своим профилем и изменять любые данные, указанные при регистрации. Изменения становятся доступны, когда пользователь входит в ИЭСУД и получает доступ к системному заголовку имени пользователя и затем к опции «Профиль пользователя».

2.5. Запросы в суд

Судебные запросы – это функция системы, используемая для получения первоначального доступа к делу. Существует несколько типов судебных запросов, выполняющих разные функции.

I. Запросы сторон на назначение пользователей. Это запрос пользователя, у которого на момент развертывания ИЭСУД в данном суде уже было незавершенное или текущее дело. Чтобы получить доступ к этому делу, материалы которого были преобразованы из бумажной в электронную форму и импортированы в систему, пользователь должен сначала зарегистрироваться в системе, а затем запросить ссылку на это дело с помощью функции запроса в суд. Также истцы или законные представители, желающие участвовать в судебном процессе, могут подключиться к делу, направив запрос в суд. Такой запрос называется запросом на привязку к делу. Как только он будет выполнен, дело появится в личном кабинете пользователя. У него будет доступ к документам и обновлениям, относящимся к соответствующему делу.

II. Запрос документа. Этот тип судебного запроса используется в отношении судебных документов, в частности судебных приказов, постановлений, приговоров или стенограмм судебных заседаний, и требует оплаты для получения доступа к документу.

III. Проставление печатей на документы и другие запросы. В суд могут быть представлены документы, требующие заверения печатью, которые не являются частью какой-либо уже существующей документации, например, ордер на обыск и выемку, судебная повестка или извещение о вызове в суд. Такие документы могут быть загружены в систему в разделе «Запрос о заверении документа печатью» и заверены печатью перед выдачей.

IV. Запрос на повторную активацию дела. В ИЭСУД есть функция хранения электронного архива, когда по истечении трех месяцев завершенные дела автоматически

⁴² Полный процесс регистрации наглядно описан в «Руководстве по началу работы с ИЭСУД для представителей общественности», которое доступно при входе в систему.

деактивируются. Однако бывают случаи, когда такие дела восстанавливаются по решению суда или если стороны, например, требуют изменения существующего порядка рассмотрения. Такие дела возвращаются в оперативную среду системы с помощью функции запроса в суд. После этого дело будет повторно запущено, пользователь получит к нему доступ и сможет подать любые последующие документы.

V. Запрос третьих лиц. Запрос третьих лиц – это функция, используемая исключительно в офисе шерифа. Если кто-то хочет подать запрос от имени третьего лица шерифу Высокого суда, это делается с помощью этой функции.

2.5.1. Поддержка пользователей ИЭСУД

Поддержка пользователей реализована в ИЭСУД с помощью двух основных функций, которые позволяют пользователям получать помощь всякий раз, когда они сталкиваются с трудностями при использовании системы. Эти функции служат поддержкой первого уровня в случае любых запросов, проблем, изменений и любых других затруднений, связанных с системой. К этим функциям относятся следующие:

а) Колл-центр. В КСС создан круглосуточный колл-центр с выделенным номером +2638688007422. В центре работают хорошо обученные профессиональные операторы, которые владеют английским, шона и ндебеле – тремя наиболее распространенными языками в Зимбабве. Операторы работают в дневную и ночную смены. Пользователи системы, сталкивающиеся с проблемами в работе ИЭСУД, могут позвонить на номер центра и получить помощь по телефону. Все поступающие звонки записываются в целях контроля качества. На дежурстве всегда находится технический персонал, который помогает сотрудникам колл-центра в решении более сложных технических вопросов, таких как настройка системы.

б) Служба поддержки онлайн. Поддержка системы осуществляется также через онлайн-платформу службы поддержки с выделенным адресом электронной почты zimiecms@jsc.org.zw. Эта платформа позволяет пользователям отправлять свои запросы в КСС по электронной почте. Администраторы службы поддержки обязаны немедленно отвечать на все электронные письма. Администраторы могут оказывать поддержку как первого, так и второго уровня, что означает, что они могут справиться с любой системной проблемой без ограничений. Все сообщения, поступающие на адрес электронной почты службы поддержки, также регистрируются для контроля качества и статистических целей. В табл. 1 представлен общий объем запросов пользователей ИЭСУД, полученных через колл-центр и платформу службы поддержки в период с 2022 г. по 30 ноября 2025 г.

Таблица 1. Предварительный отчет по запросам пользователей ИЭСУД по состоянию на 30 ноября 2025 г.

Год	Колл-центр с выделенным номером 002638688007422	Служба поддержки с электронным адресом zimiecms@jsc.org.zw
2022	803	1195
2023	1251	1728
2024	1217	1452
2025	1318	1657
Всего	4589	6032

Из табл. 1 видно, что за отчетный период количество запросов, отправленных на электронную почту, превысило количество запросов, полученных через колл-центр, что свидетельствует о неизменной значимости письменных каналов технической поддержки.

На рис. 5 представлено распределение запросов пользователей по каналам за отчетный период.

Рис. 5. Распределение запросов пользователей ИЭСУД по каналам поддержки в период с 2022 г. по 30 ноября 2025 г.

Источник: Журналы запросов в колл-центр и в службу поддержки Комиссии по судебной службе, в период с 2022 г. по 30 ноября 2025 г.

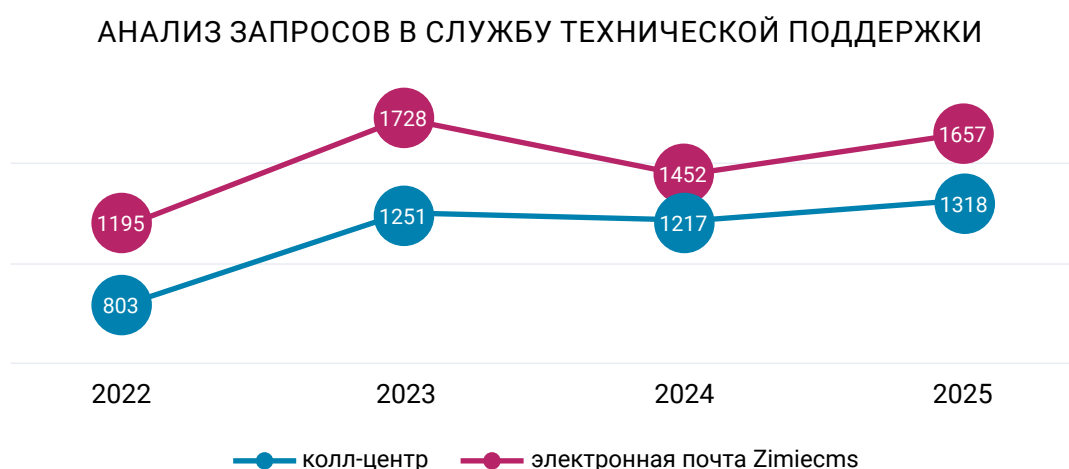

Рис. 6. Динамика количества запросов пользователей ИЭСУД по каналам поддержки в разбивке по годам, в период с 2022 по 2025 г.

Источник: Журналы запросов в колл-центр и в службу поддержки Комиссии по судебным делам, в период с 2022 г. по 30 ноября 2025 г.

Как можно видеть, в 2023 г., после запуска ИЭСУД в Высоком суде, произошел резкий скачок количества запросов, но с тех пор оно остается достаточно стабильным. Когда система была запущена в мировых судах на этапах 4.1 и 4.2, ответы на большинство запросов поступали на уровне участка либо через службу поддержки участка, либо через присутствующих там ИТ-специалистов.

В табл. 2 представлен краткий обзор вопросов по данным администраторов служб технической поддержки и операторов колл-центров.

Таблица 2. Категории вопросов, обрабатываемых по каналам поддержки пользователей ИЭСУД, по состоянию на 30 ноября 2025 г.

Категории вопросов	Доля, %
Открытие нового аккаунта в ИЭСУД	25
Назначение нового пароля	10
Переход адвоката в другую компанию	8
Обновление данных в аккаунте	2
Жалобы на КСС	2
Удаление аккаунта	2
Другие категории	1
Создание новой юридической фирмы	5
Регистрация профсоюза	10
Запрос на открытие электронной почты	18
Отсутствующие элементы дела	6
Получение печати на документ	3
Недоступность дела на платформе	5
Проблемы с регистрацией на платформе	3

Источник: Журналы запросов в колл-центр и в службу поддержки Комиссии по судебным делам, в период с 2022 г. по 30 ноября 2025 г.

Из табл. 2 видно, что наибольший объем запросов приходится на проблемы с регистрацией пользователей и поддержкой учетных записей, включая открытие новых аккаунтов и электронной почты, а также с рутинными проблемами доступа и подачи документов.

2.6. Влияние цифровизации судебной системы в Зимбабве

Изложив предпосылки перехода судебной системы Зимбабве на цифровые технологии посредством принятия и внедрения ИЭСУД, рассмотрим влияние ИЭСУД на судебную систему страны в целом и на независимость и подотчетность судебных органов в частности.

2.6.1. Цифровизация и независимость судебных органов

Принцип независимости судебной власти имеет первостепенное значение для функционирования конституционной демократии. Конституция Зимбабве постулирует центральную роль независимости судебной власти и возлагает на КСС ответственность за обеспечение ее независимости и подотчетности⁴³. Кроме того, положения Конституции, определяющие принципы, которыми руководствуется судебная система, предписывают работникам судебной системы стремиться к повышению своей независимости в целях поддержания доверия общественности к судебной системе⁴⁴. Разделы 164(1) и (2) Конституции также содержат положения, которые требуют от судебных работников коллективного обеспечения независимости, беспристрастности и эффективности судебной власти. В них говорится:

⁴³ См. раздел 190(2) Конституции Зимбабве от 2013 г.

⁴⁴ См. раздел 165(2) Конституции Зимбабве от 2013 г.

«164. Независимость судебной власти.

(1) Суды независимы и подчиняются только настоящей Конституции и закону, которые они должны применять беспристрастно, оперативно и без страха, благосклонности или предубеждения.

(2) Независимость, беспристрастность и эффективность судов имеют решающее значение для верховенства закона и демократического правления, и поэтому:

(a) ни государство, ни какой-либо государственный институт или ведомство любого уровня, а также никакое другое лицо не могут вмешиваться в функционирование судов;

(b) государство посредством законодательных и других мер должно оказывать помощь и защищать суды, чтобы обеспечить их независимость, беспристрастность, достоинство, доступность и эффективность, а также обеспечить соответствие принципам, изложенным в ст. 165»⁴⁵.

Статья 164 Конституции Зимбабве гарантирует независимость и беспристрастность судов, запрещая вмешательство из любого источника, включая государство. Она налагает на государство конституционное обязательство защищать и поддерживать судебную систему в обеспечении правосудия и верховенства закона⁴⁶. В соответствии со ст. 164(1) Конституции независимость судебной власти гарантируется тем, что суды подчиняются только Конституции и закону, которые они должны применять беспристрастно и непредвзято⁴⁷. Кроме того, ст. 164, по сути, запрещает любое неправомерное влияние на сотрудников судебных органов в качестве меры, гарантирующей, что они смогут выполнять свои обязанности без вмешательства или предвзятости на протяжении всего срока их пребывания в должности⁴⁸. Эта мера обеспечивает целостность судебных решений и поддерживает верховенство закона⁴⁹.

В соответствии с конституционным мандатом, независимость судебной власти понимается как способность судебной власти функционировать без внешнего давления или воздействий, обеспечивая справедливое и беспристрастное отправление правосудия⁵⁰. Австралийский юрист Ninian Stephen выдвинул аналогичную идею о понятии независимости судебной власти:

«Точное значение этого термина всегда должно включать в себя такое положение дел, при котором судьи могут свободно вершить правосудие в своих сообществах, оставаясь защищенными от власти и влияния государства, а также максимально защищенными от любых других воздействий, которые могут повлиять на их беспристрастность»⁵¹.

⁴⁵ См. раздел 165(2) Конституции Зимбабве от 2013 г.

⁴⁶ Раздел 164 Конституции Зимбабве от 2013 г.

⁴⁷ Из доклада судьи L. Malaba «Независимость судебной системы» (Harare: Judicial Service Commission, 2020), с. 3.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Laws Learned. (2024, July 13). Judicial Independence in the Digital Age: Challenges and Solutions. Laws Learned. <https://clck.ru/3SL77C>

⁵¹ Stephen, N. (1989). The Inaugural Oration in Judicial Administration: Judicial Independence (Victoria: The Australian Institute of Judicial Administration Incorporated, 1989) at p. 6. <https://goo.su/7pJ0uFJ>

Независимость судебной власти основана на принципе разделения властей, согласно которому суды действуют независимо от исполнительной и законодательной ветвей государственной власти (Wallace, 2001). Международная комиссия юристов так определяет независимость судебной власти:

«Каждый судья волен решать стоящие перед ним вопросы в соответствии со своей оценкой фактов и своим пониманием закона без какого-либо ненадлежащего влияния, побуждения или давления, прямого или косвенного, с какой бы то ни было стороны или по какой бы то ни было причине⁵²».

Как было отмечено ранее, независимость судебной власти – это концепция, которая пользуется всеобщим признанием в современную эпоху, когда цивилизованные государства стремятся продвигать правосудие в качестве центрального принципа своих правовых систем, независимо от их близости к системам общего права или гражданского права⁵³.

Значение независимости судебной власти заключается в том, что она гарантирует беспристрастное и независимое принятие судебных решений⁵⁴. Это позволяет судебной власти выполнять свой конституционный мандат. Данный принцип гарантирует беспристрастное и справедливое разрешение споров при одновременной защите прав личности, тем самым поддерживая верховенство закона и правосудие (Reen & Verma, 2023). Отсутствие же независимости судебной власти подрывает эффективность судебной системы, отводя ей подчиненную роль, когда она просто проводит в жизнь планы других сторон, вместо того чтобы поддерживать закон и отправлять правосудие.

Учитывая эту важнейшую роль независимости судебной власти, ее защита требует надежных институциональных механизмов. Сдерживающее воздействие ИЭСУД на коррупционное поведение положительно сказывается на авторитете судебной власти и институциональной независимости. Система, которая по своей сути снижает коррупцию, создает условия, в которых судебные работники могут действовать, не опасаясь принуждения или манипуляций. Это помогает оградить судебную систему от политического, финансового или личного давления. Судебные работники, в свою очередь, получают возможность выполнять свои обязанности справедливо, беспристрастно и в соответствии с законом. Таким образом, цифровизация судебных систем не только способствует добросовестности в рамках системы, но и укрепляет основополагающий принцип независимости судебной власти. Важным фактором в ИЭСУД, способствующим независимости судебной власти, является сведение к минимуму, а в некоторых случаях и полное устранение физического контакта между судебным работником и вспомогательным персоналом суда, с одной стороны, и истцом или любой другой заинтересованной стороной – с другой. Любое взаимодействие и/или коммуникация, осуществляемые между должностным лицом

⁵² Brody, R. (Ed.). (1990). Special Issue on the Independence of Judges and Lawyers: A Compilation of International Standards. Centre for the Independence of Judges and Lawyers Bulletin, April – October. <https://clck.ru/3SL7dF>

⁵³ Из доклада судьи L. Malaba «Независимость судебной системы» (Harare: Judicial Service Commission, 2020), с. 2. <https://clck.ru/3SL7pD>

⁵⁴ Murati, G. (2004). The Independence of the Judiciary and Its Role in the Protection of Human Rights under UN Administration Using the Case of Kosovo. European Society of International Law, Agora Paper.

суда и истцом или пользователем системы, происходят внутри системы. Это требование распространяется и на обмен корреспонденцией. Все должно происходить в полном соответствии с требованиями системы и оставаться доступным для всех сторон, имеющих право доступа к делу. В той же мере, в какой эта функция снижает уровень коррупции, она также препятствует любым внешним сторонам, которые хотели бы вмешаться в независимость судебных работников при принятии решений, что само по себе является формой коррупции. Благодаря компоненту виртуальных слушаний ИЭСУД не только способствует прозрачности, но и обеспечивает автоматическую запись всех слушаний. Это предотвращает манипулирование протоколами судебных заседаний или вмешательство в них. Кроме того, полностью исключена возможность вмешательства в вынесенные судебные решения или распоряжения суда, поскольку такие решения и распоряжения не передаются сторонам индивидуально или в частном порядке, а должны быть загружены в систему, где каждая сторона может просматривать их и получать к ним доступ. Еще одним ключевым преимуществом является то, что система автоматически отслеживает и регистрирует любые изменения, внесенные в документы или материалы дел. Это обеспечивает прозрачность, поскольку каждый пользователь знает, что все действия регистрируются и отслеживаются.

Итак, нет никаких сомнений в том, что ИЭСУД, благодаря своим особым технологическим возможностям, значительно повысила независимость судебной власти в Зимбабве. Она коренным образом изменила судебные процессы и методы работы судов и отправления правосудия. Это платформа, которая защищает судей от внешнего влияния. Таким образом, переход к подаче дел в режиме онлайн укрепляет независимость судебной системы.

2.6.2. Цифровизация и подотчетность судебных органов

В нашем исследовании мы исходим из того, что подотчетность судей – это концепция, связанная с независимостью судебной власти. Наряду с независимостью судей, она является основополагающим принципом, необходимым для сохранения легитимности судебной власти. Это гарантирует, что судьи несут ответственность за свои действия, тем самым способствуя справедливости, прозрачности и доверию общества к правовой системе⁵⁵. Бывший главный судья Замбии Ernest L. Sakala определил подотчетность судей следующим образом:

«В широком смысле можно сказать, что концепция подотчетности судей подразумевает, что судьи или те, кто выносит решения в отношении других лиц, должны отчитываться за свое разумное и неразумное поведение. Зарождающееся право на демократическое правление требует подотчетности всех государственных институтов»⁵⁶.

Принцип подотчетности судебных органов гарантирует, что судебная власть остается подотчетной народу, сохраняя при этом свою независимость от внешних воздействий при выполнении своих обязанностей.

⁵⁵ Sebitlo, T. (2024, August). Judicial accountability: An era for consciousness. Advocate. <https://goo.su/gjgMFH>

⁵⁶ The Honourable Mr Justice E L Sakala. The Accountability of the Judiciary – Accountable to Whom? Is There Such a Mechanism? (Paper presented at the Southern Africa Judges Commission Meeting, Windhoek, Namibia, 2005). <https://clck.ru/3SL8AK>

Конституция Зимбабве закрепляет принцип подотчетности судебной системы, требуя, чтобы все сотрудники судебных органов уважали свою судебную должность как предмет общественного доверия и стремились к повышению своей независимости в целях поддержания доверия общества к судебной системе⁵⁷. Раздел 190(2) Конституции предусматривает, что КСС должна поощрять независимость и подотчетность судебных органов. Это положение ставит подотчетность в центр деятельности КСС, учитывая, что судебные учреждения пользуются доверием общества. Раздел 190(2) возлагает на КСС ответственность за развитие подотчетности во всех звеньях судебной системы.

В деле выполнения этого конституционного мандата цифровизация судебных систем стала мощным механизмом повышения прозрачности и подотчетности. Одним из способов, с помощью которого ИЭСУД способствует подотчетности, является регистрация действий каждого пользователя в системе. Таким образом, система становится устойчивой к подделкам. Как было отмечено выше, в результате внедрения ИЭСУД суды Зимбабве перешли на цифровые технологии, что позволило отказаться от ручных и бумажных судебных процессов. Все судебные процессы и процессы ведения дел иницируются и завершаются в электронном виде. В этой связи ИЭСУД стала важным инструментом обеспечения прозрачности и подотчетности в судебной системе Зимбабве.

ИЭСУД также улучшила подотчетность судебных органов, установив четкие сроки, в которые должны быть завершены судебные процессы. Благодаря автоматизированному характеру системы сотрудники судебных органов обязаны обеспечивать соблюдение сроков рассмотрения дел. Система позволяет отслеживать незавершенные дела и выявлять конкретные стадии, на которых они откладываются. Стороны судебного процесса также пользуются доступной им функцией онлайн-отслеживания дел. В дополнение к этому связь ИЭСУД с учетными записями электронной почты сторон судебного процесса обеспечивает своевременное автоматическое обновление информации о каждом этапе развития событий в деле. Эти интегрированные механизмы повысили прозрачность, что привело к более широкому признанию системы общественностью и восстановлению доверия к судебной системе. Можно утверждать, что внедрение ИЭСУД значительно улучшило состояние дел, в том числе уменьшило количество незавершенных дел, уровень коррупции, снизило физические и географические барьеры для доступа в суды и высокие затраты на подачу юридических документов. Система также способствует повышению эффективности судебной деятельности, отсеивая не соответствующие требованиям иски до того, как они дойдут до стадии слушания.

Эффективность этих механизмов подотчетности нашла отражение в ощутимых улучшениях в работе с момента запуска ИЭСУД в 2022 г. Уровень рассмотрения дел Конституционным судом резко возрос с 36 % в 2022 г. перед запуском ИЭСУД до 56 % после запуска⁵⁸. Тенденция к росту продолжилась и в последующие кварталы, что свидетельствует о повышении эффективности судебных процессов. В 2023 г. суды высшей инстанции сократили количество нерассмотренных дел с 2127 до 1381

⁵⁷ См. раздел 165(2) Конституции Зимбабве от 2013 г.

⁵⁸ Muserere, S., & Watson, A. (2023). Best Practices and Approaches to Judicial Digital Transformation: Zimbabwe IECMS Case Study. *The Court Administrator*, 15, at p. 13.

и завершили 30 560 дел, начав 29 433 новых⁵⁹. Преимущества системы были очевидны в Верховном суде, Высоком суде и Суде по трудовым спорам⁶⁰. Это также было отмечено в правительственном докладе, в котором говорилось, что в течение первой половины срока осуществления Первой Национальной стратегии развития (NDS 1) было рассмотрено 87,3 % судебных дел. Такие результаты были достигнуты благодаря внедрению ИЭСУД, которая помогла разобраться с накопившимися делами в большинстве судов по всей стране⁶¹. Таким образом, не обосновано мнение о том, что внедрение ИЭСУД в судах Зимбабве не помогло решить проблемы, связанные с бумажными документами, такими как задержки и просроченная отчетность⁶², поскольку приведенные выше статистические данные свидетельствуют об обратном.

Система также улучшила доступ к правосудию и снизила загруженность судов. В период с 2022 по 2023 г. использование онлайн-платежей выросло с 25 до 39 % в Конституционном суде и с 37 до 42 % в Коммерческом отделе Высокого суда⁶³. Широкое распространение получили виртуальные слушания; почти 100 % опрошенных судебных работников и практиков сочли их, по крайней мере, в какой-то степени полезными, при этом 28 % назвали их очень полезными⁶⁴. Верховный суд теперь рассматривает все заявления палаты в режиме виртуальных слушаний, а аудиозаписи позволяют проводить аудит. Истцы сэкономили время и транспортные расходы. Отправление правосудия стало децентрализованным, что позволило удаленным пользователям получать доступ к судам без ограничений, связанных с поездками.

Наконец, рутинные вопросы, такие как подача документов и запросов, теперь решаются в режиме онлайн, что значительно сокращает нагрузку на канцелярии судов. Практикующие юристы тратят меньше времени на стояние в очередях и больше времени на работу по существу, а залы судебных заседаний зарезервированы для проведения важных очных слушаний. Стороны в судебном процессе могут подавать заявления, отвечать на письма, отслеживать дела, направлять запросы, производить платежи, присутствовать на слушаниях и получать приказы и судебные решения в электронном виде. Эти достижения укрепили доверие общества к эффективности системы и продемонстрировали рост подотчетности при отправлении правосудия в Зимбабве.

Достигнутые результаты резко контрастируют с обстановкой, существовавшей до введения ИЭСУД. В начале статьи мы указали, что ИЭСУД не была внедрена изолированно, а реализована стратегически, как одна из мер содействия выполнению мандата КСС по обеспечению подотчетности судебных органов. Отрадно отметить, что с момента запуска ИЭСУД заметно снизились показатели непрозрачности

⁵⁹ Magadu, C. (2024, January 14). Courts deliver stellar performance in 2023: Tackling backlogs and enhancing efficiency. Sunday News. <https://goo.su/EzKQKt>

⁶⁰ Там же.

⁶¹ The National Development Strategy 1(NDS 1) Mid-term review, January 2001 – June 2023, paragraph 607, page 102.

⁶² См. комментарии (Mukonza, 2024).

⁶³ Muserere, S., & Watson, A. (2023). Best Practices and Approaches to Judicial Digital Transformation: Zimbabwe IECMS Case Study. The Court Administrator, 15, at p. 13.

⁶⁴ Там же.

и восприятия коррупции, от которых страдала судебная система до ее запуска. В рамках системы ведения дел на бумажном носителе движение материалов и документов по делу не отслеживалось, и несанкционированные изменения могли вноситься без какого-либо уведомления. Обстановка способствовала восприятию и распространению коррупции и неэтичных практик в судебной системе. Излишне говорить, что коррупция противоречит идее справедливости и цели создания судов⁶⁵. Как только коррупция проникает в судебную систему, не может быть справедливости в отношении сторон в судебном процессе⁶⁶. ИЭСУД полностью снимает эту проблему, поскольку позволяет всем сторонам, участвующим в рассмотрении дела, отслеживать его ход. Такая прозрачность ограничивает возможности сотрудников суда вмешиваться в судебные процессы или изменять их⁶⁷.

Из вышеизложенного становится ясно, что подотчетность судебных органов закреплена в Конституции Зимбабве в качестве важнейшего принципа. Являясь близкой к независимости судебных органов концепцией, подотчетность судебных органов дополняет ее, а не ограничивает или посягает на нее. Поскольку на судей возложена защита Конституции и основных прав человека и свобод граждан, они должны нести ответственность перед обществом за свое поведение и результаты работы. Общественность должна иметь право на обоснованную критику поведения судей, когда оно отклоняется от ожидаемых стандартов⁶⁸. Благодаря цифровизации судебной системы Зимбабве ИЭСУД устанавливает естественную связь между независимостью и подотчетностью судебной власти, гарантируя, что суд остается вершителем правосудия на службе у общества. Судьи по-прежнему подотчетны общественности, и теперь представители последней имеют возможность независимо и активно отслеживать ход рассмотрения дел с помощью многочисленных инструментов, доступных в ИЭСУД. В то же время система защищает судебных работников от вмешательства со стороны других ветвей государственной власти, предоставляя защищенные индивидуальные учетные записи, доступные только председателствующему судье. Таким образом, ИЭСУД поддерживает независимость судебной власти, одновременно признавая ее ответственность за обеспечение подотчетности и прозрачности при отправлении правосудия.

2.7. Признание эффективности ИЭСУД

Успехи судебной системы Зимбабве в области цифровизации не остались незамеченными в стране, регионе и за его пределами. С момента появления ИЭСУД представители различных смежных юрисдикций постоянно совершают ознакомительные поездки и проверки в регионе. Такие визиты, несомненно, подтверждают мнение

⁶⁵ U4 Anti-Corruption Resource Centre, 'Basics of Corruption and the Justice Sector' (n.d.). <https://clck.ru/3SL8T2>

⁶⁶ The Honourable Mr Justice L Malaba. Digitisation of the Courts and Access to Justice: The Zimbabwean Experience. Paper presented on the occasion of the Zambian Judicial Conference, December 2022.

⁶⁷ См. также комментарии Muparadzi и Mukonza (2024) о том, что использование цифровых систем в судебной системе Зимбабве повышает прозрачность и подотчетность. Цифровизация повышает прозрачность, устраняя ручные манипуляции и облегчая отслеживание дел, сокращая задержки и коррупцию.

⁶⁸ Hon. Ernest L. Sakala, note 58, at p. 5.

партнеров об эффективности системы. Сотрудники КСС выступают на различных форумах с докладами, презентациями и лекциями по ИЭСУД.

Доверие к системе со стороны сотрудников КСС и пользователей постепенно росло с момента ее внедрения на первом этапе. В 2022 г., когда система была запущена, число ее пользователей, среди которых были сотрудники судов, практикующие юристы, прокуроры и представители общественности, достигало в общей сложности 4437 человек. Это число стремительно росло и по состоянию на 30 ноября 2025 г. составило 114 216 человек. В табл. 3 представлены данные о росте числа пользователей ИЭСУД, что свидетельствует о доверии, которое пользователи испытывают к системе.

Таблица 3. Рост числа пользователей ИЭСУД, с 2022 г. по 30 ноября 2025 г.

Год	Сотрудники судов	Практикующие юристы	Прокуроры	Представители общественности	Всего
2022	41	2908	23	1465	4437
2023	172	3981	41	13 093	17 287
2024	249	8541	5	30 194	38 989
2025	1251	9396	200	42 656	53 503
Всего	1713	24 826	269	87 408	114 216

Источник: Данные Комиссии по судебным делам о регистрации пользователей на 30 ноября 2025 г.⁶⁹

В табл. 3 показан устойчивый рост по всем категориям пользователей, причем наибольший рост наблюдается среди представителей общественности; можно видеть также заметное увеличение числа сотрудников судов и практикующих юристов по мере внедрения системы.

Система получила положительные отзывы о ее влиянии на судебные процессы; так, один из ведущих практикующих юристов прокомментировал это следующим образом:

«Дела теперь ведутся на безбумажной основе; это электронная, виртуальная судебная система; она безбумажная, так что это означает, что я могу сидеть здесь и подавать судебные документы; секретарь получит их, обработает, и они будут переданы подсудимому здесь же на платформе»⁷⁰.

Цифровизация судебной системы Зимбабве получила также высокую оценку Генерального секретаря Прогрессивного профсоюза работников торговли и смежных отраслей Tawanda Mupeti, поскольку она дает возможность бороться с коррупцией в судебной системе⁷¹.

В 2022 г. в Зимбабве для ознакомления с ИЭСУД прибыла делегация из Намибии. Делегация посетила Коммерческий отдел Высокого суда, который явился первым

⁶⁹ Parly issues adverse report on court electronic management system. <https://clck.ru/3SxUdh>

⁷⁰ Addington Chinake, a Senior Legal Practitioner and Partner at Kantor and Immerman Legal Practitioners. <https://clck.ru/3SLCKy>. See also comments by advocate Arthur Marara, The Miranda Magazine, 33rd Edition, September 2023, at p 24. <https://clck.ru/3SLCQU>

⁷¹ <https://clck.ru/3SxU8c>

безбумажным судом в стране⁷². Выступая перед прессой после встречи с Верховным судьей Зимбабве L. Malaba, глава делегации, заместитель верховного судьи Petrus Tilenge Damaseb, сказал:

«Мы приехали, чтобы обсудить с нашими зимбабвийскими коллегами изменения и реформы, которые были внедрены здесь в области разрешения коммерческих споров. Мы уделяем особое внимание работе Коммерческого суда Зимбабве, поскольку мы также рассматриваем возможность создания аналогичного суда в Намибии. Мы хотим узнать у наших коллег, что они делают в этом отношении, вот почему мы здесь»⁷³.

В 2023 г. Зимбабве посетила делегация Малави, чтобы перенять опыт успешного внедрения ИЭСУД в судах. В отчете о поездке говорилось следующее:

«В августе 2023 г. делегация представителей судебных органов с ознакомительной поездкой посетила Зимбабве. Целью поездки было изучение интегрированной электронной системы ведения дел, успешно внедренной в судебной системе Зимбабве, и того, как аналогичный проект может быть реализован в Малави»⁷⁴.

В 2024 г. мы принимали у себя председателя Верховного суда Республики Мозамбик, которого во время ознакомительного визита по ИЭСУД сопровождал Генеральный секретарь судебной системы. Секретарь КСС, доктор У. Т. Чиквана, рассказал об этом визите следующее:

«Внедрение ИЭСУД сделало нас региональным лидером в области цифровизации судебной системы. Мы продолжаем получать запросы и визиты из других юрисдикций. В этой связи для нас было честью принимать у себя Председателя Верховного суда Мозамбика, почтенного Adelino Machanga, и делегацию из четырех человек, возглавляемую им. Целью их визита было получить представление о том, как мы внедряем ИЭСУД, включая возникающие проблемы»⁷⁵.

В тот же период КСС принимала делегацию судебных органов Замбии из десяти человек во главе с главным администратором г-жой Nalishebo Imataa, целью которой было изучение эффективных систем правосудия в Зимбабве и их применения в целях совершенствования их собственной судебной системы⁷⁶. Отметим, что затем Замбия внедрила ту же систему ИЭСУД, разработанную компанией Synergy International, которая в настоящее время используется в Зимбабве⁷⁷.

В 2025 г. делегация из Либерии также совершила десятидневный ознакомительный визит, чтобы не только оценить достигнутые успехи, но и извлечь уроки из допущенных ошибок и проблем, с которыми столкнулась судебная система Зимбабве при внедрении этой системы⁷⁸.

Интерес, который вызвала система ИЭСУД у представителей различных юрисдикций, можно оценить как вотум доверия к системе и способу ее внедрения.

⁷² Доклад Секретаря КСС. (2022, 11 октября), с. 27.

⁷³ The Herald Newspaper. <https://goo.su/JDz0o9>

⁷⁴ Malawi Judiciary 2023 Annual Report, at p. 59. <https://clck.ru/3SLDJS>

⁷⁵ The Miranda Magazine, 35th Edition, March 2024, at p. 3. <https://clck.ru/3SLDKt>

⁷⁶ JSC's landmark year of justice, reform, international recognition. <https://clck.ru/3SxU5s>

⁷⁷ См. Transforming Justice in Zambia with Electronic Case Management System. <https://clck.ru/3SLDQK>

⁷⁸ Liberian Judicial Delegation visits Zim. (2025, 3 June). The Herald. <https://goo.su/tdcKKzB>

Это свидетельствует о хорошей работе системы и о том, что она значительно повысила эффективность работы судов по сравнению с эпохой бумажных документов. Добившись таких успехов, подтвержденных другими юрисдикциями, можно с уверенностью заключить, что методология, принятая КСС при внедрении ИЭСУД, является своего рода образцом. Методология также учитывала возможные финансовые проблемы, гарантируя, что ресурсы доступны на каждом конкретном этапе внедрения. Поэтапный подход гарантировал, что финансирование системы будет таким же поэтапным. В результате казначейству не пришлось выделять огромные финансовые средства за один раз, испытывая излишнюю нагрузку. Это снимает критику в адрес КСС о том, что она якобы чрезмерно усердствовала в процессе цифровизации, не принимая во внимание финансовые трудности, с которыми он сталкивается⁷⁹.

Однако одобрение системы вовсе не означает, что внедрение ИЭСУД прошло без проблем. Мы также не скрываем ошибок, которые были допущены на этом пути. Развертывание любой системы такого масштаба всегда сопряжено с определенными трудностями. Именно о таких проблемах и пойдет речь ниже.

3. Проблемы, принятые меры и извлеченные уроки

Внедрение новых технологий может принести огромные выгоды, но оно также сопряжено с различными проблемами, которые иногда, при плохом управлении, могут, по крайней мере, повлиять на бесперебойную работу системы или в худшем случае привести к полному провалу и окончательному отказу от проекта. Хотя, как правило, проблемы возникают из-за страха перед неизвестностью и нарушений установленных процедур, связанных с новыми инструментами и процессами, они также могут возникнуть из-за стоимости и бюджетных ограничений, трудностей интеграции с существующими системами, неразвитостью инфраструктуры, слабой подготовки и управления изменениями, некачественного планирования и выполнения, а также опасений по поводу безопасности данных и многого другого. Эти трудности характерны не только для Зимбабве, но и для любой страны, которая стремится к столь глубоким преобразованиям. Важно не отказываться от проекта или отложить план его реализации, а выявить возможные проблемы и принять меры по устранению трудностей.

Если посмотреть на другие юрисдикции, внедрившие новые технологии, то можно убедиться, что проблемы порой неизбежны. Африканские страны особенно часто сталкиваются с трудностями при цифровизации из-за системных недостатков, а не отдельных проблем. Основной недостаток заключается в том, что системы, разработанные для условий с высоким потреблением ресурсов, не были адаптированы к реалиям Африки. Например, при внедрении ЭСУД в Кении не учитывались ограничения доступа к Интернету в сельской местности, в то время как в Зимбабве проблема нестабильности электроснабжения потребовала резервного использования солнечной энергии для обеспечения бесперебойной работы

⁷⁹ См. комментарии Muparadzi и Mukonza (2024).

ИЭСУД⁸⁰. При размещении инвестиций приоритет часто отдается технологиям, а не созданию благоприятных условий, таких как обучение пользователей или планы технического обслуживания. Дефицит доверия, который означает ощутимое снижение или отсутствие уверенности в рамках определенных отношений, системы⁸¹ или организации, также играет ключевую роль, поскольку заинтересованные стороны опасаются нарушений кибербезопасности и неправомерного использования данных. Историческая несправедливость в системах правосудия еще больше подрывает доверие к цифровым альтернативам, вызывая сопротивление среди судебных работников, юристов и граждан (Rusakova & Frolova, 2022). Во многих африканских странах, особенно в сельских или слаборазвитых регионах, отсутствует достаточная цифровая инфраструктура для поддержки цифровых судебных систем, например, ЦОД. Так, Филиппины запустили систему электронного правосудия в 2013 г. в рамках более широкой программы модернизации судебной системы, направленной главным образом на цифровизацию ведения судебных протоколов и внедрение онлайн-системы ведения дел (Djuraev et al., 2025). Однако эта страна столкнулась с инфраструктурными проблемами, особенно в регионах, пострадавших от стихийных бедствий, и в сельской местности (Djuraev et al., 2025). В результате система распространяется очень медленно и некоторые районы до сих пор используют традиционные бумажные процедуры (Djuraev et al., 2025).

Индия добилась значительных успехов в цифровизации своей правовой системы благодаря проекту E-Courts Mission Mode, запущенному в 2007 г.⁸² Проект направлен на повышение производительности и прозрачности судебной системы за счет оцифровки материалов дел и создания онлайн-сервисов⁸³. Однако, несмотря на эти достижения, индийский проект столкнулся с проблемами, связанными с неравным доступом к технологиям. Во многих сельских районах по-прежнему отсутствует надлежащая интернет-инфраструктура, что препятствует равному доступу к услугам электронного суда (Djuraev et al., 2025).

В странах Африки к югу от Сахары – в Кении и Руанде – также сообщают о значительных различиях в цифровой инфраструктуре между городскими и сельскими регионами. Внедрение платформы Irembo в Руанде и центра обработки данных Huduma в Кении позволило расширить доступ к правосудию в городских районах, однако сельское население сталкивается с трудностями, которые препятствуют полноценному получению цифровых юридических услуг (Krupina et al., 2020). Сообщается о плохом покрытии сети, поскольку в сельской местности не построены центры обработки данных, и об отсутствии доступа к цифровым устройствам, поскольку стоимость смартфонов и мобильного трафика непомерно высока для многих граждан, что ограничивает доступ к цифровым юридическим услугам (Djuraev et al., 2025). В результате возникает цифровой разрыв, который значительно снижает доступность юридических услуг.

⁸⁰ Выступление Председателя Верховного суда г-на судьи L. Malaba по случаю открытия 2022-го юридического года «Использование технологий для повышения эффективности и верховенства закона в судебной системе». <https://clck.ru/3STAem>

⁸¹ Trust Deficit → Term. <https://goo.su/MZeyvhU>

⁸² India, D. A. K. S. H. (2020). Whitepaper Series on Next Generation Justice Platform, Paper 2: Transition and Implementation.

⁸³ Там же.

Интегрированная система правосудия Южной Африки (IJS) столкнулась с проблемами неравномерного внедрения в разных регионах из-за отсутствия цифровой инфраструктуры. Эта система позволяет правоохранительным органам, судам и исправительным учреждениям беспрепятственно обмениваться информацией, улучшая ведение дел и повышая прозрачность. Однако отчеты показывают, что городские районы выиграли от IJS, тогда как сельские суды по-прежнему полагаются на ручные процедуры, поскольку в сельской местности нет центров обработки данных (Djuraev et al., 2025).

В Зимбабве КСС столкнулась с проблемами при внедрении и эксплуатации, которые еще не окончательно решены. Эти трудности, как правило, становятся более очевидными во время запуска системы в конкретном суде. Они простираются от подключения к Интернету, когда необходимо увеличить пропускную способность Интернета в конкретном суде, или проблем дополнительного обучения, когда некоторым сотрудникам может потребоваться больше времени, чем другим, для понимания системы, до неохотного участия важных заинтересованных сторон. Однако отрадно то, что с самого начала были приняты меры по ограничению негативных последствий, вызванных некоторыми проблемами.

Например, в г. Хараре, когда система разворачивалась в Общем отделе Высокого суда, КСС недооценила количество истцов и практикующих юристов, которым требуется подключение к их делам посредством направления судебных запросов⁸⁴. Из-за большого количества дел, рассматриваемых в этом суде, соответствующего большого числа сторон в судебном процессе и географического разброса отделений⁸⁵, которые должны были обслуживаться, сотрудники КСС были перегружены большим количеством запросов, которые необходимо было рассматривать одновременно. Поэтому задержки в процессах и предоставлении услуг были неизбежны, что, в свою очередь, разочаровывало пользователей, особенно практикующих юристов. КСС отреагировала на эти вызовы расширением доступа к Интернету в отделениях Верховного суда как в Хараре, так и в Булавайо⁸⁶, созданием интернет-узлов в двух отделениях, привлечением дополнительных сотрудников в виде технического персонала по ИКТ и канцелярии, а также проведением серии встреч с практикующими юристами в различных провинциях, где также проводилось обучение⁸⁷.

Ниже приведены наиболее распространенные проблемы, с которыми сталкивалась КСС.

3.1. Перебои в подаче электроэнергии

Зимбабве сталкивается с постоянными перебоями в подаче электроэнергии⁸⁸. Перебои в электроснабжении негативно сказываются на бизнесе и других учреждениях, включая суды. Отмечается, что проблемы с электроснабжением в стране

⁸⁴ Это третий этап внедрения, который был завершен 1 сентября 2023 г.

⁸⁵ Общие отделения Высокого суда в настоящее время расположены в городах Хараре, Булавайо, Масвинго, Мутаре и Чинхойи.

⁸⁶ Это самые крупные и загруженные подразделения Высокого суда.

⁸⁷ См. «Ежегодный доклад КСС от 2023 г.», с. 35.

⁸⁸ Afrobarometer Dispatch No. 952 by Asafika Mpako and Simangele Moyo-Nyede: <https://goo.su/PYPYze>

могут снижать надежность системы (Poshai & Vyas-Doorgapersad, 2023). Нехватка электроэнергии – это общепризнанная проблема, которая, если ее не решить надлежащим образом, безусловно, помешает успешному внедрению ИЭСУД. В равной степени снижение напряжения в сети, вызванное нехваткой электроэнергии, является проблемой, с которой сталкиваются многие страны Африки, особенно на юге континента⁸⁹. Однако было бы ошибкой игнорировать технологические достижения, происходящие во всем мире, особенно в области информационно-коммуникационных технологий, и отказываться от них под предлогом нехватки электроэнергии. Например, такие юрисдикции, как Южно-Африканская Республика, добились значительных успехов во внедрении цифровых технологий в судебной системе, несмотря на проблемы с электричеством⁹⁰.

Таким образом, нехватку электроэнергии в этом контексте следует рассматривать скорее как возможность изучить другие альтернативные источники энергии, такие как генераторы и солнечные батареи, чем как проблему, которая должна препятствовать прогрессу в цифровизации судебной системы. До появления ИЭСУД перебои в подаче электроэнергии в судах были постоянной проблемой, поскольку суды работали на оборудовании для записи и транскрипции. Компьютеры и освещение в судах в равной степени требовали электроэнергии. По этим причинам КСС уже давно планировала приобрести альтернативные источники энергии для обеспечения работы судов, обратившись к использованию генераторов и солнечных батарей. На момент написания этой статьи все судебные участки, внедрившие ИЭСУД, пользовались альтернативными источниками электроэнергии⁹¹. Солнечная энергия считается самым распространенным, быстрым и дешевым источником энергии на земле, который обеспечивает минимальные выбросы парниковых газов⁹². Возможно, КСС следует рассмотреть возможность использования солнечной энергии, поскольку это дешевле и более эффективно, чем генераторы.

3.2. Проблемы с данными и гаджетами

Проблемы, связанные с нехваткой данных и совместимых устройств, обсуждаются постоянно, и их нельзя игнорировать. Как уже указывалось выше, ИЭСУД – это веб-система. Для ее работы требуется доступ в Интернет и совместимое устройство. Совместимым устройством может быть смартфон, ноутбук, компьютер или iPad/планшетный компьютер. Население Зимбабве в основном проживает в сельской местности. Очевидно, что в большинстве сельских районов нет доступа к Интернету, не говоря уже о необходимых гаджетах. Даже в городских районах, в том числе в некоторых поселках городского типа, доступ к надежному Интернету остается несбыточной мечтой. Поэтому трудно переоценить важность отсутствия необходимых условий для доступа к ИЭСУД.

⁸⁹ Zambia struggle with electricity shortages driven by draught, Themba Hadebe, Africa News. <https://clck.ru/3Supaj>

⁹⁰ OECD. (2025). OECD Economic Surveys: South Africa 2025, OECD Publishing, Paris. <https://clck.ru/3SLDxK>

⁹¹ См. доклад Секретаря КСС о прогрессе во внедрении ИЭСУД. (2015, 10 November), с. 24.

⁹² What Are the Advantages and Disadvantages of Solar Energy? (2023, May 1). Earth.org. <https://clck.ru/3SLDza>

Чтобы восполнить этот пробел, КСС создала офисы электронной регистрации и интернет-центры в зданиях судов. Это офисы, оснащенные компьютерами и ноутбуками, с надлежащим доступом в Интернет и квалифицированным ИТ-персоналом. Представители общественности, заинтересованные стороны и даже практикующие юристы могут посещать центры и офисы, чтобы бесплатно пользоваться их оборудованием для взаимодействия с судами с использованием ИЭСУД. Офисы электронной регистрации и интернет-центры предоставляют ряд важных услуг для участников судебных процессов. Это гаджеты, которыми можно пользоваться, доступ в Интернет для подключения к ИЭСУД, бесперебойное электроснабжение, а также квалифицированные специалисты, которые помогают лицам, желающим разобраться в ИЭСУД, но не знающим, как это сделать. Одной мерой были решены все четыре проблемы, которые считались основными препятствиями для успешного внедрения ИЭСУД, а именно Интернет, электричество, гаджеты и неграмотность. Однако возникает вопрос, достаточно ли создания отделений электронной регистрации в каждом судебном участке для устранения проблем в реализации проекта.

Возможно, эта мера, хотя оправданная и необходимая, окажется недостаточной. В этой области необходимо сделать гораздо больше, чтобы удовлетворить потребности широких слоев населения. Нужно обеспечить, чтобы такие отделения электронной регистрации были расположены как можно ближе к местам проживания граждан. Это связано с тем, что в провинциях, где уже действует система ИЭСУД, все еще есть районы, в которых нет судов. Например, в таких районах, как Мушумби-Пул, Махуве, Мвурви и Сентенари в центральной провинции Машоналенд, Брунаперк и Гую в провинции Южный Матабелеленд, Дете и Камативи в провинции Северный Матабелеленд, до сих пор нет судебных участков и обслуживание осуществляется на периодической основе⁹³. По этой причине в них нет офисов электронной регистрации, расположенных поблизости от мест жительства людей в этих общинах. Даже в тех районах, где есть суды, некоторым гражданам нужно преодолеть большие расстояния, чтобы добраться до ближайшего здания суда. Кроме открытия судов ближе к местам проживания граждан, КСС следует рассмотреть возможность создания офисов электронной регистрации вне судебных участков, например, в полицейских участках, общественных информационных центрах и даже в домах лидеров общин. Подобная траектория обеспечит максимальную близость отделений электронной регистрации к населению. Это особенно важно в связи с тем, что КСС приступает к внедрению системы в мировых судах, где обычно судятся бедные, социально незащищенные и уязвимые слои населения. Это замечание также было высказано другими авторами, которые отмечали, что для устойчивого прогресса в цифровизации судебной системы необходимо обеспечить целенаправленное укомплектование отделений персоналом, каскадную поддержку справочной службы по ИКТ и модернизацию подключения, особенно для удаленных каналов, по мере роста нагрузки. Целесообразным является создание киосков электронной регистрации и узлов подключения в полицейских участках в отдаленных районах⁹⁴. Таким образом, необ-

⁹³ Эти участки обозначаются как окружные суды, куда суд периодически выезжает.

⁹⁴ Situational Analysis and Stakeholder Feedback Report: Project SC No 300130609/Technical Assistance for Strategic Review and Development of Strategic Plan for the Judicial Service Commission, 2026-2030. IBF Impact Consortium and GGF Africa, at p. 10.

ходимо серьезно рассмотреть вопрос о дальнейшей децентрализации служб электронной регистрации.

3.3. Компьютерная и системная неграмотность

Компьютерная неграмотность, отсутствие знаний и навыков для работы с ИЭСУД – это проблемы, которые также угрожают успешному внедрению системы. Проблемы проявились уже на подготовительных этапах запуска. Стало понятно, что уровень компьютерной грамотности недостаточен даже среди сотрудников судебной службы, включая судебных приставов, не говоря уже о знании самой системы. В связи с этим КСС приступила к тщательному обучению своего персонала, направленному на приобретение базовых навыков и знаний по использованию компьютера.

Первый этап обучения был посвящен повышению квалификации в области ИЭСУД. Он включал передачу знаний и навыков от поставщика технической команде КСС. Это было сделано с осознанием того, что успех внедрения ИЭСУД зависит от создания на базе КСС собственной небольшой группы технических экспертов, которые смогут не только передавать знания остальным сотрудникам, но и контролировать техническое обслуживание и управление техническими аспектами системы. В контракт с компанией Synergy International было включено обязательное положение, известное как положение о передаче знаний, согласно которому технический персонал в области ИКТ должен пройти обучение по обслуживанию системы. Таким образом, отпадает необходимость обращаться к подрядчику за техническим обслуживанием системы⁹⁵. Эта техническая команда КСС стала ядром внедрения ИЭСУД. Вторая форма обучения предназначалась для пользователей системы, то есть судебных работников, включая судебных приставов и других пользователей системы, таких как практикующие юристы, сотрудники Национальной прокуратуры и Генеральной прокуратуры, полиции и тюрем, Национальных советов по трудоустройству и других организаций сектора правосудия⁹⁶. К настоящему времени тысячи пользователей системы прошли обучение в масштабах всей страны.

Тренинги проводились очно, когда слушатели посещали Институт подготовки судей Зимбабве, тренеры из КСС также посещали различные учреждения по всей стране и обучали заинтересованные стороны на местах. Обучение также проводилось виртуально с помощью онлайн-платформы на базе КСС, которая называется «Электронная система управления обучением» (ELMS)⁹⁷. При вынесении решений по вопросам, связанным с работой ИЭСУД, суды учитывали новизну этой системы и иногда не наказывали стороны процесса за нарушение правил из-за ее незнания.

⁹⁵ Это были начальник отдела ИКТ, два его заместителя и пять специалистов, которых теперь называют экспертами по электронным судам. Они прошли шестинедельное обучение в Армении в штаб-квартире поставщика услуг, где была спроектирована и разработана система. См. выше с. 21.

⁹⁶ См. ежегодные отчеты Комиссии по судебной службе за 2023 и 2024 гг., с. 17–18 и 20 соответственно.

⁹⁷ Это отечественная цифровая платформа КСС, на которой предоставляются различные образовательные курсы и контент как для судебных, так и для несудебных работников.

В деле *Goromonzi Rural District Council v Nyakudya and Others* Верховный суд отметил следующее:

«На момент подачи перекрестной апелляции система ИЭСУД была относительно новой. В связи с этим я придерживаюсь взвешенного мнения, что к новым пользователям ИЭСУД, которые допускают ошибки при знакомстве с системой, следует проявлять определенную снисходительность»⁹⁸.

Мы также старались проинформировать всех заинтересованных лиц об обучении путем размещения учебных пособий, информационных листовок и брошюр, а также видеороликов, включая обучающие по ИЭСУД, на платформах социальных сетей КСС, таких как веб-сайт и YouTube⁹⁹. Согласно отчету секретаря КСС, в 2023 г. было распространено 51 000 листовок, в 2024 г. – 57 560, а в 2025 г. – 55 000¹⁰⁰.

3.4. Скептицизм к переменам

На начальном этапе реализации программы цифровизации судебной системы некоторые сотрудники КСС испытывали опасения, считая, что ИЭСУД нарушит обычный порядок ведения дел. Другие полагали, что, как только система заработает, они потеряют работу¹⁰¹. Некоторые заинтересованные стороны, такие как практикующие юристы и общественные организации, также не доверяли системе. Высказывалось мнение, что ИЭСУД повлияет на бесперебойную работу судов и будет мешать рассмотрению дел. Кроме того, среди пользователей системы существовало общее опасение по поводу кибератак; они считали, что система может быть взломана, а материалы дел и личные данные – попасть в руки преступников.

Осознавая эти опасения, КСС в начале реализации проекта разработала программу управления изменениями, которая должна была осуществляться группой специально обученного персонала под названием «Команда управления изменениями». Процесс управления изменениями был направлен на то, чтобы помочь сотрудникам перейти от текущего состояния бумажных судебных процедур к новому будущему состоянию безбумажной судебной системы и цифровых судов¹⁰². Программа включала в себя, во-первых, доведение до пользователей системы и общественности корректной информации о преимуществах системы и о том, как она улучшит отправление правосудия в стране, и, во-вторых, проведение обширной программы обучения, которая обеспечила бы общее знакомство и признание системы. В рамках программы управления изменениями также было необходимо взаимодействовать с сотрудниками судебной службы, во-первых, чтобы продемонстрировать им, что система сделает их работу намного проще и эффективнее, а во-вторых, что никто

⁹⁸ S-126-22 at p. 16.

⁹⁹ Иностранное лицо, владеющее информационным ресурсом YouTube, является нарушителем законодательства Российской Федерации.

¹⁰⁰ Прим. 87 на с. 31 и 32.

¹⁰¹ См. ежегодные отчеты Комиссии по судебной службе за 2023 г., с. 35.

¹⁰² Программа управления изменениями была разработана на основе документа под названием «Интегрированная электронная система управления делами, рекомендации по управлению изменениями», RFP № JSC/ICT01/2020, опубликованного компанией Synergy International 11 мая 2021 г.

из них не потеряет работу из-за внедрения системы¹⁰³. Для успешного внедрения системы было крайне важно, чтобы эта комиссия заручилась поддержкой своих сотрудников. Именно они должны были устранить разрыв между системой, ее пользователями и общественностью. Успешное внедрение этой системы в значительной степени зависело от позитивного отношения сотрудников судебной службы.

В рамках программы управления изменениями было также важно привлечь внимание граждан к функциям безопасности, встроенным в систему, и другим функциям, действующим вне системы, чтобы обеспечить ее защиту от взлома и других возможных кибератак, которые могли бы поставить под угрозу безопасность ее самой и содержащейся в ней информации. Таким образом, управление изменениями было и остается важнейшим компонентом схемы внедрения ИЭСУД в судебную систему Зимбабве. Развертывание ИЭСУД могло увенчаться успехом только в том случае, если бы все участники приняли его и поверили в него. Это, в свою очередь, могло произойти только в том случае, если бы все важные игроки получили правильную установку. Таким образом, успешное внедрение программы управления изменениями стало ответом на проблему скептического отношения к системе со стороны сотрудников КСС и других пользователей системы. Мы подготовили множество рекламных материалов для сотен кампаний, которые проводились и до сих пор проводятся по всей стране¹⁰⁴. КСС считает, что управление изменениями должно быть не однократным мероприятием, а длительным процессом, требующим терпения от исполнителей проекта. Это процесс, который принимает различные формы и включает в себя постоянное взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами, а также последовательное информирование о преимуществах системы. Это становится еще более важным в свете принятой организацией методологии поэтапного внедрения. Каждый раз, когда проект переносится в новую провинцию, важно, чтобы линии связи были открыты и использовались в полной мере.

3.5. Понимание заинтересованных сторон

В то время как судебная система в настоящее время находится в процессе завершения своей полной цифровизации, с другими заинтересованными сторонами сектора правосудия ситуация иная. Они еще не переведены в цифровую форму, что, очевидно, влияет на процесс интеграции. Весь потенциал ИЭСУД может быть реализован только в том случае, если все участники системы отправления правосудия перейдут в цифровую форму. Учитывая все преимущества цифровизации, четко изложенные в настоящей статье¹⁰⁵, невозможно переоценить важность этого процесса для всех участников судебной системы. Отрадно отметить, что этот процесс уже начался. В рамках реализации экономической программы «Национальная стратегия разви-

¹⁰³ Рекомендации по управлению изменениями были направлены на оказание поддержки КСС в планировании, разработке и внедрении ИЭСУД.

¹⁰⁴ В 2023 г. было роздано 4500 кепок и 3000 футболок, в 2024 г. – 5000 кепок и 2160 футболок, а в 2025 г. – 4518 кепок и 5333 футболки. См. (Djuraev et al., 2025).

¹⁰⁵ См. также комментарии Poshai и Vyas-Doorgapersad (2023), где отмечалось, что внедрение ИЭСУД в Зимбабве предусматривает повышение эффективности, доступности и модернизацию судебной системы. См. также Malaba, L. (2022). Digital Transformation of Judiciaries in Africa and Experiences in the Face of COVID-19 Pandemic. Chief Justice of Zimbabwe. <https://clck.ru/3Eufbq>

тия (NDS 1) на 2021–2025 годы», которая направлена на создание к 2030 г. сильного и процветающего общества, правительство Зимбабве определило одной из целей совершенствование предоставления услуг в секторе правосудия путем внедрения Интегрированной электронной системы управления делами (ИЭСУД) для всех участников этого сектора¹⁰⁶. Крайне важно ускорить этот процесс, чтобы граждане, которые желают взаимодействовать с системой правосудия, могли воспользоваться преимуществами эффективности и прозрачности, которые дает цифровизация этого сектора.

Заключение

Цифровизация судебной системы Зимбабве изменила порядок отправления правосудия в стране. Изменения, которые ИЭСУД внесла в судебную систему, останутся в истории на многие поколения вперед, если не навсегда. Технологии позволили модернизировать работу судов и порядок рассмотрения споров. Самое большое преимущество заключается в том, что эта система может постоянно совершенствоваться, чтобы идти в ногу с быстро меняющимися технологическими достижениями. Система продемонстрировала, что она может принести существенные выгоды в плане операционной эффективности, прозрачности и доступа к правосудию на всех уровнях судебной системы. Хотя ее успешное внедрение потребовало значительных инвестиций в инфраструктуру, оборудование, человеческий капитал, обучение и информирование общественности, система также показала свою способность к устойчивому развитию. Стремление судебных органов к всестороннему наращиванию потенциала и вовлечению заинтересованных сторон сыграло важную роль в преодолении проблем и обеспечении широкого внедрения системы. Согласование законодательства было и остается критически важным для обеспечения необходимой правовой базы электронных процедур. Очевидно, что необходимо продолжать изучать технологические инновации, такие как искусственный интеллект (ИИ) и возможности виртуального судебного разбирательства, которые позволили судебной системе Зимбабве занять лидирующие позиции в области цифрового правосудия в регионе. По мере приближения к завершению реализации четвертого этапа и внедрения системы в оставшихся провинциях, формируется прочная основа для полной цифровизации национальной судебной системы. Опыт, полученный в результате как успехов, так и трудностей, а также передовая практика, накопленная в ходе этого пути, позволяют Комиссии по судебной службе занимать лидирующие позиции в области судебных инноваций и администрирования, обеспечивая при этом, чтобы технический прогресс служил основной цели обеспечения доступного, эффективного и прозрачного правосудия для всех граждан Зимбабве.

¹⁰⁶ См. «Технические требования к проектированию, разработке и внедрению Общегосударственной интегрированной электронной системы ведения дел», версия 1.0, изданные Правительством Зимбабве, Администрацией президента и Кабинетом министров.

Список литературы

- Alekseevskaya, E. I. (2020). Terms of use of judicial acts for machine learning (analysis of some judicial decisions on the protection of property rights). *Law Enforcement Review*, 4(4), 102–114. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).102-114](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).102-114)
- Boldyrev, V. A., & Maksimov, V. A. (2025). Freedom of contract: The evolution of a legal principle in the era of information. *Law Enforcement Review*, 9(2), 118–129. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9\(2\).118-129](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9(2).118-129)
- Chynoweth, P. (2008). Legal research. In A. Knight & L. Ruddock, Eds., *Advanced Research Methods in the Built Environment* (pp. 28–38). Wiley-Blackwell.
- Djuraev, I., Baratov, A., Khujayev, S., Yakubova, I., Rakhmonova, M., Mukumov, B., & Abdurakhmanova, N. (2025). The impact of digitization on legal systems in developing countries. *Qubahan Academic Journal*, 5(1). <https://doi.org/10.48161/qaj.v5n1a1246>
- Gaffar, H. (2024). Implications of Digitalization and AI in the Justice System: A Glance at the Socio-legal Angle. *Law and World*, 10(31), 154-177. <https://doi.org/10.36475/10.3.14>
- Gómez, M. A. (2024). The digitalization of litigation: International development perspectives. *Emory International Law Review*, 38(4), 819.
- Grudtsina, L. Yu. (2025). Digitalization of Justice in the United States: Case Management Electronic Case Files (CMECF) and Public Access to Court Electronic Records (PACER). *International Journal of Multidisciplinary Research and Analysis*, 8(4), 1551–1556. <https://doi.org/10.47191/ijmra/v8-i04-10>
- Helberger, N., & Felzmann, H. (2025). The rise of technology courts, or the digitization of justice. *Computer Law & Security Review*, 55, Article 100013.
- Krupina, G., Safiullin, N., Faizrahmanov, D., & Kurakova, C. (2020). Main directions of popularization of electronic state and municipal services among the rural population. *BIO Web of Conferences*, 27, 00088. EDP Sciences.
- Luo, Y. (2024). The Development of Online Courts in The Digital Age and The Prospect of Future Justice: Based on The Innovation of Judicial Methods in China and The United Kingdom. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, 42, 435-440. <https://doi.org/10.54097/gzn7k140>
- Mabhodha, S., & Choga, F. (2021). The impact of information communication technology (ICT) on procurement processes: Case of Zimbabwean urban councils (2009 to 2018). *Open Journal for Information Technology*, 4(1), 25–34. <https://doi.org/10.32591/coas.ojit.0401.03025m>
- Maroz, R. (2023). *Digitizing court systems: Benefits and limitations*. World Bank Justice and Rule of Law Series.
- Muparadzi, T., & Mukonza, R. M. (2024). Prospects for implementing digital technologies in the administration of justice in Zimbabwe. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(4), 802–834. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.40>
- Poshai, L. & Vyas-Doorgapersad, S. (2023). Digital justice delivery in Zimbabwe: Integrated Electronic Case Management System adoption. *South African Journal of Information Management*, 25(1). <https://doi.org/10.4102/sajim.v25i1.1695>
- Reen, M. S., & Verma, A. (2023). The pillars of democracy: Unraveling the judiciary's contribution. *Indian Journal of Law and Legal Research*, 5(5).
- Reiling, D., & Contini, F. (2022). E-Justice platforms: Challenges for judicial governance. *International Journal for Court Administration*, 13(1), Article 6. <https://doi.org/10.36745/ijca.445>
- Rusakova, E. P., & Frolova, E. E. (2022). Digital disputes in the new legal reality. *RUDN Journal of Law*, 26(3), 695–704. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704>
- Sourdin, T., & Weller, K. (2025). *Digitalization and artificial intelligence in courts: Opportunities and challenges*. Oxford University Press.
- Stepanov, O. A., Pechegin, D. A., & Diakonova, M. O. (2021). Towards the issue of digitalization of judicial activities Law. *Journal of the Higher School of Economics*, 5, 4–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.4.23>
- Wallace, J. C. (2001). An essay on independence of the judiciary: Independence from what and why. *NYU Annual Survey of American Law*, 58, 241.
- Wang, G., & Chen, Y. (2022). Enabling legal risk management model for international corporation with deep learning and self data mining [Retracted]. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 2022, Article 6385404. <https://doi.org/10.1155/2022/6385404>

Сведения об авторе

Чиквана Уолтер Тамбудзай – PhD, секретарь Комиссии по судебной службе Зимбабве

Адрес: Зимбабве, г. Хараре, Джосайя Чинамано авеню, 161, здание Комиссии по судебной службе

E-mail: secretary@jsc.org.zw

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7596-7826>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 28 декабря 2025 г.

Дата одобрения после рецензирования – 16 января 2026 г.

Дата принятия к опубликованию – 25 марта 2026 г.

Дата онлайн-размещения – 10 апреля 2026 г.

Research article

UDC 34:004:347.962:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/FYYDHY>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.3>

Digitalization of Justice in Zimbabwe: Institutional Challenges and Practical Solutions

Walter T. Chikwana

Judicial Service Commission of Zimbabwe, Harare, Zimbabwe

Keywords

access to justice,
cybersecurity,
digital literacy,
digital technologies,
electronic filing of documents,
electronic justice,
interagency cooperation,
judicial proceedings,
law,
virtual hearings

Abstract

Objective: to investigate the process of implementing an Integrated Electronic Case Management System in Zimbabwean judicial system; to describe key problems, results achieved and lessons learned in order to facilitate access to justice and overall effectiveness of judicial proceedings.

Methods: the research was carried out in the genre of applied doctrinal-legal analysis with a descriptive approach to the phased implementation of the Integrated Electronic Case Management System. The methods used included studying legislation, analyzing the technical architecture of the system, integrating stakeholders and operational impacts, as well as a systematic review of internal reports of the Judicial Service Commission (JSC) of Zimbabwe, support service query logs, user registration statistics and empirical observations of the implementation stages and the change management program.

Results: the introduction of the Integrated Electronic Case Management System automated the full cycle of the judicial process, from electronic filing of documents to the execution of decisions and appeals. It provided a noticeable increase in transparency and accountability through online case tracking and audit logs. Case review rates in higher instances increased, while accumulation of cases significantly decreased. Online registration mechanisms, virtual hearings, electronic signatures and online payments were introduced. At the same time, systemic obstacles were identified – unstable electricity supply, limited Internet access in remote areas, a shortage of devices, a low level of digital literacy, language barriers, and concerns about cybersecurity.

Scientific novelty: the article presents a comprehensive empirical analysis of the nation-wide digitalization of judicial proceedings in Zimbabwe, which

© Chikwana W. T., 2026

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

demonstrates the relationship between technological transformations and institutional parameters of independence, accountability, and access to justice. The author substantiated the role of a phased strategy and change management programs as conditions for sustainable digital transformation of the judicial system.

Practical significance: the results provide practical recommendations for court administrators and policy makers: preference for phased implementation; strengthening infrastructure support and electronic registration centers; large-scale training programs; strengthening cybersecurity and harmonizing legislation to ensure inclusive, reliable and sustainable development of electronic justice.

For citation

Chikwana, W. T. (2026). Digitalization of Justice in Zimbabwe: Institutional Challenges and Practical Solutions. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 26–72. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.3>

References

- Alekseevskaya, E. I. (2020). Terms of use of judicial acts for machine learning (analysis of some judicial decisions on the protection of property rights). *Law Enforcement Review*, 4(4), 102–114. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).102-114](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).102-114)
- Boldyrev, V. A., & Maksimov, V. A. (2025). Freedom of contract: The evolution of a legal principle in the era of information. *Law Enforcement Review*, 9(2), 118–129. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9\(2\).118-129](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2025.9(2).118-129)
- Chynoweth, P. (2008). Legal research. In A. Knight & L. Ruddock, Eds., *Advanced Research Methods in the Built Environment* (pp. 28–38). Wiley-Blackwell.
- Djuraev, I., Baratov, A., Khujayev, S., Yakubova, I., Rakhmonova, M., Mukumov, B., & Abdurakhmanova, N. (2025). The impact of digitization on legal systems in developing countries. *Qubahan Academic Journal*, 5(1). <https://doi.org/10.48161/qaj.v5n1a1246>
- Gaffar, H. (2024). Implications of Digitalization and AI in the Justice System: A Glance at the Socio-legal Angle. *Law and World*, 10(31), 154-177. <https://doi.org/10.36475/10.3.14>
- Gómez, M. A. (2024). The digitalization of litigation: International development perspectives. *Emory International Law Review*, 38(4), 819.
- Grudtsina, L. Yu. (2025). Digitalization of Justice in the United States: Case Management Electronic Case Files (CMECF) and Public Access to Court Electronic Records (PACER). *International Journal of Multidisciplinary Research and Analysis*, 8(4), 1551–1556. <https://doi.org/10.47191/ijmra/v8-i04-10>
- Helberger, N., & Felzmann, H. (2025). The rise of technology courts, or the digitization of justice. *Computer Law & Security Review*, 55, Article 100013.
- Krupina, G., Safiullin, N., Faizrakhmanov, D., & Kurakova, C. (2020). Main directions of popularization of electronic state and municipal services among the rural population. *BIO Web of Conferences*, 27, 00088. EDP Sciences.
- Luo, Y. (2024). The Development of Online Courts in The Digital Age and The Prospect of Future Justice: Based on The Innovation of Judicial Methods in China and The United Kingdom. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, 42, 435-440. <https://doi.org/10.54097/gzn7k140>
- Mabhodha, S., & Choga, F. (2021). The impact of information communication technology (ICT) on procurement processes: Case of Zimbabwean urban councils (2009 to 2018). *Open Journal for Information Technology*, 4(1), 25–34. <https://doi.org/10.32591/coas.ojit.0401.03025m>
- Maroz, R. (2023). *Digitizing court systems: Benefits and limitations*. World Bank Justice and Rule of Law Series.

- Muparadzi, T., & Mukonza, R. M. (2024). Prospects for implementing digital technologies in the administration of justice in Zimbabwe. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(4), 802–834. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.40>
- Poshai, L. & Vyas-Doorgapersad, S. (2023). Digital justice delivery in Zimbabwe: Integrated Electronic Case Management System adoption. *South African Journal of Information Management*, 25(1). <https://doi.org/10.4102/sajim.v25i1.1695>
- Reen, M. S., & Verma, A. (2023). The pillars of democracy: Unraveling the judiciary's contribution. *Indian Journal of Law and Legal Research*, 5(5).
- Reiling, D., & Contini, F. (2022). E-Justice platforms: Challenges for judicial governance. *International Journal for Court Administration*, 13(1), Article 6. <https://doi.org/10.36745/ijca.445>
- Rusakova, E. P., & Frolova, E. E. (2022). Digital disputes in the new legal reality. *RUDN Journal of Law*, 26(3), 695–704. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704>
- Sourdin, T., & Weller, K. (2025). *Digitalization and artificial intelligence in courts: Opportunities and challenges*. Oxford University Press.
- Stepanov, O. A., Pechegin, D. A., & Diakonova, M. O. (2021). Towards the issue of digitalization of judicial activities Law. *Journal of the Higher School of Economics*, 5, 4–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.4.23>
- Wallace, J. C. (2001). An essay on independence of the judiciary: Independence from what and why. *NYU Annual Survey of American Law*, 58, 241.
- Wang, G., & Chen, Y. (2022). Enabling legal risk management model for international corporation with deep learning and self data mining [Retracted]. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 2022, Article 6385404. <https://doi.org/10.1155/2022/6385404>

Author information

Walter Tambudzai Chikwana – PhD, Secretary to the Judicial Service Commission of Zimbabwe;

Address: 161 Josiah Chinamano Avenue, JSC House, Harare, Zimbabwe

E-mail: secretary@jsc.org.zw

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7596-7826>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – December 28, 2025

Date of approval – January 16, 2026

Date of acceptance – March 25, 2026

Date of online placement – April 10, 2026

Научная статья

УДК 34:004:347.9:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/KAUHGC>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.4>

Онлайн-разрешение споров в сфере защиты прав потребителей в Индии

Соломон Гирма Тадессе

Университет Мадда Валабу, Робэ, Эфиопия

Видьянши Бханвар

Национальный юридический институт, Бхопал, Индия

Шрути Верма

Национальный юридический институт, Бхопал, Индия

Ключевые слова

альтернативное разрешение споров,
блокчейн,
защита прав потребителей,
искусственный интеллект,
машинное обучение,
медиация,
онлайн-разрешение споров,
право,
цифровые технологии,
электронная коммерция

Аннотация

Цель: исследовать преимущества, проблемы и последствия интеграции технологий, в частности онлайн-разрешения споров, в систему разрешения споров в Индии, уделяя особое внимание спорам в сфере защиты прав потребителей.

Методы: в исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также системный, функциональный и сравнительно-правовой подходы для системного изучения концепции онлайн-разрешения споров, его исторической эволюции и практического применения с акцентом на медиационные процедуры. Работа основана на доктринальном, качественном подходе с анализом действующего законодательства, стандартов защиты прав потребителей и практики функционирования судебных систем.

Результаты: полученные результаты свидетельствуют о том, что онлайн-технологии значительно повышают эффективность и доступность разрешения споров; однако в Индии их развитие сталкивается с серьезными препятствиями, включая техническую неграмотность населения, цифровой разрыв, опасения по поводу безопасности и конфиденциальности персональных данных, а также отсутствие четких нормативных правовых документов. Эти ограничения препятствуют равному доступу к правосудию и подчеркивают необходимость разработки всеобъемлющей государственной политики и совершенствования цифровой инфраструктуры. Выявляется взаимодополняющая роль искусственного интеллекта, электронной медиации и технологии блокчейн в обеспечении справедливого и эффективного разрешения потребительских споров.

 Контактное лицо

© Тадессе С. Г., Бханвар В., Верма Ш., 2026

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: заключается в комплексном рассмотрении роли онлайн-разрешения споров в контексте индийской системы защиты прав потребителей с учетом современных технологических трансформаций. Выявляются возникающие при этом технологические, юридические и этические проблемы и предлагается видение того, как цифровая трансформация влияет на отправление правосудия в сфере защиты прав потребителей.

Практическая значимость: исследование подчеркивает критическую важность укрепления цифровой инфраструктуры, повышения уровня цифровой и правовой грамотности населения и создания законодательства для поддержки эффективного внедрения онлайн-разрешения споров в индийскую систему правосудия. Работа содержит предложения и рекомендации для органов публичной власти, представителей судебных органов, разработчиков технологий и всех заинтересованных лиц, которые занимаются интеграцией цифровых инструментов в процесс разрешения потребительских споров, обеспечивая при этом справедливость, инклюзивность и равноправный доступ для всех участников правовых отношений.

Для цитирования

Тадессе, С. Г., Бханвар, В., Верма, Ш. (2025). Онлайн-разрешение споров в сфере защиты прав потребителей в Индии. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 73–97. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.4>

Содержание

Введение

1. Юридические теории правосудия и разрешения споров
2. Развитие и формы онлайн-разрешения споров в Индии
3. Медиация как эффективный инструмент онлайн-разрешения споров в области прав потребителей
4. Преимущества электронной медиации в сравнении с другими механизмами разрешения споров в области прав потребителей
5. Роль технологий и искусственного интеллекта в развитии механизма онлайн-разрешения споров

Заключение

Список литературы

Введение

Понятие доступа к правосудию эволюционировало по мере распространения технологий, которые способствуют более широкому доступу к справедливым и эффективным средствам правовой защиты (Schmitz, 2019). Традиционный судебный процесс, требующий физического присутствия сторон дела в суде, больше не является единственным способом доступа к правосудию. Напротив, он представляет собой барьер с точки зрения его экономической эффективности, затрат времени и доступности для многих граждан, включая маргинализированные слои общества. Эта проблема также проявляется в спорах с потребителями, так как иногда судебные издержки

превышают стоимость оспариваемых товаров или услуг, что не позволяет потребителям добиваться справедливости.

В Индии основным документом, который в первую очередь определяет механизмы альтернативного разрешения споров (далее – АРС) по обеспечению и защите прав потребителей, является Конституция. Статья 19(1)(g) Конституции Индии защищает интересы хозяйствующих субъектов, в то время как права потребителей, вытекающие из права на защиту от эксплуатации, структурно интерпретируются в соответствии со ст. 21 «Право на жизнь». Стороны спора имеют право потребовать соблюдения положения о конфиденциальности и процедур, установленных законом. Аналогичным образом, закон учитывает принципы естественной справедливости, которые предусматривают право быть услышанным и представленным, а также требование беспристрастности, подотчетности и прозрачности при выборе способа разрешения споров. Те же конституционные принципы побуждают и обязывают правительство упрощать такого рода механизмы для улучшения доступа к правосудию и расширять возможности бесплатной юридической помощи в этих целях. Аналогичным образом, ст. 89 Закона об арбитраже и примирении в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом 1860 г. предусматривает возможности медиации и арбитража.

Механизм онлайн-разрешения споров расширяет возможности альтернативного разрешения споров с целью использования развития технологий и Интернета (Katsh & Rifkin, 2001). Доступ к онлайн-разрешению споров (далее – ОРС) можно получить очно или путем подключения через Интернет или другие технологии, не выходя из дома, офиса или любого другого места по своему выбору в согласованное время¹.

Метод АРС более экономичен и занимает меньше времени по сравнению с традиционным судебным процессом (WIPO, n.d.). Выгоды от ОРС аналогичны таковым от АРС, но с дополнительным преимуществом в виде актуальности и неизбежности в цифровом мире. Важным плюсом процесса ОРС является то, что при необходимости встречи могут быть конфиденциальными, но также, по взаимному согласию сторон, они могут быть записаны для получения доказательств в будущем. Простота этого метода варьируется в зависимости от характера спора и предпочтений сторон.

Глобализация привела к расширению сферы потребления, особенно с ростом трансграничных сделок в рамках электронной коммерции. В этих условиях ОРС обусловлено насущной необходимостью оставаться на шаг впереди не только в обеспечении рыночной этики и прав потребителя, но и в обеспечении доступности правосудия. Национальный институт преобразования Индии (National Institution for Transforming India, NITI Aayog) также настаивает на внедрении ОРС как ведущего механизма в различных областях². По мнению Комиссии ООН по международному торговому праву³, процедура ОРС особенно полезна при разногласиях, возникающих в результате трансграничных электронных коммерческих сделок с низкой

¹ Government of Canada, Department of Justice, Electronic Communications. (2022, August 25). Dispute Resolution Reference Guide: Online Dispute Resolution. <https://goo.su/Fvozf>

² The NITI Aayog Expert Committee on OPC. (2021). Designing the future of dispute resolution: The OPC policy plan for India. NITI Aayog. <https://goo.su/8WTpLpL>

³ UNCITRAL. (2017). Technical notes on online dispute resolution. <https://clck.ru/3RrNk3>

стоимостью. Споры между предприятиями и потребителями могут быть более эффективно урегулированы с помощью процедур ОРС.

Согласно Руководящим принципам ООН в области защиты прав потребителей, важнейшими для потребителей являются право на доступ к правосудию и наличие эффективных механизмов правовой защиты и систем разрешения споров⁴. Аналогичным образом, Руководство Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) в области защиты прав потребителей⁵ содержит исчерпывающие рекомендации по указанным принципам. Недавно Рабочая группа UNCTAD опубликовала доклад, посвященный электронной торговле и трансграничному сотрудничеству, в котором подчеркивается растущее значение глобального онлайн-разрешения споров⁶.

После пандемии COVID-19 и развития цифровой эры АРС стало не только насущной необходимостью в различных спорах гражданского характера, но и широко распространенным механизмом, избавляющим гражданина от сложных процессов и юридического жаргона, которые всегда служили сдерживающим фактором против использования средств правовой защиты. Одна из основных проблем, с которой сталкиваются суды по защите прав потребителей, заключается в том, что они возникают в результате сделки между сторонами, находящимися в неравном положении. Целью нашего исследования является изучение многогранной роли ОРС в разрешении потребительских споров и оценка его потенциала для создания более доступной и эффективной системы правосудия.

Методология. В работе использован доктринальный, качественный исследовательский подход для изучения вопроса о том, как онлайн-разрешение споров может улучшить доступ к правосудию, особенно в случае потребительских споров. Поскольку последние связаны как с правовыми принципами, так и с практическими проблемами, качественный метод помогает понять сильные и слабые стороны ОРС и то, как этот механизм может повлиять на систему правосудия. Для раскрытия правовых и теоретических вопросов, связанных с ОРС, авторы изучили существующие законы, стандарты защиты прав потребителей и практику работы судов. Исследование в основном опирается на обзор литературы и вторичных данных. В статье сделан упор преимущественно на описательный и критический анализ существующей правовой базы и цифровой среды, что отражает дальнейшие шаги в изучении проблемы разрешения споров.

1. Юридические теории правосудия и разрешения споров

Стремление обеспечить доступ к правосудию основано на моральных императивах теории естественного права и нормах позитивного права; оно повышается с развитием технологий. Теория естественного права, которая утверждает, что правовые нормы вытекают из моральных принципов, присущих природе человека, ставит под сомнение

⁴ United Nations Conference on Trade and Development. (2016). Guidelines on Consumer Protection. United Nations. <https://clck.ru/3RrNLu>

⁵ United Nations Conference on Trade and Development. (2019). Manual on Consumer Protection. United Nations. <https://clck.ru/3RrNBZ>

⁶ UNCTAD. (2024, November 21). UN Trade and Development: Online dispute resolution key to boosting consumer trust. <https://clck.ru/3RrNZt>

легитимность ОРС. Сторонники естественного права указывают, что правосудие должно осуществляться при участии человека, выдвигая на первый план аспекты справедливости и моральные соображения. Однако ОРС, интегрируя искусственный интеллект и автоматизированное принятие решений, бросает вызов традиционным представлениям о правосудии, сокращая участие человека. Сторонники естественного права подчеркивают, что механизмы ОРС должны учитывать этические соображения и справедливость процедур в соответствии с фундаментальными принципами морали.

С точки зрения юридического позитивизма, закон – это набор правил, установленных признанным авторитетом, независимо от моральных соображений. ОРС лишь тогда является легитимным правовым механизмом, когда оно санкционировано правовыми рамками и институциональными нормами. Растущее включение ОРС в официальные правовые системы, такие как положения Комиссии ООН по международному торговому праву⁷ и различные национальные нормативные акты, отражает его признание в рамках позитивистской парадигмы. Однако обеспечение соответствия ОРС процедурным требованиям для поддержания его легитимности в рамках правовой системы по-прежнему является проблемой.

Использование ОРС в качестве практического инструмента для повышения эффективности поддерживается доктриной правового реализма, которая фокусируется на практическом применении закона и роли судебного усмотрения. Ее сторонники утверждают, что закон должен адаптироваться к потребностям общества, а ОРС решает современные проблемы, сокращая расходы и ускоряя принятие решений. Однако они также предостерегают от чрезмерной зависимости от технологий, выступая за постоянную оценку эффективности ОРС в достижении справедливых результатов. С этой точки зрения ОРС рассматривается как механизм, который может закрепить существующий дисбаланс сил, особенно если он разработан таким образом, чтобы отдавать предпочтение корпорациям или технологически продвинутым сторонам процесса в ущерб маргинализированным слоям. Для обеспечения равного доступа к правосудию необходима система, обеспечивающая прозрачность, инклюзивность и гарантии от предвзятости в процедурах ОРС. Юридическая наука дает ценные идеи о сильных сторонах и проблемах ОРС (Beyleveld & Brownsword, 1985).

Наше исследование подчеркивает роль расширения доступа к правосудию; при этом мы опираемся на концепцию справедливости Джона Ролза. Согласно его взглядам, принцип справедливости обеспечивает равноправный доступ к правосудию посредством институциональных структур, которые ставят во главу угла справедливость и личные права, гарантирующие реальное равенство, а не просто формальный доступ (Nagel, 1973). В своей книге «Идея справедливости» (Sen, 2009) Амартия Сен излагает теорию справедливости и критикует традиционный трансцендентальный институционализм, в частности идеализированные модели Джона Ролза, утверждая, что правосудие должно сосредотачиваться на практических улучшениях, а не на определении абсолютно справедливого общества. Его теория возможностей (capability approach) смещает акцент с ресурсов или благосостояния на реальные свободы и возможности отдельных людей. В отличие от институциональной направленности теории Ролза плюралистическая и прагматичная теория Сена ставит во главу угла устранение неравенства в реальном мире, что делает ее особенно актуальной для целей глобальной справедливости и развития (Boot, 2012).

⁷ UNCITRAL. (2017). Technical notes on online dispute resolution.

2. Развитие и формы онлайн-разрешения споров в Индии

Закон о защите прав потребителей 2019 г. знаменует собой значительный прогресс в укреплении прав потребителей в Индии⁸, особенно с учетом стремительного распространения цифровых транзакций и электронной коммерции. Обновив правовую базу и признав необходимость более быстрых, технологичных методов разрешения споров, этот закон заложил основу для создания и внедрения систем ОРС в сфере защиты прав потребителей. В отличие от предыдущего закона⁹, который в основном касался традиционных жалоб потребителей, Закон 2019 г. установил ряд процедур, например, утвердил создание Центрального органа по защите прав потребителей (Central Consumer Protection Authority, CCPA), который уполномочен принимать меры по собственной инициативе, отзывать некачественные товары и налагать штрафы. Закон также включает положения об ответственности за качество продукции, регулировании электронной торговли и упрощенном разрешении споров посредством медиации. Целью этих реформ является повышение доступности и эффективности защиты прав потребителей и ее соответствия реалиям развивающихся рынков.

Несмотря на эти достижения, существует ряд барьеров, препятствующих полной реализации целей Закона. Поскольку эффективность CCPA и Комиссий по разрешению споров с потребителями (Consumer Disputes Redressal Commissions, CDRC) часто ограничивается нехваткой ресурсов, недостаточной осведомленностью потребителей и вялостью судебных процессов, правоприменение по-прежнему представляет собой проблему. Трансграничный характер электронной коммерции усложняет правоприменительную практику на уровне юрисдикций, что мешает эффективному регулированию онлайн-транзакций. Хотя медиация является более быстрой альтернативой судебному разбирательству, ее успех зависит от готовности обеих сторон к переговорам, что не всегда имеет место. Для повышения эффективности указанного Закона необходимо усовершенствовать механизмы его соблюдения, повысить цифровую грамотность и постоянно обновлять законодательство, чтобы идти в ногу с технологическими достижениями (Singh & Saxena, 2024).

Онлайн-разрешение споров (далее – ОРС) – это широкая категория альтернативных процедур разрешения споров, которые основаны на развитии доступных и все усложняющихся интернет-технологий. В это понятие входит целая группа процедур разрешения конфликтов. Технологии искусственного интеллекта используются в автоматических процессах управления, а также при выработке рекомендаций и анализе данных для прогнозирования результатов рассмотрения дел. Машинное обучение также помогает оптимизировать повторяющиеся процессы, что делает ОРС эффективным вариантом для рассмотрения крупных дел, таких как потребительские споры. Кроме того, безопасные протоколы обмена файлами и шифрования имеют жизненно важное значение для защиты конфиденциальности сторон, особенно в сфере защиты прав потребителей, где происходит обмен конфиденциальной финансовой и личной информацией.

От обычного АРС с поддержкой технологий ОРС отличается тем, что активно использует такие инструменты, как искусственный интеллект и машинное обучение,

⁸ The Consumer Protection Act, 2019. (2019). <https://clck.ru/3RrBmF>

⁹ Consumer Protection Act. (1986). In Consumer Protection Act. <https://clck.ru/3RrBnb>

для оказания юридической помощи на цифровых платформах. Такая форма ОРС, как электронная медиация, широко используется в регионах Европы и Азии и демонстрирует растущую значимость во всем мире. В 2021 г. Экспертный комитет Индии по ОРС (NITI Aayog) рекомендовал внести поправки в Кодекс о несостоятельности и банкротстве, что означает официальное признание процедур электронной медиации через уполномоченных поставщиков услуг ОРС. Возможность участвовать в онлайн-встречах, подавать документы в электронном виде и выбирать, будет ли процесс проходить лично, онлайн или в смешанном формате, может значительно упростить и ускорить разрешение споров. Это также помогает сократить бумажную волокиту и повышает эффективность всего процесса.

Выделяют ОРС трех типов: автоматизированные переговоры, онлайн-арбитраж и видеомедиация. Как следует из названия, в медиации первого типа нет участия человека, т. е. процесс переговоров осуществляется с помощью компьютера. Пользователи вводят информацию о своих требованиях и предпочтениях, и алгоритм предлагает возможные компромиссы между сторонами. Этот механизм применяется там, где проблема очень проста, как правило, при небольших претензиях и потребительских спорах. Он обеспечивает быстрые и удовлетворительные результаты, что идеально при рассмотрении претензий в сфере электронной коммерции и обслуживания клиентов. Кроме того, существует онлайн-арбитраж. Это процедура, в ходе которой арбитр оценивает доказательства, представленные онлайн, и выносит обязательное для исполнения решение. Механизм служит для того, чтобы стороны могли представлять доказательства в электронном виде, что сокращает время и затраты по сравнению с традиционным арбитражем. Это позволяет сторонам добиться окончательного и подлежащего исполнению решения без сложностей судебного разбирательства. Передача цифровых документов и электронная подпись делают этот механизм эффективным для взаимодействия «бизнес-бизнес» (B-B) и «бизнес-потребитель» (B-C), включая международные транзакции. Наконец, видеомедиация – это способ разрешения споров, когда нейтральный медиатор помогает сторонам общаться друг с другом по видеосвязи. Это позволяет каждому изложить свою точку зрения, а медиатор направляет дискуссию, помогая прийти к решению, которое устроит обе стороны.

3. Медиация как эффективный инструмент онлайн-разрешения споров в области прав потребителей

Медиация является более адаптируемым и эффективным методом разрешения споров, чем традиционные судебные разбирательства, что делает ее предпочтительным вариантом. Роль медиатора заключается в оказании помощи сторонам в достижении соглашения в конфиденциальной и закрытой обстановке. Техника работы медиатора может отличаться в зависимости от характера конфликта и желаемого результата; популярные подходы включают фасилитативную, оценочную, предписанную судом и преобразующую медиацию. Как объясняет A. Patil, перед посредником стоит несколько важных задач, направленных на обеспечение того, чтобы процесс проходил гладко и эффективно. Кроме того, медиатор должен контролировать процесс, направлять беседу, поддерживать контакты между сторонами и при необходимости оказывать помощь в составлении письменного соглашения после того, как решение будет принято¹⁰.

¹⁰ Patil, A. R. (2021). Consumer handbook on mediation: Frequently asked questions. <https://goo.su/Qyq9>

Медиация определяется как механизм, при котором нейтральная третья сторона содействует переговорам с целью достижения мирного урегулирования (Andrews, 2017). Она играет решающую роль в разрешении конфликтов между государствами, а также споров, вытекающих из коммерческих и инвестиционных соглашений. В связи с этим Устав ООН требует от государств разрешать споры мирным путем, придерживаясь принципа воздержания от применения силы (Устав ООН, ст. 2 и 33). Медиация часто используется для прекращения вооруженных конфликтов, особенно в пограничных вопросах, при оккупации и в постконфликтных соглашениях в международных спорах (Bhuta, 2005). При этом стороны в коммерческих и инвестиционных спорах могут урегулировать свои разногласия с помощью таких институтов, как UNCITRAL, ICSID и ICC. Они имеют свои правила медиации, однако эти правила не касаются конкретно использования технологий в процессе медиации.

Развитие технологий облегчает процедуру медиации через возможности проводить видеоконференции, обмен документами онлайн, частные виртуальные встречи, пользоваться электронной документацией и электронными подписями, что делает механизм более эффективным и доступным (Gómez, 2019). Сингапурская конвенция о медиации (2020) гарантирует, что соглашения, достигнутые с помощью медиации, подлежат исполнению. Она также допускает использование электронных подписей, поэтому технологии играют важную роль в медиации. Глобальных правил использования технологий в медиации не существует, поэтому этот аспект в основном определяется законодательством каждой отдельной страны.

Потребительские споры можно подразделить на две широкие категории: объективные и субъективные претензии, каждая из которых требует отдельных механизмов разрешения (Tan et al., 2024). Объективные споры, такие как претензии по гарантийным обязательствам или дефектам продукции, часто связаны с количественными и проверяемыми данными, поэтому они подходят для автоматизированных систем принятия решений на основе данных (Cortés, 2017). Автоматизированные механизмы разрешения споров, использующие искусственный интеллект и алгоритмы, основанные на правилах, могут эффективно разрешать такие вопросы в соответствии с заранее определенными правовыми стандартами и договорными условиями, тем самым обеспечивая согласованность и сокращая время разрешения (Katsh & Rabinovich-Einy, 2017).

Напротив, субъективные споры (по таким вопросам, как дефекты обслуживания, неудовлетворенность потребителей или недобросовестная торговая практика) требуют более тонкого подхода, включая интерпретацию, контекстуальный анализ и соображения справедливости¹¹. Поскольку в этих спорах часто имеет место судебное или квазисудебное усмотрение, предпочтительным механизмом их разрешения является электронная медиация (Schmitz, 2018). Электронная медиация с использованием технологий, помогающих сторонам вести переговоры, позволяет сторонам поделиться своими соображениями и прийти к справедливому решению, соблюдая при этом основные принципы честности и правосудия (Rule, 2020). Таким образом, автоматизированные системы ОРС повышают эффективность разрешения объективных потребительских споров, в то время как субъективный подход,

¹¹ Panetta, J. (2023). AI is smart, but it can't replicate the human touch in mediation. Bloomberg Law. <https://clck.ru/3RrXGC>

ориентированный на человека, отражает взаимодополняющую роль технологий и человеческого фактора в принятии решений по защите прав потребителей¹².

4. Преимущества электронной медиации в сравнении с другими механизмами разрешения споров в области прав потребителей

Медиация служит важнейшим инструментом для достижения реального правосудия в потребительских спорах, предлагая более доступный, эффективный и справедливый процесс их разрешения. В отличие от традиционных судебных разбирательств, которые часто проходят по сценарию «победитель – проигравший», медиация способствует сотрудничеству, при котором обе стороны работают над поиском взаимоприемлемых решений. Так, судья А. К. Sikri (2017) в своей статье подчеркивает, что медиация – это не просто механизм сокращения числа судебных разбирательств, но и средство осуществления особой формы правосудия, которая является более гибкой, инклюзивной и реабилитирующей. Медиация позволяет сторонам в споре открыто общаться, понимать взгляды друг друга, достигать соглашений, которые выходят за рамки юридических формальностей и отвечают их базовым интересам. Этот метод не только разрешает конфликты, но и восстанавливает отношения, обеспечивая долгосрочную гармонию между потребителями и поставщиками услуг.

Кроме того, медиация облегчает доступ к правосудию, особенно лицам, находящимся в неблагоприятном экономическом положении, для которых традиционная правовая система может оказаться непомерно сложной из-за ее запутанности, затрат и задержек. Состязательный характер судебного разбирательства часто ставит в невыгодное положение более слабые стороны, в то время как медиация обеспечивает равные условия, способствуя прямому диалогу и поиску справедливых решений. Медиация очень эффективна в потребительских спорах, особенно в связи с жалобами массового характера, такими как споры о банковских комиссиях, онлайн-транзакциях или некачественных товарах. Развитие электронной коммерции подчеркивает востребованность онлайн-посредничества, позволяющего быстро и экономически эффективно решать проблемы, невзирая на географические барьеры. Хотя медиация получила широкое распространение во всем мире, Индия все еще работает над ее институционализацией в рамках системы защиты прав потребителей. Укрепление механизмов посредничества и повышение осведомленности об их преимуществах должны обеспечить более справедливую, инклюзивную и ориентированную на потребителя систему разрешения споров (Sikri, 2017).

Медиация играет решающую роль в разрешении споров, предлагая более справедливую и доступную альтернативу традиционным судебным процедурам. Это особенно важно для сторон с неравными возможностями на переговорах. В отличие от состязательного судебного разбирательства, где выигрывает часто та сторона, которая имеет больше ресурсов, медиация способствует процессу сотрудничества, в ходе которого спорящие стороны вырабатывают взаимоприемлемые решения. Это гарантирует, что правосудие – это не просто юридическое решение, а справедливый и устойчивый результат, который восстанавливает отношения и устраняет глубинные проблемы. В потребительских спорах, где крупные компании часто имеют больше влияния, чем отдельные потребители, медиация позволяет более слабой

¹² Shonk, K. (2024). AI mediation: Using AI to help mediate disputes. Program on Negotiation, Harvard Law School. <https://clck.ru/3RrRsp>

стороне высказаться и решить проблемы без больших судебных издержек, сложных процедур или несправедливых преимуществ (Sourdin, 2002).

Проводя параллель с арбитражем, особенно в случаях «принудительного арбитража», медиация предстает как более справедливый и добровольный механизм разрешения споров¹³. Как свидетельствует теория договоров присоединения, принудительный арбитраж часто ставит более слабую сторону в невыгодное положение, вынуждая ее принять невыгодные условия без проведения конструктивных переговоров. Такие контракты широко распространены в потребительских соглашениях, трудовых договорах и цифровых транзакциях, где корпорации вводят арбитражные оговорки, которые ограничивают доступ к судам, устанавливают процедурные барьеры и создают финансовые ловушки. Медиация, напротив, не налагает таких ограничений; она ставит во главу угла справедливость, самоопределение и доступность, что делает ее предпочтительной альтернативой для обеспечения правосудия в случаях, когда стороны имеют неравные возможности на переговорах (Ijaodola, 2020).

Для расширения прав и возможностей частных лиц необходим клиентоориентированный подход с акцентом на посредничество и конкретность юридических услуг. В юридических спорах и вопросах защиты прав потребителей, где часто существует дисбаланс сил между крупными корпорациями и индивидуальными потребителями, эти принципы могут сыграть важную роль. Медиация предоставляет потребителям платформу для активного участия в разрешении споров, позволяя им высказывать свое мнение и договариваться о справедливом урегулировании в неформальной и экономически эффективной обстановке. Это снижает фактор страха перед корпоративными юристами и способствует достижению справедливых результатов. Американский специалист по медиации Mosten также продвигает концепцию конкретных юридических услуг, когда адвокат работает четко по запросу клиента. В контексте потребительских споров этот подход позволяет гражданам получить юридическую помощь конкретного характера, например, подготовиться к медиации или понять предложения об урегулировании, при этом не неся высоких затрат на полное представительство. Эта модель устраняет финансовые диспропорции и делает юридическую помощь более доступной. Медиация фокусируется на защите интересов через переговоры, а не на тактике состязательного правосудия. Это способствует поиску решений, отвечающих потребностям обеих сторон, что особенно полезно в контексте постоянных отношений с потребителями, таких как отношения между арендаторами и арендодателями или поставщиками услуг и клиентами. Таким образом, реализация миротворческих стратегий снижает дисбаланс сил и ведет к более справедливому разрешению потребительских споров (Mosten, 2009).

Принятие в 2023 г. Закона о медиации¹⁴ подчеркивает растущую значимость институционализированной медиации в решении как коммерческих, так и некоммерческих споров. Однако комитет отметил, что уровень успешности медиации остается низким¹⁵. Одной из основных причин является отсутствие комплексной

¹³ PON. (2024). What are the three basic types of dispute resolution? What to know about mediation, arbitration, and litigation. Program on Negotiation, Harvard Law School. <https://clck.ru/3RrYE9>

¹⁴ The Mediation Act, 2023. (2023). The Gazette of India. <https://goo.su/UaMzY>

¹⁵ Viswanathan, T. K., Shukla, S., Mani, R., Shroff, S. S., Batra, S., Roul, S., & Shukla, S. K. (2024). Framework for use of mediation under the insolvency and bankruptcy code, 2016. Insolvency and Bankruptcy Board of India. <https://goo.su/njkVBeV>

инфраструктуры для обучения и повышения квалификации профессиональных медиаторов, что приводит к нежеланию сторон участвовать в медиации. Кроме того, необходим культурный сдвиг, направленный на укрепление доверия к процессу медиации. Это имеет решающее значение для того, чтобы стороны начали воспринимать медиацию как законный и успешный метод разрешения споров. Этот сдвиг требует не только институциональной поддержки, но и целенаправленных усилий по демонстрации долгосрочных преимуществ медиации в достижении взаимовыгодных результатов.

Например, в г. Бангалор в период с 2011 по 2015 г. в центр медиации было направлено лишь 31 441 (4,3 %) новое дело, т. е. медиация используется редко (Bangalore Mediation Center, 2015). Высокий суд и Центр примирения в г. Дели направили на медиацию только 13 646 исков, что составляет 2,66 % от всех рассмотренных дел. Аллахабадский судебный центр медиации и примирения рассмотрел 11 618 дел – 0,85 % от всех исков, поданных в 2011–2015 гг.¹⁶

Еще в 1982 г. Pearson исследовал эффективность медиации и арбитража как альтернатив судебному разбирательству. Были рассмотрены различные программы и сделан вывод о том, что, хотя медиация не всегда значительно снижает загруженность судов или государственные расходы, она неизменно обеспечивает высокую удовлетворенность пользователей, лучшее соблюдение соглашений и снижение числа повторных обращений. Автор подчеркивал, что медиация обеспечивает более неформальную обстановку сотрудничества, которая позволяет сторонам разрешать споры мирным путем, ориентируясь на взаимопонимание, а не на состязательную конфронтацию. Этот подход особенно эффективен в случаях, когда важно сохранить отношения, например, в семейных спорах и при рассмотрении мелких претензий. В исследовании также отмечается, что обязательные программы медиации и арбитража, как правило, более успешны, чем добровольные, в том, чтобы сократить длительность судебных разбирательств и обеспечить участие сторон. Достигнутых при этом соглашений, как правило, придерживаются дольше, поскольку стороны с большей вероятностью выполняют условия, о которых они договорились добровольно. Однако автор признает, что посредничество не всегда может разрешить глубоко укоренившиеся конфликты и не во всех правовых контекстах является эффективным. В целом он приходит к выводу, что медиация служит ценным дополнением к официальным судебным процедурам, представляя собой более гуманный и эффективный метод разрешения многих споров (Pearson, 1982).

5. Роль технологий и искусственного интеллекта в развитии механизма онлайн-разрешения споров

Одна из основных проблем, с которой сталкиваются суды в делах о защите прав потребителей, заключается в том, что они возникают в результате сделки между сторонами, находящимися в неравном положении. С развитием технологий растет рыночная конкуренция и число споров по качеству, производительности и доставке товаров и услуг через интернет-магазины, как и вопросов, связанных с разными юрисдикциями. Традиционный судебный процесс уже не может

¹⁶ Kumar, A. P., Jauhar, A., Vohra, K., & Tripathi, I. (2016). Strengthening Mediation in India. Vidhi Centre for Legal Policy. <https://clck.ru/3RrWiu>

решить юрисдикционные вопросы. Технологии открывают путь к разрешению трансграничных споров, поскольку преодолевают географические, финансовые и временные барьеры.

Механизм ОРС значительно повышает эффективность этого процесса, улучшает ведение дел, документацию и аналитику. Разрешение споров становится более доступным и управляемым как для пользователей, так и для администраторов. Ведение дел и документации с помощью систем управления на основе искусственного интеллекта помогает эффективно обрабатывать большие объемы информации путем организации, категоризации и отслеживания дел. Это обеспечивает сбор и хранение материалов дел, доступ сторон к соответствующим документам. Упрощение оформления документации за счет использования естественного языка обработки помогает обобщать и анализировать документы, снижая нагрузку на посредников и арбитров.

Технологии также обеспечивают прогностическую аналитику и поддержку принятия решений в системе ОРС, помогая сторонам обоснованно решить, следует ли добиваться урегулирования. Этот механизм особенно полезен в моделях автоматизированных переговоров и арбитража, где алгоритм учится на материалах аналогичных прошлых судебных дел. Кроме того, с помощью чат-ботов и технологии автоматизированной поддержки платформы ОРС дают рекомендации в режиме реального времени, ответы на часто задаваемые вопросы (FAQ) и новую информацию по делу. Эти инструменты общаются с пользователями на естественном языке и направляют их в процессе разрешения спора, тем самым снижая зависимость от человека. Их значимость особенно выражена при рассмотрении рядовых, простых вопросов, что позволяет посредникам и арбитрам сосредоточиться на более сложных делах.

Такие новые технологии, как блокчейн, искусственный интеллект и чат-боты (Amin, 2024), оказали значительное влияние на развитие онлайн-разрешения споров. Эти инновации изменили процедуры защиты прав потребителей, повысив эффективность, доступность и доверие к цифровому разрешению споров. Так, технология блокчейн обеспечивает ведение децентрализованных и неизменяемых реестров для регистрации транзакций и разрешения споров, гарантируя прозрачность и сводя к минимуму возможность обмана (Linden, 2019). Смарт-контракты способствуют ОРС за счет автоматизации процессов по установленным критериям. Протокол Kleros (арбитражная система на основе блокчейна) использует децентрализованные механизмы принятия решений и экономические стимулы для содействия правосудию¹⁷. Однако применение блокчейн-технологий в системах ОРС сталкивается с законодательными барьерами, проблемами безопасности и технической сложностью.

Искусственный интеллект также преобразует ОРС за счет автоматизации ведения дел, прогностической аналитики и работы с документами. Использование машинного перевода на основе искусственного интеллекта и обработки естественного языка (NLP) разрушает языковые барьеры, позволяя разрешать международные споры. Модели машинного обучения могут оценивать исходы прошлых дел для прогнозирования возможных решений. Специальные исследования

¹⁷ Jain, S. (2024). Blockchain empowered online dispute resolution: A decentralized approach to enhancing trust and efficiency. Live Law. <https://clck.ru/3RrWRt>

демонстрируют возросшую эффективность технологий при рассмотрении массовых дел; в частности, это касается платформ для рассмотрения жалоб потребителей на базе искусственного интеллекта. Однако основными препятствиями остаются проблемы, связанные с предвзятостью алгоритмов, конфиденциальностью данных и необходимостью контроля со стороны человека. Постоянного совершенствования требуют также этические соображения, такие как справедливость автоматизированного принятия решений.

Чат-боты стали важным инструментом в сфере ОРС, поскольку они помогают потребителям в режиме реального времени ориентироваться в процедуре разрешения спора. Эти виртуальные помощники на базе искусственного интеллекта могут классифицировать жалобы, предоставлять юридические рекомендации и автоматизировать ответы, облегчая нагрузку на посредников-людей. Организации по защите прав потребителей все чаще рассматривают возможность интеграции чат-ботов для ускорения предоставления своих услуг. Однако существуют и проблемы, такие как невозможность ответить на сложные юридические запросы, потенциальные неточности в автоматических ответах и отсутствие человеческого сочувствия в деликатных спорах. Это подчеркивает необходимость гибридного подхода, при котором чат-боты скорее дополняют, чем полностью заменяют посредников-людей. Такие инициативы, как включение ChatGPT от компании OpenAI в платформы ОРС, ярко показывают потенциал чат-ботов в улучшении пользовательского опыта и доступности (Barnett & Treleaven, 2018).

Несмотря на трансформационный характер этих технологий, их внедрение по-прежнему сопряжено с трудностями. Во многих странах отсутствует необходимая правовая база, технологическая компетентность и финансовые ресурсы для разработки передовых систем ОРС. Чтобы решить эти проблемы, многонациональные ассоциации (например, в рамках проектов ЮНКТАД) выступают за создание платформ ОРС с открытым исходным кодом, которые можно адаптировать к региональным потребностям. Благодаря использованию блокчейна для обеспечения прозрачности, искусственного интеллекта для помощи в принятии решений и чат-ботов для повышения доступности будущее ОРС обладает огромным потенциалом в обеспечении беспристрастного и эффективного цифрового правосудия¹⁸.

Традиционные методы онлайн-медиации сталкиваются с такими серьезными проблемами, как обеспечение соблюдения принятых решений, дефицит доверия и зависимость от центральных органов власти. Выход видится в основном в использовании блокчейна, так как он делает разрешение споров более безопасным, прозрачным и простым в применении. Благодаря наличию децентрализованного и неизменяемого реестра блокчейн гарантирует, что соглашения, достигнутые в ходе медиации, будут прозрачно и надежно зарегистрированы, а подделка документов или манипулирование ими невозможны¹⁹. Кроме того, смарт-контракты, как важнейший компонент технологии блокчейн обеспечивают соблюдение требований, автоматизируя выполнение соглашений о посредничестве без необходимости использования внешних инструментов принуждения. Такая автоматизация повышает

¹⁸ UNCTAD. (2024, November 21). UN Trade and Development: Online dispute resolution key to boosting consumer trust. <https://clck.ru/3RrNZt>

¹⁹ Cianci, M., Longo, A., Ward, D., & Iwry, J. (n.d.). Litigation, professional perspective – Benefits & risks of decentralized dispute resolution. Bloomberg Law. <https://clck.ru/3RrWLu>

эффективность, снижает риск несоблюдения принятых решений и устраняет необходимость в посредниках, что значительно сокращает время обработки данных и расходы на посредничество (Ast & Deffains, 2021).

ОРС было включено в правовые системы нескольких стран, особенно для рассмотрения мелких претензий, потребительских и деловых споров. Рассмотрим ряд платформ, предназначенных для онлайн-разрешения споров в разных странах.

CyberSettle (США), SquareTrade, Modria (США). Разработанная в сотрудничестве с Американской арбитражной ассоциацией (AAA), платформа предлагает многоэтапный процесс разрешения сложных споров, в том числе в сфере электронной торговли и собственности.

Small Claims Mediation Scheme (Великобритания). Государственная программа предусматривает один час медиации по телефону по мелким претензиям, сокращая загруженность судов.

MoneyClaim Online (Великобритания). Разработанная для споров между заемщиком и кредитором система предлагает рассмотрение претензий на сумму до 100 000 фунтов стерлингов, повышая эффективность разрешения финансовых споров.

Mediation.RF (Россия). Платформа, ориентированная на посредничество при семейных спорах и расторжении брака, автоматизирует переговорные процессы для ускорения урегулирования споров.

e.Dogovor.ru (Россия). Платформа для разрешения коммерческих споров, обеспечивающая безопасный и систематический онлайн-арбитраж деловых конфликтов.

Описанные платформы подчеркивают глобальный переход к разрешению споров на основе технологий, упрощая юридические процессы при одновременном снижении затрат и задержек (Kavita, 2023).

Перевод посреднических услуг на онлайн-платформы значительно сокращает время рассмотрения дел и сопутствующие расходы. Кроме того, устранение географических ограничений упростило организацию посреднических услуг, что в прошлом было проблемой с точки зрения логистики. Однако, несмотря на свои многочисленные преимущества, онлайн-медиация имеет ряд недостатков, наиболее примечательным из которых является снижение способности понимать невербальную коммуникацию (Martin, 2021).

Стратегия внедрения ОРС в Индии состоит из двух этапов: во-первых, страна укрепляет действующее законодательство в этой области путем проведения реформ, касающихся ОРС. Последние включают внедрение цифрового нотариального заверения, принятия законов о медиации, конфиденциальности данных и обязательной в некоторых ситуациях досудебной медиации. Второй этап состоит из введения дополнительных правил для поставщиков услуг ОРС. Рекомендуется постепенное внедрение, сначала с акцентом на простой саморегулирующийся подход. При необходимости эта модель может перерасти в режим с более строгим контролем. При этом предусмотрено возможное совершенствование процедур институциональной аккредитации и аудита в будущем. Конечная цель заключается в использовании технологий разрешения конфликтов для реализации конституционной цели доступного правосудия с разумным объемом издержек²⁰.

²⁰ The NITI Aayog Expert Committee on OPC. (2021). Designing the future of dispute resolution: The OPC policy plan for India. NITI Aayog. <https://goo.su/8WTpLpL>

В 2005 г. Верховный суд Индии сформировал Электронный комитет для интеграции технологий в судебную систему, что положило начало развитию ОРС в Индии. Несмотря на задержку на старте работы, последовало несколько заслуживающих внимания инициатив, в том числе запуск электронной системы альтернативного разрешения споров (E-ADR) в 2019 г., платформы SAMADHAAN для разрешения споров о платежах среди MSME в 2018 г., кампании Digital India в 2015 г. и Центра онлайн-посредничества для потребителей в 2016 г.²¹ Система VIVAAD SE VISHWAS (2020) для разрешения налоговых споров была запущена во время эпидемии COVID-19, которая ускорила использование ОРС. Комитет NITI Aayog, представив в 2021 г. «План политики ОРС для Индии» совместно с такими организациями, как RBI и SEBI, сыграл значительную роль в реализации этого плана. Под руководством бывшего судьи А. К. Sikri была создана рабочая группа для продвижения ОРС с акцентом на системы разрешения конфликтов и обеспечения правовой безопасности на основе данных²².

Для совершенствования защиты прав потребителей и рассмотрения жалоб Департамент по делам потребителей принял ряд важных мер. В 2005 г. была создана Национальная линия доверия для потребителей (National Consumer Helpline, NCH). В 2016 г. был внедрен интегрированный механизм рассмотрения жалоб потребителей (Integrated Consumer Grievance Redressal Mechanism, INGRAM), который предлагает прямой канал для рассмотрения жалоб и добровольного сотрудничества предприятий. Департамент также представил Правила защиты прав потребителей (в области электронной коммерции) 2020 г. и создал приложение для потребителей, облегчающее подачу жалоб. Законодательство было усилено Законом о защите прав потребителей от 2019 г.²³ Заметным технологическим достижением стал портал E-Daakhil, который позволяет подавать жалобы в электронном виде и ускоряет процесс разрешения споров за счет расширенной интеграции ИКТ в деятельность Комиссии по разрешению споров с потребителями²⁴. Две самые известные платформы для онлайн-разрешения споров в Индии – это CORD и SAMA; они предлагают эффективные и доступные цифровые решения для разрешения споров.

SAMA была первоначально запущена как платформа для медиации в 2015 г., а затем расширена до комплексного сервиса по ОРС с возможностями комплексного арбитража, примирения и медиации. Она реализует четко определенные процедуры, обеспечивая упрощенное рассмотрение дел в сжатые сроки. Примечательно, что платформа сотрудничала с различными государственными юридическими службами для обеспечения механизма «Народного суда» (Lok Adalat) онлайн, который позволяет эффективно разрешать большое количество дел с существенными денежными выплатами. Платформа получила широкое признание в разных регионах и на разных языках, что позиционирует ее как жизнеспособную альтернативу традиционным судебным разбирательствам и расширяет доступ граждан к правосудию. На SAMA было подано около 20 млн исков, из которых 3,4 млн были урегулированы на платформе, причем среднее время разрешения составило 45 дней. Система

²¹ Gaur, R. (2024). Tech-driven justice: Unraveling the dynamics of online dispute resolution. Live Law. <https://clck.ru/3Rrae7>

²² Там же.

²³ The Consumer Protection Act, 2019. (2019). <https://clck.ru/3RrBmF>

²⁴ Centre launches E-Daakhil across all states and union territories of India. (n.d.). <https://goo.su/wk287gx>

обеспечивает анализ доказательств на основе распознавания текста, ведение документации, детальное информирование по каждому делу и поддержку транскрипции. Это безопасная и заслуживающая доверия платформа, имеющая назначенные группы посредников в 500 округах Индии. Через SAMA частные лица могут получить консультацию у высококвалифицированных экспертов в данной области, и если иск подходит для ОРС, он будет подан на платформу для онлайн-посредничества. В городах Джабалпур, Бхопал и Гвалиор Служба поддержки женщин в сотрудничестве с Юридической службой штата и полицией провела исследование хода пилотного проекта онлайн-медиации по сложным уголовным делам. Это необходимо сделать и в отношении потребительских споров²⁵.

Центр онлайн-разрешения споров (Centre for Online Resolution of Disputes, CORD) обеспечивает безопасную цифровую среду для разрешения споров посредством арбитража и медиации. Как SAMA, так и CORD являются примером растущего признания ОРС в Индии, демонстрируя его потенциал для облегчения нагрузки на суды и создания более доступной правовой экосистемы на основе технологий (Gupta & Bajpai, 2023). Стремительная цифровизация Индии, особенно в рамках программы Digital India, вызвала серьезную обеспокоенность по поводу конфиденциальности данных и цифрового разрыва, что имеет прямые последствия для ОРС и медиации²⁶. Поскольку судебные процессы проходят в режиме онлайн, персональные данные могут подвергаться риску из-за слабости законов о защите данных. Закон об информационных технологиях (с изменениями) от 2008 г. охватывает ряд вопросов кибербезопасности, но не обеспечивает полной защиты персональных данных при онлайн-разрешении споров или медиации. Поскольку последняя требует обмена конфиденциальной информацией, отсутствие четких гарантий приватности может подорвать доверие к цифровому разрешению споров. Кроме того, существующий в Индии цифровой разрыв, характеризующийся различиями в доступе к Интернету, цифровой грамотности и технологической инфраструктуре, создает барьеры для справедливых и доступных механизмов ОРС. Тем, кто проживает в сельской местности или имеет более низкий социально-экономический уровень, может быть сложно использовать платформы для цифровой медиации, что усугубит уже существующие различия в доступе к правосудию (Ghosh, 2020).

Для борьбы с этими проблемами Индия должна принять более строгие правила защиты данных, соответствующие лучшим мировым практикам, а также сократить цифровой разрыв, чтобы сделать ОРС и посредничество доступными для всех граждан. Повышению доверия и безопасности в сфере цифровых технологий могло бы способствовать создание специального регулирующего органа по защите данных, о чем говорят эксперты в области права. Кроме того, инвестиции в цифровую грамотность и инфраструктуру обеспечат маргинализированным группам населения возможность пользоваться услугами ОРС. Без таких мер эффективность онлайн-медиации и разрешения споров остается под угрозой, что ограничивает ее способность обеспечивать справедливое правосудие в обществе, развивающемся в цифровом формате (Ghosh, 2020). Руководящие принципы по ОРС Ассоциации государств

²⁵ Gupta, S. (2024). Looking for a lawyer? Startup helps resolve disputes outside courts, solved 35 lakh cases online. The Better India. <https://clck.ru/3RrW48>

²⁶ Chopra, A. (2024). Revolutionizing justice: NITI Aayog's ODR blueprint for India. NLR Blog. <https://goo.su/zzDv4PB>

Юго-Восточной Азии (АСЕАН) от 2022 г. устанавливают, что система ОРС должна осуществляться под руководством правительства и управляться переговорщиком, посредником или медиатором, обладающим достаточными знаниями и возможностями для оказания помощи в спорах в формате B2C²⁷.

Заключение

Механизм ОРС обладает потенциалом для обеспечения кардинальных изменений в доступе к правосудию в сфере защиты прав потребителей, но он все еще находится на очень ранней стадии становления. Что касается будущего ОРС, то существуют различные проблемы, связанные с цифровым разрывом, конфиденциальностью данных и безопасностью, юридическим признанием, возможностью обеспечения соблюдения принятых решений и сопротивлением со стороны традиционной правовой системы. Для решения этих проблем необходимо создать надежную основу для ОРС и соответствующего законодательства, чтобы обеспечить эффективное внедрение ОРС как механизма. Это невозможно сделать без усилий и вклада государственных деятелей, практикующих юристов и разработчиков технологий (Schmitz, 2018). Кроме того, эффективная медиация требует квалифицированного медиатора. Существует необходимость в разработке комплексной учебной программы для подготовки медиаторов. Медиаторы должны оставаться беспристрастными, что говорит о необходимости Этического кодекса для определения минимальных стандартов, которых они должны придерживаться.

Правительству следует принять нормативные акты, признающие ОРС законной формой разрешения споров, и предоставить четкие руководящие принципы по внедрению механизма ОРС²⁸. Это включает в себя определение правового статуса соглашений об ОРС, процедур, которым должны следовать системы ОРС, и способов обеспечения соблюдения принятых решений. Положения, необходимые для ОРС, еще не полностью сформулированы или интегрированы в действующие нормативные акты по защите прав потребителей. При разработке политических мер и всеобъемлющих нормативных актов необходимо сотрудничество всех заинтересованных сторон, включая юристов, экспертов в области технологий, а также организации по защите прав потребителей (Schmitz, 2018). Потребители должны узнать о механизме ОРС через просветительские программы, включая семинары, информационные брошюры и онлайн-ресурсы. Чтобы гарантировать широкое признание ОРС, крайне важно разработать всеобъемлющие правила защиты данных для решения таких проблем, как конфиденциальность данных клиентов и вопросы безопасности. Наконец, первостепенное значение имеет решение проблемы цифрового неравенства. Государственные органы и организации должны уделять приоритетное внимание повышению доступа к технологиям для малообеспеченных групп населения, предоставляя им необходимые инструменты для успешного использования платформ ОРС. Это потребует инвестиций в общедоступные интернет-точки предоставления субсидируемых технологий для слоев населения с низким доходом и программ по повышению цифровой грамотности. Платформы ОРС должны быть удобными в использовании и обладать такими функциями, как многоязычная поддержка и доступность для людей с ограниченными возможностями.

²⁷ Resolutions System Institute (n.d.). Online Dispute Resolution. <https://clck.ru/3RrVi2>

²⁸ OECD. (2024). OECD online dispute resolution framework. <https://clck.ru/3Rr7Kv>

Список литературы

- Amin, N. (2024). A New Frontier in Online Dispute Resolution: Combining AI and Mindfulness. *Journal of Law, Technology, & The Internet*, 15(2), 283–304.
- Andrews, N. (2017). Mediation: International Experience and Global Trends. *Journal of International and Comparative Law*, 4(2), 218. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3198571>
- Ast, F., & Deffains, B. (2021). When Online Dispute Resolution Meets Blockchain: The Birth of Decentralized Justice. *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*.
- Barnett, J., & Treleaven, P. (2018). Algorithmic Dispute Resolution—The Automation of Professional Dispute Resolution Using AI and Blockchain Technologies. *The Computer Journal*, 61(3), 399–408. <https://doi.org/10.1093/comjnl/bxx103>
- Beylerveld, D., & Brownsword, R. (1985). The practical difference between natural-law theory and legal positivism. *Oxford Journal of Legal Studies*, 5(1), 1–32. <https://doi.org/10.1093/ojls/5.1.1>
- Bhuta, N. (2005). The Antinomies of Transformative Occupation. *The European Journal of International Law*, 16(4), 732. <https://doi.org/10.1093/ejil/chi145>
- Boot, M. (2012). The aim of a theory of justice. *Ethical Theory and Moral Practice*, 15(1), 7–21. <https://doi.org/10.1007/s10677-011-9308-5>
- Cortés, P. (2017). *The law of consumer redress in an evolving digital market: Upgrading from alternative to online dispute resolution*. Cambridge University Press.
- Ghosh, J. (2020). Digital divide vs digital India: Aspects of privacy and data protection in India. *NUJS Journal of Regulatory Studies*, 5(4), 23–35.
- Gómez, Katia Fach. (2019). The Role of Mediation in Commercial Dispute: Reflection on some Technological, Ethical and Educational Challenges. In C. Titi, & G. K. Fach, *Mediation in International Commercial and Investment Disputes* (p. 8). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/law/9780198827955.003.0001>
- Gupta, A., & Bajpai, A. (2023). Online Dispute Resolution in India: A distant reality or dream? In P. Das (Ed.), *Contemporary Perspectives in International Arbitration: Decoding Global Trends* (pp. 123–145). Thomson Reuters. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4855121>
- Ijaodola, A. (2020). *The concept of forced arbitration: An arbitration with wrong footing*. SSRN. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3739277>
- Katsh, E., & Rabinovich-Einy, O. (2017). *Digital justice: Technology and the internet of disputes*. Oxford University Press.
- Katsh, E., & Rifkin, J. (2001). *Online Dispute Resolution: Resolving Conflicts in Cyberspace*. Jossey-Bass.
- Kavita. (2023). Online mediation and dispute resolution in India: Assessing the advantages and disadvantages of e-mediation. *ILI Law Review, Winter Issue 2023*, 105.
- Linden, T. (2019). Trust Me: Combining Online Dispute Resolution, Law and Blockchain Technology. *Indian Journal of Law and Technology*, 15(2), 454–469.
- Martin, E. (2021). The Rise of Online Mediation. *GPSolo*, 38(1), 39–42.
- Mosten, F. S. (2009). Lawyer as peacemaker: Building a successful law practice without ever going to court. *Family Law Quarterly*, 43(3), 489–518.
- Nagel, T. (1973). Rawls on justice. *The Philosophical Review*, 82(2), 220–234. <https://doi.org/10.2307/2183770>
- Pearson, J. (1982). An evaluation of alternatives to court adjudication. *The Justice System Journal*, 7(3), 420–444.
- Rule, C. (2020). *Online dispute resolution for business: B2b, e-commerce, consumer, employment, insurance, and other commercial conflicts*. Jossey-Bass.
- Schmitz, A. J. (2018). A blueprint for online dispute resolution system design. *Journal of Internet Law*, 21(7), 3–21.
- Sen, A. (2009). *The idea of justice*. Belknap Press. <https://doi.org/10.4159/9780674054578>
- Sikri, A. K. (2017). Mediation: Means of achieving real justice in consumer disputes. *International Journal on Consumer Law and Practice*, 5(1), 1–10.
- Singh, S., & Saxena, J. (2024). Consumer Protection Act 2019: A critical analysis. *International Journal of Research Publication and Reviews*, 5(5), 8984–8987.
- Sourdin, T. (2002). *Alternative dispute resolution*. Thomson Reuters (Professional) Australia Limited.
- Tan, J., Westermann, H., Pottanigari, N., Savelka, J., Meeus, S., Godet, M., & Benyekhlef, K. (2024). Robots in the middle: evaluating LLMs in dispute resolution. *arXiv*. <https://arxiv.org/pdf/2410.07053>

Сведения об авторах

Соломон Гирма Таддессе – PhD, ассистент преподавателя права, экс-декан Школы права, Университет Мадда Валабу
Адрес: Эфиопия, г. Робэ, район Бейл, Оромия
E-mail: taddessegirma.phd@nliu.ac.in; solbale@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6048-564X>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57200656542>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=dJFt15UAAAAJ>

Видьянши Бханвар – ассистент преподавателя права, Национальный юридический институт
Адрес: Индия, 462044, г. Бхопал, Керва Дэм Роуд
E-mail: vidhyanshibhanwar@nliu.ac.in
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-4007-0615>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=QC1eh9MAAAAJ>

Шрути Верма – PhD, Национальный юридический институт
Адрес: Индия, 462044, г. Бхопал, Керва Дэм Роуд
E-mail: shrutiverma9327@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-1183-9597>

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, методологии, валидацию, формальный анализ, проведение исследования, подбор источников, написание и редактирование текста, руководство и управление проектом.

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 4 мая 2025 г.

Дата одобрения после рецензирования – 1 июня 2026 г.

Дата принятия к опубликованию – 25 марта 2026 г.

Дата онлайн-размещения – 10 апреля 2026 г

Research article

UDC 34:004:347.9:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/KAUHGC>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.4>

Online Dispute Resolution in the Field of Consumer Protection in India

Dr. Solomon Girma Tadesse ✉

Madda Walabu University, Robe, Ethiopia

Vidhyanshi Bhanwar

National Law Institute University, Bhopal, India

Shruti Verma

National Law Institute University, Bhopal, India

Keywords

alternative dispute resolution,
artificial intelligence,
blockchain,
consumer protection,
digital technologies,
e-commerce,
law,
machine learning,
mediation,
online dispute resolution

Abstract

Objective: to explore the advantages, challenges and implications of integrating technologies, particularly online dispute resolution, into the dispute resolution system in India, with a particular focus on consumer protection disputes.

Methods: the authors use general scientific methods of analysis and synthesis, as well as systematic, functional and comparative-legal approaches to systematically study the concept of online dispute resolution, its historical evolution and practical application with an emphasis on mediation procedures. The work is based on a doctrinal, qualitative approach with an analysis of current legislation, consumer protection standards, and the practice of judicial systems.

Results: The results obtained indicate that online technologies significantly increase the efficiency and accessibility of dispute resolution. However, in India, their development faces serious obstacles, including the technical illiteracy of the population, the digital divide, concerns about the security and confidentiality of personal data, and the lack of clear regulatory legal documents. These restrictions hinder equal access to justice and highlight the need to develop comprehensive public policies and improve digital infrastructure. The work revealed a complementary role of artificial intelligence, electronic mediation and blockchain technology in ensuring fair and effective resolution of consumer disputes.

✉ Corresponding author

© Tadesse S. G., Bhanwar V., Verma Sh., 2026

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: it consists in a comprehensive review of the role of online dispute resolution within the Indian consumer protection system, taking into account modern technological transformations. The authors identify technological, legal and ethical issues that arise in this process and offer a vision of how digital transformation affects the administration of justice in the field of consumer protection.

Practical significance: The study highlights the critical importance of strengthening digital infrastructure, increasing the level of digital and legal literacy of the population, and creating legislation to support the effective implementation of online dispute resolution in the Indian justice system. The work contains suggestions and recommendations for public and judicial authorities, technology developers and all stakeholders involved in the integration of digital tools into resolving consumer disputes, while ensuring fairness, inclusiveness and equal access for all participants in legal relations.

For citation

Taddesse, S. G., Bhanwar, V., & Verma, Sh. (2026). Online Dispute Resolution in the Field of Consumer Protection in India. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 73–97. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.4>

References

- Amin, N. (2024). A New Frontier in Online Dispute Resolution: Combining AI and Mindfulness. *Journal of Law, Technology, & The Internet*, 15(2), 283–304.
- Andrews, N. (2017). Mediation: International Experience and Global Trends. *Journal of International and Comparative Law*, 4(2), 218. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3198571>
- Ast, F., & Deffains, B. (2021). When Online Dispute Resolution Meets Blockchain: The Birth of Decentralized Justice. *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*.
- Barnett, J., & Treleaven, P. (2018). Algorithmic Dispute Resolution—The Automation of Professional Dispute Resolution Using AI and Blockchain Technologies. *The Computer Journal*, 61(3), 399–408. <https://doi.org/10.1093/comjnl/bxx103>
- Beyleveld, D., & Brownsword, R. (1985). The practical difference between natural-law theory and legal positivism. *Oxford Journal of Legal Studies*, 5(1), 1–32. <https://doi.org/10.1093/ojls/5.1.1>
- Bhuta, N. (2005). The Antinomies of Transformative Occupation. *The European Journal of International Law*, 16(4), 732. <https://doi.org/10.1093/ejil/chi145>
- Boot, M. (2012). The aim of a theory of justice. *Ethical Theory and Moral Practice*, 15(1), 7–21. <https://doi.org/10.1007/s10677-011-9308-5>
- Cortés, P. (2017). *The law of consumer redress in an evolving digital market: Upgrading from alternative to online dispute resolution*. Cambridge University Press.
- Ghosh, J. (2020). Digital divide vs digital India: Aspects of privacy and data protection in India. *NUJS Journal of Regulatory Studies*, 5(4), 23–35.
- Gómez, Katia Fach. (2019). The Role of Mediation in Commercial Dispute: Reflection on some Technological, Ethical and Educational Challenges. In C. Titi, & G. K. Fach, *Mediation in International Commercial and Investment Disputes* (p. 8). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/law/9780198827955.003.0001>
- Gupta, A., & Bajpai, A. (2023). Online Dispute Resolution in India: A distant reality or dream? In P. Das (Ed.), *Contemporary Perspectives in International Arbitration: Decoding Global Trends* (pp. 123–145). Thomson Reuters. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4855121>

- Ijaodola, A. (2020). *The concept of forced arbitration: An arbitration with wrong footing*. SSRN. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3739277>
- Katsh, E., & Rabinovich-Einy, O. (2017). *Digital justice: Technology and the internet of disputes*. Oxford University Press.
- Katsh, E., & Rifkin, J. (2001). *Online Dispute Resolution: Resolving Conflicts in Cyberspace*. Jossey-Bass.
- Kavita. (2023). Online mediation and dispute resolution in India: Assessing the advantages and disadvantages of e-mediation. *ILI Law Review, Winter Issue 2023*, 105.
- Linden, T. (2019). Trust Me: Combining Online Dispute Resolution, Law and Blockchain Technology. *Indian Journal of Law and Technology*, 15(2), 454–469.
- Martin, E. (2021). The Rise of Online Mediation. *GPSolo*, 38(1), 39–42.
- Mosten, F. S. (2009). Lawyer as peacemaker: Building a successful law practice without ever going to court. *Family Law Quarterly*, 43(3), 489–518.
- Nagel, T. (1973). Rawls on justice. *The Philosophical Review*, 82(2), 220–234. <https://doi.org/10.2307/2183770>
- Pearson, J. (1982). An evaluation of alternatives to court adjudication. *The Justice System Journal*, 7(3), 420–444.
- Rule, C. (2020). *Online dispute resolution for business: B2b, e-commerce, consumer, employment, insurance, and other commercial conflicts*. Jossey-Bass.
- Schmitz, A. J. (2018). A blueprint for online dispute resolution system design. *Journal of Internet Law*, 21(7), 3–21.
- Sen, A. (2009). *The idea of justice*. Belknap Press. <https://doi.org/10.4159/9780674054578>
- Sikri, A. K. (2017). Mediation: Means of achieving real justice in consumer disputes. *International Journal on Consumer Law and Practice*, 5(1), 1–10.
- Singh, S., & Saxena, J. (2024). Consumer Protection Act 2019: A critical analysis. *International Journal of Research Publication and Reviews*, 5(5), 8984–8987.
- Sourdin, T. (2002). *Alternative dispute resolution*. Thomson Reuters (Professional) Australia Limited.
- Tan, J., Westermann, H., Pottanigari, N., Savelka, J., Meeus, S., Godet, M., & Benyekhlef, K. (2024). Robots in the middle: evaluating LLMs in dispute resolution. *arXiv*. <https://arxiv.org/pdf/2410.07053>

Authors information

Solomon Girma Tadesse – PhD, Assistant Professor of Law, Former Dean of the School of Law, Madda Walabu University

Address: Robe City, Bale Zone, Oromia, Ethiopia

E-mail: taddessegirma.phd@nliu.ac.in; solbale@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6048-564X>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57200656542>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=dJFt15UAAAAJ>

Vidhyanshi Bhanwar – Assistant Professor of Law, National Law Institute University

Address: Kerwa Dam Road, Bhopal-462044, India

E-mail: vidhyanshibhanwar@nliu.ac.in

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-4007-0615>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=QC1eh9MAAAAJ>

Shruti Verma – Ph.D. Scholar, National Law Institute University

Address: Kerwa Dam Road, Bhopal-462044, India

E-mail: shrutiverma9327@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-1183-9597>

Authors' contributions

The authors have contributed equally into the concept and methodology elaboration, validation, formal analysis, research, selection of sources, text writing and editing, project guidance and management.

Conflict of interests

The authors declares no conflict of interest

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – May 4, 2025

Date of approval – June 1, 2026

Date of acceptance – March 25, 2026

Date of online placement – April 10, 2026

Научная статья

УДК 34:004:341.229:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/KUZIEI>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.5>

Искусственный интеллект и международное космическое право: вызовы двойного назначения

Анти Коскина

Университет Крита, Ретимно, Греция

Афинская национальная обсерватория, Афины, Греция

Ключевые слова

двойное назначение
искусственный интеллект
космическая безопасность
космический мусор
космическое оружие
космическое право
милитаризация космоса
ответственность
право
цифровые технологии

Аннотация

Цель: предложить эффективный правовой механизм регулирования использования искусственного интеллекта в космической сфере с фокусом на предотвращение вредных последствий и сохранение мирного и полезного применения технологий.

Методы: в исследовании использованы метод сравнительно-правового анализа, доктринальная юридическая аргументация и сценарный анализ рисков эскалации; проведен нормативно-исторический анализ основных договоров международного космического права и практик государств, а также сопоставление с подходами международного экологического права, ориентированными на достижение конкретных результатов. Автор дополнительно опирается на анализ прецедентных документов и публичных политических инициатив, иллюстрирующих реальные практики милитаризации и коммерциализации космической инфраструктуры.

Результаты: исследование демонстрирует, что существующие международные договорные механизмы не обеспечивают достаточной регламентации для систем искусственного интеллекта двойного назначения: выявлены пробелы в определениях, кодификации ответственности и механизмах контроля автономных действий. Предложен альтернативный нормативный подход, ориентированный не на регламентацию самой технологии, а на запрет конкретных вредных результатов (образование орбитального мусора, неконтролируемые автономные атаки, подавление сигналов и т. п.). На основе этой логики разработана концепция международного соглашения с обязательным приложением, перечисляющим запрещенные виды использования искусственного интеллекта, и механизмами привлечения государств к ответственности.

Научная новизна: формализован и обоснован с правовой точки зрения результат-ориентированный подход к регулированию искусственного интеллекта в космосе, адаптирующий модель запретов к современным угрозам двойного назначения; предложена типология запрещенных последствий и связка таких запретов с существующими институтами международной ответственности.

© Коскина А., 2026

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Практическая значимость: предложение служит основой для разработки международного договора или надстройки к международному космическому праву, предоставляет инструмент для национального лицензирования и контроля, облегчает согласование позиций государств и частных операторов и направлено на сохранение инноваций при минимизации рисков для устойчивости космической деятельности.

Для цитирования

Коскина, А. (2026). Искусственный интеллект и международное космическое право: вызовы двойного назначения. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 98–124. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.5>

Содержание

Введение

1. Защита активов или инструмент ведения войны? Экстремальный потенциал систем искусственного интеллекта двойного назначения в космосе
2. Инновации, опережающие регулирование: роль искусственного интеллекта в расширении пробелов в области международного космического права
3. Риски эскалации в космосе и изучение необходимости разработки правил использования искусственного интеллекта
4. Новый подход к регулированию искусственного интеллекта в космосе: эффективность и устойчивость

Заключение

Список литературы

Введение

Космическое пространство играет все более важную роль в обеспечении экономических и стратегических интересов государств, выполняя как коммерческие, так и защитные функции. Как подчеркивается в работе Punnala с соавторами (2024), в настоящее время оно формирует «незаменимую основу нашей глобальной инфраструктуры», поскольку обеспечивает критически важные приложения – от национальной безопасности до гражданских нужд. Например, дистанционное зондирование изменило такие области, как сельское хозяйство, борьба со стихийными бедствиями и связь, что демонстрирует постоянно растущее значение космоса в современном обществе (Salin, 1992).

Это обстоятельство имеет два важных последствия для настоящего исследования. Во-первых, оно вызвало рост интереса к космической деятельности; в нее вовлекается все больше участников, мотивированных растущим экономическим потенциалом сектора. В результате появляется все больше организаций, занимающихся космической деятельностью, и они инвестируют все больше средств в инновации, направленные на повышение безопасности, эффективности и экономической выгоды. При этом данная область сохраняет значительный потенциал для дополнительных инноваций и оптимизации (Aglietti, 2020; Enholm, 2024). В то же время

улучшаются условия для ведения космической деятельности, особенно благодаря технологиям искусственного интеллекта (далее – ИИ), которые играют ключевую роль в привлечении дальнейших инвестиций в космос, оптимизации и расширении доступности космических операций. В этом смысле, как следствие вышеизложенного, космическая инфраструктура становится стратегически необходимой, но в то же время все более важной и дорогостоящей, требуя надежной защиты. Также возник широкий спектр рисков – от орбитального мусора и случайных столкновений до потенциальных угроз, создаваемых действиями враждебных субъектов в контексте усиления геополитической конкуренции в новой космической гонке.

Таким образом, вторым (и даже более важным) следствием указанного обстоятельства является ускоряющаяся милитаризация космоса¹, вызванная геополитической напряженностью на земле и в небе, включая конкуренцию за ресурсы астероидов и потенциальные права на добычу полезных ископаемых, а также стратегической необходимостью государств утвердить свое господство и защитить свои значительные инвестиции в космическую инфраструктуру. Это явление следует отличать от «вооружения космоса» (space weaponization)², которое для целей настоящего исследования определяется как «размещение орбитальных или суборбитальных спутников для атаки вражеских спутников, использование наземных ракет с прямым выводением на орбиту для стрельбы по космическим кораблям и др.»³. Однако, несмотря на продолжающиеся дебаты о разграничении понятий милитаризации и вооружения космоса⁴, эта тенденция стала серьезной проблемой в международных дискуссиях. Она особенно актуальна с учетом возможности использовать в военных целях новые технологии, включая искусственный интеллект⁵: например, разведывательные спутниковые системы, космическая инфраструктура, которая используется для поддержки наземных конфликтов, космические объекты двойного назначения и т. д. (отмечается, что многие из них создают проблемы даже с их регистрацией в рамках существующих систем управления космосом (Berrang, 2025)). Таким образом, по сути, указанное обстоятельство поднимает важнейшие вопросы о будущем космической безопасности, необходимости обеспечения защиты космической инфраструктуры и, наконец, адекватности существующих режимов регулирования.

Действительно, несмотря на свою применимость в настоящее время, основополагающие соглашения в космической области – в первую очередь Договор по космосу, который считается краеугольным камнем международного космического

¹ «Системы космического базирования, которые оказывают существенную поддержку военным, обычно называют милитаризацией космоса. Такая поддержка включает в себя разведку, наблюдение, картографирование, топографирование, связь, навигацию, предупреждение о ракетных атаках и данные об окружающей среде. Это размещение военных технологий в космическом пространстве <...>. Милитаризация космоса – более широкий термин, чем размещение оружия в космосе. Милитаризация космоса не обязательно влечет за собой его вооружение» (Sheer & Shouping, 2019).

² «В настоящее время в космосе нет оружия. В космосе или на земле (в воздухе, на море или на земле) не размещается оружие, предназначенное для поражения космических объектов, таких как спутники; спутниковое оружие также не применяется против наземных целей» (Saperstein, 2002).

³ Rajan, V. (2024, April 19). Space weaponization: All you need to know about. ClearIAS. <https://clck.ru/3RhJXK>

⁴ См., в частности, Whitehead, R. (2025, February 27). How the modern space race is shaping and shaped by AI. IOAGlobal. <https://clck.ru/3RhJiP>

⁵ Там же.

права (далее – МКП) – были сформулированы в 1960–1970-х гг. Поэтому в настоящее время они рассматриваются как недостаточные для решения сложных задач современной космической деятельности. Фундаментальный аспект этого несоответствия проистекает из того факта, что важнейшие концепции, такие как определение «космического объекта», так и не были окончательно разработаны. Эта недостаточная точность привела к тому, что МКП не смогло (и, возможно, было не готово) соответствовать быстрому технологическому прогрессу, опираясь на устаревшие определения. В результате существующая структура МКП дополнялась на различных этапах с помощью инициатив снизу. Например, для регулирования проблемы космического мусора, которая не рассматривалась в вышеупомянутых договорах, в настоящее время используются документы, принятые в рамках этой конкретной процедуры (см., например, Руководящие принципы Межведомственного координационного комитета по проблеме космического мусора (Inter-Agency Space Debris Coordination Committee, IADC)⁶). Тем не менее актуальность этих правовых пробелов в настоящее время еще более повышается. Этому способствует растущее значение космоса в связи с двумя вышеупомянутыми событиями: расширением использования новых технологий, в частности, искусственного интеллекта, для космических операций (для которых существующие правовые рамки не содержат четких указаний) и растущей милитаризацией космоса, которая создает новые риски как для наземной, так и для орбитальной инфраструктуры, чего не могли предвидеть первоначальные разработчики договора.

Таким образом, если принять во внимание нынешнее состояние космической деятельности, и в частности, ее растущее стратегическое значение и милитаризацию, возникает важный вопрос: как следует регулировать важнейшие космические технологии, учитывая, что от них в значительной степени зависит как экономическая, так и оборонная деятельность в космосе? Хотя эта задача стоит уже давно, ее актуальность и важность возросли с появлением искусственного интеллекта⁷ как технологии двойного назначения, способной оптимизировать операции до беспрецедентного уровня. Такие достижения научно-технического прогресса могут привести к экспоненциальному росту последствий, как положительных, так и отрицательных. Однако основополагающие международные договоры, принятые в 1960–70-х гг., не смогли создать эффективные нормы для управления этими системами. Сегодня необходимость регулирования высокоэффективных систем двойного назначения стала еще более острой из-за роста и геополитической напряженности, и зависимости человечества от космической инфраструктуры.

Далее мы подробно проанализируем возможности систем ИИ двойного назначения, а также их преобразующий потенциал как для наступательных, так и для оборонительных операций. В разделе 2 представлен критический анализ нормативных пробелов в существующем международном космическом праве с особым акцентом

⁶ Inter-Agency Space Debris Coordination Committee. (2025). IADC space debris mitigation guidelines (U.N. Doc. A/AC.105/C.1/2025/CRP.9). United Nations Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, Scientific and Technical Subcommittee. <https://clck.ru/3RhJte>

⁷ International Institute of Space Law. (2024). Balancing innovation and responsibility: International recommendations for AI regulation in space (Report of the Working Group on Legal Aspects of AI in Space). International Institute of Space Law. <https://clck.ru/3RhJyK>

на ограничения Договора по космосу в отношении новых технологических реалий. Затем в разделе 3 дается оценка рисков, связанных с развертыванием искусственного интеллекта в космосе во время потенциальных космических конфликтов, и проанализированы пути эскалации этих рисков. Исходя из этого, в разделе 4 предложен новый подход к регулированию, направленный на снижение рисков, связанных с таким использованием ИИ, которое может поставить под угрозу космическую безопасность и устойчивость. В заключении сформулированы основные выводы исследования.

1. Защита активов или инструмент ведения войны?

Экстремальный потенциал систем искусственного интеллекта двойного назначения в космосе

С самого начала космос использовался в военных целях, например, для разведывательных операций (Muszyński-Sulima, 2023). Так, во время холодной войны США и СССР запустили сотни спутников, многие из которых имели скрытые возможности для сбора разведывательной информации. Однако в то же время космические технологии вышли за рамки чисто военного применения и стали незаменимыми и для гражданских целей. Действительно, как отмечают Bescheron & Gasnier (2024), соперничество времен холодной войны ускорило развитие ракетных и спутниковых технологий, что привело также к другим важным инновациям двойного назначения; например, была создана Система глобального позиционирования (GPS) – военный актив, который вскоре стал использоваться в гражданских целях. В течение всех последующих лет космос сохранял свою военно-стратегическую ценность; государства признали (в частности, благодаря неоднократным дебатам по резолюции о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве на Генеральной Ассамблее ООН) важность существующих военных применений, а также общее стремление предотвратить дальнейшее вооружение космоса⁸.

В последние десятилетия степень милитаризации космоса резко возросла. Фактически продолжается «новая космическая гонка вооружений» между крупнейшими космическими державами, которая охватывает все сферы экономики, окружающей среды, коммуникаций и науки, приводя ко все большему количеству военных последствий (Bescheron & Gasnier, 2024). В качестве примера можно привести тот факт, что космическая инфраструктура все чаще используется в контексте конфликтов на Земле, как это было во время войны в Персидском заливе в 1990 г. (когда космические средства были задействованы в беспрецедентных масштабах), и в еще большей степени во время военного конфликта на Украине (Berrang, 2025). Однако наибольшую тревогу вызывает то, что темпы милитаризации продолжают ускоряться. Так, важным событием стало недавнее объявление администрацией Трампа о проекте «Золотой купол»⁹, который представляет собой систему противоракетной обороны стоимостью 175 млрд долл., включающую в себя ракеты-перехватчики

⁸ Acheson, R., & Fihn, B. (n.d.). Outer space: Militarization, weaponization, and the prevention of an arms race. Reaching Critical Will, Women's International League for Peace and Freedom. <https://clck.ru/3RheH5>

⁹ U.S. Department of Defense. (2025, May 20). Secretary of Defense Pete Hegseth statement on Golden Dome for America [Press release]. <https://clck.ru/3RhKTE>

наземного, а также космического базирования¹⁰. Такие события подчеркивают важность космоса (и космической инфраструктуры в том числе) для военных операций и поднимают вопросы о контроле над вооружениями, а также, что еще более важно, о защите космической инфраструктуры и устойчивом использовании космоса и его ресурсов.

На самом деле одним из наиболее поразительных достижений в этой области является стремительно ускоряющееся развертывание оборонительных систем космического базирования. Следовательно, как подчеркивает Фонд «Безопасный мир»¹¹, «существование средств противокосмической обороны не ново, *новы сопутствующие обстоятельства*»¹²: в настоящее время существует больше, чем когда-либо, стимулов для разработки (и потенциального применения) наступательного противокосмического оружия, что может негативно сказаться на мировой экономике из-за нашей растущей зависимости от космической инфраструктуры¹³. В этой ситуации приобретает особое значение преобразующая роль искусственного интеллекта. ИИ значительно повышает эффективность инвестиций в космическую оборону. Например, по данным научной литературы, китайские исследователи уже провели моделирование атак на спутники с использованием искусственного интеллекта, чтобы оценить возможности их разрушения. Несомненно, реализация аналогичных проектов происходит (или скоро начнется) и в других странах, а значит, искусственный интеллект революционизирует космическую военную сферу. Уже сейчас говорят о новой реальности, которая характеризуется как потенциально прокладывающая путь к гипервойне («Искусственный интеллект и форма ведения войны, которую он обеспечивает, – гипервойна – коренным образом меняют военную стратегию и операции. Его влияние распространяется на множество областей – от повышения ситуационной осведомленности и усиления органов чувств до упреждающего техобслуживания и автономного принятия решений»)¹⁴. В то же время это позволяет создать цикл наращивания: по мере того, как космические системы становятся все более сложными и дорогими, пропорционально возрастает и потребность в их защите. Действительно, учитывая критическую зависимость мировой экономики от космической инфраструктуры, государства и частные организации вынуждены выделять все больше ресурсов на обеспечение безопасности космических объектов и устойчивости космической деятельности.

На фоне этих разработок технологии искусственного интеллекта стали одновременно и самым многообещающим решением, и самой серьезной проблемой в области космической безопасности – парадокс, который отражает двойственную природу большинства космических технологий как таковых. С одной стороны, системы искусственного интеллекта доказывают свою исключительную эффективность для

¹⁰ Brennan, D., & Yiu, K. (2025, May 21). Trump's 'Golden Dome' risks weaponization of space, China says. ABC News. <https://clck.ru/3RhKXx>

¹¹ Secure World Foundation. (2025, April). Global counterspace capabilities: An open source assessment [Report]. Secure World Foundation. <https://clck.ru/3RhKx2>

¹² Курсив автора статьи.

¹³ Там же.

¹⁴ Husain, A. (2024, August 19). The military applications of artificial intelligence in space. Forbes. <https://clck.ru/3RhLGq>

определения космической обстановки (Space Situational Awareness, SSA), например, для картографирования орбитального мусора (Vansia, 2024) или для прогнозирования и предотвращения потенциальных столкновений¹⁵. С другой – те же возможности искусственного интеллекта могут быть использованы и в наступательных целях, включая идентификацию спутников противника и наведение на цель¹⁶. Следовательно, эта двойственность указывает на фундаментальную дилемму безопасности в космической сфере (Shmigol, 2022), поскольку присущая системам двойного назначения двойственность создает критическую неопределенность в космических операциях: гражданские спутники связи можно перепрофилировать для военной разведки; научные зонды могут нести элементы вооружения; на якобы коммерческих космических станциях вполне могут размещаться стратегические объекты. Фактически недавние конфликты продемонстрировали, как номинально гражданская космическая инфраструктура может быть быстро превращена в оружие (Berrang, 2025), хотя некоторые системы или космические объекты, используемые в военных целях, намеренно не регистрируются как таковые с самого начала (Muszyński-Sulima, 2023).

Другими словами, различие между технологиями военного и гражданского назначения, используемыми в космическом пространстве, по своей сути неоднозначно¹⁷. Однако искусственный интеллект усугубляет эту неопределенность; на самом деле его эффективность полностью зависит от применения, поскольку он вполне может быть использован как для проведения оборонительных операций, так и для создания наступательных возможностей (Shmigol, 2022; Bernat, 2019). Важно отметить, что в настоящее время эта проблема усугубляется растущим числом небольших спутников (которые демократизируют доступ к космосу), поскольку их можно легко использовать в качестве оружия (Shmigol, 2022; Bernat, 2019). А именно как развивающиеся государства, так и негосударственные субъекты могут развертывать недорогие микроспутники, способные производить кинетические столкновения, электронные помехи или любые другие разрушительные действия. Более того, некоторые государства или организации, действуя вне установленных рамок, также пытаются избежать регистрации таких спутников (Berrang, 2025), что очевидно создает дополнительные уровни стратегического риска. В этом смысле распространение малых спутников снизило стоимость и технические барьеры для создания оружия космического базирования, позволив даже небольшим странам создавать орбитальные угрозы, а искусственный интеллект усугубил эту проблему из-за присущего ему характера технологии двойного назначения.

Таким образом, возникла настоятельная необходимость в эффективном регулировании ИИ в космосе из-за его двойной способности как наносить огромный вред, так

¹⁵ Pultarova, T. (2021, April 29). Artificial intelligence is learning how to dodge space junk in orbit. Space.com. <https://clck.ru/3RhLP9>

¹⁶ См. Husain, выше прим. 14. См. также Easley, M. (2024, June 5). DARPA harnesses AI to keep tabs on space weapons, spy satellites on orbit. DefenseScoop. <https://clck.ru/3RhLRR>

¹⁷ «Любой технологии присуща возможность двойного использования», см. International Institute of Space Law. (2024). Balancing innovation and responsibility: International recommendations for AI regulation in space (Report of the Working Group on Legal Aspects of AI in Space). International Institute of Space Law. <https://clck.ru/3RhLTV>

и защищать. С одной стороны, ИИ может способствовать возникновению или эскалации конфликта на орбите (например, облегчая ведение боевых действий в космосе); с другой – он не менее важен для защиты критически важной космической инфраструктуры и/или для усиления сдерживания, так как обеспечивает при этом быстрое принятие решений на основе данных. По сути, искусственный интеллект развивает космические возможности в двух различных направлениях, а именно он заставляет переосмыслить методы ведения боевых действий и обеспечения безопасности. Тем не менее аспекты ИИ остаются неотрегулированными в рамках международного космического права (далее – МКП). Это требует принятия срочных мер, особенно с учетом основополагающих принципов МКП: в Договоре о космосе постулируется, что космос является областью для «мирных целей», хотя эта фундаментальная концепция по-прежнему не имеет четкого определения. Таким образом, искусственный интеллект бросает вызов традиционным классификациям как космических объектов, так и угроз, создаваемых оружием в космосе (по сути, он не является оружием, но может привести к столь же катастрофическим последствиям, как и применение оружия), поэтому изучение проблем, связанных с его регулированием, является не только своевременным, но и обязательным.

2. Инновации, опережающие регулирование: роль искусственного интеллекта в расширении пробелов в области международного космического права

Как было показано выше, технологии искусственного интеллекта коренным образом меняют космическую деятельность, действуя двумя параллельными и в определенной степени противоречивыми путями. Действительно, ИИ позволяет создавать передовые космические вооружения, такие как автономные противоспутниковые системы и управляемое искусственным интеллектом оружие, что повышает риски конфликтов и их эскалации. Однако ИИ улучшает функции наблюдения и слежения, а также дает возможность принятия решений, предлагая потенциальную защиту от космических угроз. Следовательно, эта критическая двойственность создает важные пробелы в существующей структуре МКП. В результате возникают проблемы в области управления, требующие решения.

Прежде всего необходимо пояснить, что международное космическое право придерживается специфического и в определенной степени ограничительного подхода к пониманию того, что представляют собой технологии, запускаемые и эксплуатируемые в космосе. Всеобъемлющая правовая база, регулирующая деятельность человека в космосе, включает такие основополагающие документы, как Договор по космосу (1967 г.), Соглашение о спасании (1968 г.), Конвенция об ответственности (1972 г.), Конвенция о регистрации (1975 г.) и Соглашение о Луне (1979). Однако в этом контексте никогда не упоминалось конкретное понятие «технология»; речь всегда шла только об объектах, запущенных и работающих в космосе. В то же время данные международные договоры не дают четкого определения «космических объектов»: вместо установления категориальных параметров в них применялся лишь описательный подход (см., например, первые статьи Конвенции об ответственности и Конвенции о регистрации); объекты описывались с помощью многочисленных характеристик, при этом их функции менялись в различных соглашениях.

Таким образом, все космические объекты рассматриваются как созданные человеком материальные активы. При этом МКП неоднократно упоминает физические,

созданные человеком конструкции, запущенные или действующие в космическом пространстве. Так, в ст. VII и VIII Договора о космосе под «объектами», запускаемыми в космос, подразумеваются искусственные, сконструированные объекты. Конвенция об ответственности и Конвенция о регистрации (статья I) упоминают «составные части» и «ракеты-носители», подтверждая их материальный характер. Соглашение о Луне (статья 1, пункты 8, 11, 12) говорит о «космических аппаратах, оборудовании, установках, станциях и агрегатах», подтверждая, что космические объекты являются материальными активами. Однако международные договоры в рамках МКП не ограничивают квалификацию космических объектов, исходя из их размера, массы или сложности. Например, Конвенция о регистрации (ст. I и IV) требует представления информации о «космических объектах» в целом, независимо от их размеров, а Договор о космосе (статья VII) возлагает на государства ответственность за ущерб, причиненный «таким объектом или его составными частями», независимо от размера или каких-либо иных характеристик. В то же время прямо оговаривается, что космические объекты не обязательно должны являться едиными, неделимыми структурами, но могут состоять из (нескольких) компонентов, например, конструкций, которые отделяются на орбите или при приземлении (см. первые статьи Конвенции об ответственности и Конвенции о регистрации; ст. VIII Договора о космосе и ст. 13 Соглашения о Луне). Исходя из этого, они могут быть собраны или расширены, то есть образовывать более крупные сооружения, например, на Луне или других небесных телах. На самом деле в документах прямо говорится об установках, станциях или сооружениях технического назначения (см. ст. XII Договора о космосе; ст. 9, 11 и 12 Соглашения о Луне; отметим, что в ст. 9 Соглашения о Луне упоминаются конкретно беспилотные станции на Луне, а в ст. 11 – сооружения, связанные с ее недрами, что потенциально может включать будущие сооружения на Луне). Следовательно, созданные человеком объекты, отправляемые в космос, могут быть как (i) способны к движению – орбитальному или неорбитальному (то есть за пределами околоземной орбиты, см. ст. II Конвенции о регистрации); при этом ст. IV Конвенции о регистрации требует сообщать параметры орбиты (период обращения, наклонение, апогей, перигей) для подтверждения того, что космические объекты имеют скорость и траекторию; так и (ii) размещены стационарно (например, в ст. 8 Соглашения о Луне упоминаются «объекты, станции и сооружения», которые могут находиться в любом месте на поверхности). Наконец, космические объекты могут нести опасные грузы, если они содержат опасные или радиоактивные материалы (об этом особо упоминается в ст. 7 Соглашения о Луне), или причинить ущерб. Таким образом, было четко установлено, что космические объекты остаются под законной юрисдикцией запустившего их государства независимо от их местонахождения (ст. VII и VIII Договора о космосе; ст. 12 Соглашения о Луне).

Наконец, если МКП сводит все космические конструкции, созданные человеком, к «космическим объектам» (во всех материальных формах, как уже говорилось), то упускается из виду растущая ценность технологий и данных в современной космической деятельности. В то же время такой подход создал явный нормативный пробел в отношении управления ИИ в космосе. Как бы то ни было, следует попытаться разработать согласованное на международном уровне определение ИИ, чтобы принять правила его использования в космосе, но сначала договориться о том, вписывается ли оно в устоявшийся подход к понятию космических объектов или следует принять новый термин. Это потребует переосмысления всех основополагающих концепций

международного космического права, поскольку существующие договоры в этой сфере основаны на традиционной системе, регулирующей физические конструкции, созданные человеком.

Фактически жесткое и ограниченное определение понятия «космический объект» ясно показывает, что международные договоры в области космического права, разработанные в более раннюю технологическую эпоху, по сути, плохо приспособлены для регулирования (современной) космической деятельности; действительно, деятельность в космосе основана на технологиях, которые постоянно развиваются, и в настоящее время они коренным образом отличаются от систем, для которых первоначально разрабатывались эти международные договоры. В результате МКП сталкивается с серьезными проблемами максимально эффективного регулирования современных технологий (не говоря уже о нерешенном первоначальном вопросе о том, следует ли вообще классифицировать искусственный интеллект как космический объект¹⁸). Приведем пример из несколько иного контекста: современные космические системы, такие как орбитальные мегагруппировки спутников, создают серьезные трудности в применении МКП (Byers & Boley, 2023; Abbas, 2025). Эти проблемы еще более усугубляются распространением малых спутников, особенно тех, которые находятся в частной собственности, что приводит к ряду нерешенных юридических и эксплуатационных противоречий¹⁹ (Hertzfeld, 2021). В этом смысле важнейшие аспекты управления космосом, включая регистрацию и ответственность, остаются недостаточно проработанными. Между тем наиболее серьезные сложности для МКП, по-видимому, связаны с растущей интеграцией искусственного интеллекта в космическую деятельность, что привносит как новое оперативное измерение, так и беспрецедентные этические дилеммы в управление космическими технологиями.

Как отмечают исследователи, искусственный интеллект обладает очень важными характеристиками. Следовательно, для обеспечения соответствия МКП потребуется особая система авторизации через национальное лицензирование и последовательный государственный надзор. В частности, государства должны гарантировать постоянную безопасность космических аппаратов, оснащенных искусственным интеллектом, для защиты систем автоматизации, навигации и связи от взлома или создания рисков (Martin & Freeland, 2021). Эта проблема еще более усложняется из-за двух важнейших факторов. Во-первых, способность ИИ самостоятельно принимать решения вносит неопределенность, особенно в случае отсутствия ясности в отношении того, какую степень автономии операторы делегируют системам ИИ и будут ли они предоставлять полную информацию об этой автономии (особенно если принять во внимание, что частные операторы уже пытались обойти правила МКП, как в инциденте с тихоходками) (Gundersen, 2021). Однако еще более важным фактором является двойное назначение искусственного интеллекта, поскольку оно также вызывает опасения по поводу безопасности и прозрачности, особенно для спутников военного или двойного назначения во все более милитаризованной космической сфере. Следовательно,

¹⁸ International Institute of Space Law. (2024). Balancing innovation and responsibility: International recommendations for AI regulation in space (Report of the Working Group on Legal Aspects of AI in Space). P. 239. <https://clck.ru/3RhLTV>

¹⁹ Palkovitz Menashy, N. (2019). Regulating a revolution: Small satellites and the law of outer space [Master's thesis, Leiden University]. Leiden University Scholarly Publications. <https://clck.ru/3Rhe7c>

ключевой вопрос – насколько легко система искусственного интеллекта в космосе может перейти от гражданских операций к военным, переключившись с оборонительных функций на наступательные. На самом деле эта проблема еще более осложняется аспектами обеспечения корректной работы ИИ в редких ситуациях или в ситуациях повышенной опасности, таких как космический конфликт, когда сбор данных и алгоритмическое обучение сталкиваются с серьезными ограничениями (Koskina, 2023).

Исходя из вышеизложенного, представляется, что существующие нормативные пробелы в действующей системе МКП будут усугубляться за счет уникальных особенностей искусственного интеллекта. При этом следует учесть, что другие правовые нормы, такие как международное гуманитарное право или Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR), касаются только специфических аспектов искусственного интеллекта, приводя к фрагментарному подходу²⁰. В результате, хотя статья VI Договора о космосе устанавливает ответственность государства за космическую деятельность, МКП не разъясняет (и даже не содержит руководящих принципов на этот счет) ответственность за системы искусственного интеллекта даже в простых случаях. Более сложные сценарии (например, спутник с поддержкой искусственного интеллекта, управляемый одним государством, но зависящий от технологий и инфраструктуры, то есть от множества других государств) показывают, насколько неадекватными стали традиционные режимы ответственности²¹. Кроме того, искусственный интеллект вводит новую категорию космических технологий, которые не подпадают под обычные классификации вооружения или систем двойного назначения, что поднимает вопрос о необходимости новых нормативных категорий²². Эти проблемы усугубляются тем, что государства заявляют о своих суверенных правах на свои космические активы в соответствии со ст. VIII Договора о космосе. Например, США объявили свои космические системы «суверенной собственностью с правом прохода и операций в космосе без какого-либо вмешательства»²³. Другими словами, ускоряющееся развитие технологии искусственного интеллекта (и ее растущее использование в космическом пространстве) в сочетании с отсутствием конкретных правил МКП поднимает важные вопросы, которые уже не относятся к проблеме адекватности действующих правил. Это заставляет нас существенно пересмотреть вопрос о том, требуют ли теперь космические операции совершенно нового подхода к регулированию, который должным образом учитывал бы присущий им характер двойного назначения и даже в некоторых случаях способность ИИ функционировать автономно без контроля человека. Однако, чтобы определить, насколько срочно эта проблема требует внимания, мы должны также изучить риск эскалации в космосе, который может повлиять на принятие решений об использовании ИИ – будь то в качестве оружия или оборонительного инструмента.

²⁰ International Institute of Space Law. (2024). Balancing innovation and responsibility: International recommendations for AI regulation in space (Report of the Working Group on Legal Aspects of AI in Space). P. 239. <https://clck.ru/3RhLTV>

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Berkowitz, M. (2024, December 16). Countering threats to US commercial space systems. The Space Review. <https://clck.ru/3RhLkm>

3. Риски эскалации в космосе и изучение необходимости разработки правил использования искусственного интеллекта

Создание проекта правовой базы для регулирования вооруженных конфликтов в космосе требует, прежде всего, анализа вероятных сценариев потенциального возникновения военных действий в космосе, поскольку решающее значение имеет понимание срочности таких мер регулирования. Аналитики все чаще утверждают, что космическая война в настоящее время стала реальной угрозой, учитывая растущую зависимость государств от космической инфраструктуры (а именно для связи, навигации, национальной безопасности) в сочетании со стратегическим императивом защищать активы, одновременно ограничивая доступ противников. Все это может привести к конфликтам, в которых будут задействованы как существующие системы вооружений, так и новые технологии искусственного интеллекта²⁴. В то же время, хотя напряженность действительно может подтолкнуть государства к конфликту, катастрофические последствия предполагают, что он может так и не осуществиться.

Исходя из этих теоретических предпосылок, первый потенциальный сценарий является самым оптимистичным – крупномасштабная космическая война никогда не произойдет из-за связанных с ней рисков²⁵. В частности, Penent²⁶ утверждает, что критические последствия конфликта в космическом пространстве (в первую очередь образование орбитального мусора и взаимная уязвимость, создаваемая глобальной зависимостью от космической инфраструктуры) служат мощным сдерживающим фактором против открытых военных действий. Эти соображения подталкивают государства к стратегической сдержанности. В этом случае вместо явной разработки космического оружия крупные космические державы будут придерживаться политики «недовооружения» и неоднозначной тактики, например, проводить кибероперации. Это позволит им преследовать стратегические цели, не переходя грань прямого конфликта. Можно отметить, что на практике некоторые государства уже воплотили этот подход в конкретные усилия по предотвращению размещения оружия в космосе. Среди них, например, совместный китайско-российский проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, представленный на Конференции по разоружению в 2008 г. и пересмотренный в 2014 г.²⁷; политические заявления ряда государств, в которых упоминается, что они не будут первыми размещать оружие в космосе²⁸; или российская инициатива о неразмещении первыми оружия в космосе (No First Placement, NFP), которая получила поддержку тридцати стран (Shmigol, 2022). Кульминацией всех этих инициатив стало принятие в декабре 2023 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/78/21, которая официально

²⁴ Weichert, B. J. (2024, December 9). There will be a war in space. This is what it will look like. Popular Mechanics. <https://clck.ru/3RhLuW>

²⁵ Penent, G. (2021, June). The space war will not happen. Vortex: Studies on Air and Space Power, 1, 8. French Air and Space Force, Centre for Strategic Aerospace Studies (CESA). <https://clck.ru/3RhLxH>

²⁶ Там же.

²⁷ Conference on Disarmament. (2014, June 12). Letter dated 10 June 2014 from the Permanent Representatives of the Russian Federation and China transmitting the updated draft treaty on prevention of the placement of weapons in outer space (PPWT) (CD/1985). United Nations. <https://clck.ru/3RhLyb>

²⁸ United Nations General Assembly. (2023). No first placement of weapons in outer space (Resolution A/RES/78/21). <https://clck.ru/3RhM2n>

включила подпункт «О неразмещении оружия в космическом пространстве первыми» в официальную повестку дня ООН²⁹. Итак, этот первый сценарий, при котором космическая война не произойдет, устранил бы необходимость в специальных правилах использования искусственного интеллекта в контексте военных действий в космосе; однако неопределенность, присущая будущему развитию событий, требует параллельного изучения альтернативных сценариев.

Противоположный потенциальный сценарий заключается в том, что государства будут активно разворачивать и/или использовать оружие, включая системы искусственного интеллекта, для ведения войны в космосе в качестве продолжения наземной войны. Такой сценарий остается вероятным, учитывая нынешнюю глобальную напряженность (такой космический конфликт будет отражать геополитическое соперничество на Земле³⁰), а также стратегическую и финансовую ценность космической инфраструктуры. В этом случае, вероятно, лишь немногие государства будут категорически избегать враждебных действий на орбите, особенно в условиях расширения военного применения ИИ. С практической точки зрения аналитики уже отмечают растущую зависимость от космических систем (как государственных, так и коммерческих) для ведения наземных боевых действий, что стирает традиционные границы между гражданской и военной сферами (Berrang, 2025). Примером этой тенденции могут служить США, которые недавно объявили свои космические системы «суверенной собственностью» с правами на беспрепятственную эксплуатацию³¹, при этом откровенно интегрируя коммерческие активы в сферу национальной безопасности для повышения ее устойчивости (Berrang, 2025). Важно отметить, что указанная тенденция была институционализована благодаря созданию ряда программ (например, программы 2019 г. «Космические силы США»). Кроме того, Организация Североатлантического договора (НАТО) признала космос в качестве области ведения боевых действий (Peperkamp, 2020), а другие ключевые космические державы последовали ее примеру^{32, 33}, что отражает более широкую нормализацию космоса как театра военных действий. В результате стирается грань между коммерческой и военной инфраструктурой. Следовательно, если государства будут все активнее использовать космические возможности частного сектора – от спутниковой связи до наблюдения за Землей – в оборонных целях (чтобы включить «коммерческий космический сектор в архитектуру национальной безопасности»³⁴), то технологии искусственного интеллекта космического базирования, скорее всего, будут использоваться для поддержки наземных боевых действий (наведение на цель, наблюдение), а также

²⁹ United Nations General Assembly. (2023). No first placement of weapons in outer space (Resolution A/RES/78/21). <https://clck.ru/3RhM2n>

³⁰ Penent, G. (2021, June). The space war will not happen. Vortex: Studies on Air and Space Power, 1, 8. French Air and Space Force, Centre for Strategic Aerospace Studies (CESA). <https://clck.ru/3RhM6m>

³¹ Berkowitz, M. (2024, December 16). Countering threats to US commercial space systems. The Space Review. <https://clck.ru/3RhM7y>

³² Harvey, B. (2022). Military space - how worried should we be? ROOM: The Space Journal of Asgardia, 1(31). <https://clck.ru/3RheCh>

³³ См. также China Military Online. (2024, April 19). Chinese PLA embraces a new system of services and arms: Defense spokesperson [Press release]. <https://goo.su/Bia2>

³⁴ Richard, T. (2025, January 6). Year ahead – U.S. Department of Defense and Space Force commercial space strategies. Lieber Institute, West Point. <https://clck.ru/3RhMTB>

и непосредственно сражений на орбите. Следовательно, в этом сценарии жесткие правила, регулирующие использование систем искусственного интеллекта в космосе в военных целях, становятся обязательными для предотвращения неконтролируемой эскалации. При этом потребовалось бы срочное принятие таких правил, однако текущие реалии показывают, что мы еще не достигли этого критического порога.

Между вышеупомянутыми крайностями – полномасштабным размещением оружия и полной демилитаризацией космоса – лежит более правдоподобный сценарий: государства разрабатывают космическое оружие, используя системы с поддержкой искусственного интеллекта, в основном для сдерживания. Фактически этот подход отражает логику ядерного сдерживания, когда военные возможности предназначены скорее для предотвращения конфликта, а не для его создания. В то время как два крайних сценария, упомянутых выше, остаются маловероятными, этот промежуточный путь уже реализуется. Действительно, факты свидетельствуют о резком росте военно-космических расходов. Например, Erwin утверждает, что «космические бюджеты государств выросли на 10 % по сравнению с 2023 г., в основном за счет инвестиций в оборонный сектор, которые достигли 73 млрд долларов. Это увеличение отражает растущую обеспокоенность по поводу того, что космос является спорной военной областью наряду с традиционными театрами военных действий, такими как воздух, море и киберпространство»³⁵. По сути, эта тенденция во многом создает парадокс, учитывая, что страны конкурируют за военное преимущество на орбите, продолжая при этом гражданское космическое сотрудничество³⁶. Как бы то ни было, ИИ, по-видимому, играет центральную роль в этом контексте. Ученые отмечают, что «информация станет важным оружием в будущих военных действиях и оборонительных операциях. <...> Создаются алгоритмы искусственного интеллекта для мониторинга, прогнозирования и реагирования в случае космических конфликтов на орбите и на Земле»³⁷. Однако в этом конкретном сценарии, хотя риск космической войны реален – особенно на фоне существующей и растущей геополитической напряженности, – его проявления, скорее всего, будут отличаться от традиционных военных действий. В действительности можно утверждать, что государства будут стараться избегать кинетических атак (ракетных ударов по спутникам), поскольку это приведет к образованию катастрофических обломков, ставящих под угрозу все виды космической деятельности. Вместо этого государства, скорее всего, сосредоточатся на некинетических тактических действиях, таких как глушение, подмена или кибератаки; эти инструменты уже используются сегодня (Bescheron & Gasnier, 2024). Тем не менее даже в этом случае критическая проблема останется, учитывая неизвестные последствия, которые могут иметь действия систем искусственного интеллекта. В частности, Swore подчеркивает, что предостережение Эдгара Дж. Кингстона-Макклаури о первых днях становления военно-воздушной мощи («Наверное, никогда в истории войн не существовало подобного состояния невежества в отношении потенциальных возможностей доступного оружия»³⁸) может быть в равной степени применимо

³⁵ Erwin, S. (2025, January 15). Defense spending propels government space budgets to new heights. SpaceNews. <https://clck.ru/3RhMoK>

³⁶ Там же.

³⁷ ProcureAM. (n.d.). 5 ways AI is used in space. Nasdaq. <https://clck.ru/3RhMrs>

³⁸ Там же.

и к космосу сегодня. Следовательно, наиболее вероятным исходом станет продолжение военных инвестиций без прямого конфликта, когда все государства будут развивать искусственный интеллект для доминирования в космосе (например, для наблюдения, защиты инфраструктуры и т. д.), избегая при этом открытого разрушения. В то же время такая терпимость к тактике «серой зоны» (например, к радиоэлектронной войне или ИИ двойного назначения) также создаст прецедент: эти действия могут нормализовать враждебность в космосе, проложив путь к новой эре некинетических, но дестабилизирующих боевых действий.

Следовательно, этот последний сценарий, основы которого уже очевидны, показывает настоятельную необходимость регулирования сферы искусственного интеллекта. Однако, по сути, такая структура должна учитывать фундаментальную проблему, связанную с характером двойного использования, присущим ИИ, учитывая, что недавние конфликты продемонстрировали растущее размывание грани между гражданским и военным использованием космических систем³⁹. Другими словами, необходимо изучить, будет ли более эффективным совершенно новый подход к управлению космическими системами искусственного интеллекта, а именно подход, который позволил бы создать функциональную структуру в достаточно короткие сроки, то есть без необходимости пересматривать основополагающие принципы МКП.

4. Новый подход к регулированию искусственного интеллекта в космосе: эффективность и устойчивость

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что регулирование систем ИИ в космосе должно учитывать три ключевые реальности. Во-первых, ИИ имеет двойное назначение, поскольку гражданские системы могут легко использоваться в военных целях, что стирает различия в регулировании. Во-вторых, тот факт, что государства часто скрывают свою военно-космическую деятельность при преобразовании гражданской инфраструктуры, подрывает усилия по обеспечению прозрачности. В-третьих, страны, способные вести космическую войну, обычно обладают необходимой технологической мощностью и, следовательно, создают почти равноценную динамику в отличие от асимметричных конфликтов на Земле⁴⁰. С определенной точки зрения эта ситуация отражает напряженность времен холодной войны между сверхдержавами, обладающими ядерным оружием, которая привела к заключению в 1967 г. Договора по космосу для предотвращения эскалации. Следовательно, сегодня, когда искусственный интеллект стал новым технологическим вызовом, можно утверждать, что для управления конкуренцией между сопоставимыми по силе космическими соперниками необходимы столь же прочные нормативные рамки. Проблема, однако, состоит в том, чтобы найти правила, которые эффективно учитывали бы применение ИИ двойного назначения и в то же время брали в расчет нежелание государств предоставлять

³⁹ International Institute of Space Law. (2024). Balancing innovation and responsibility: International recommendations for AI regulation in space (Report of the Working Group on Legal Aspects of AI in Space). International Institute of Space Law. <https://clck.ru/3RhN7U>

⁴⁰ Stojanovic, B. (2025, January 20). Astropolitics and the militarisation of space: The new arms race? DiploFoundation. <https://clck.ru/3RhN8z>

информацию о военно-космическом потенциале в контексте, когда крупные игроки обладают одинаковыми средствами для вооружения своей инфраструктуры.

Несмотря на важность этой задачи, международному сообществу до сих пор не удалось создать эффективную и хорошо адаптированную правовую базу; таким усилиям препятствует неспособность государств достичь консенсуса по основополагающим определениям и согласовать ключевые концептуальные параметры, необходимые для формулирования применимых правил. Например, в исследовании Sönnichsen & Lambach (2020) упоминается важнейший вопрос: должно ли понятие «космическое оружие» ограничиваться системами, предназначенными только для ведения боевых действий на орбите, или же оно может дополнительно охватывать технологии двойного назначения, имеющие наземное военное применение. Эти первоначальные проблемы усугубляются сложностями, присущими регулированию искусственного интеллекта в контексте космоса как такового⁴¹. Следовательно, исходя из вышеизложенного, альтернативный подход к регулированию состоит в том, чтобы сместить акцент на запрещение конкретных вредных последствий использования ИИ в космическом пространстве вместо регулирования использования или программирования систем ИИ. В этом случае система, ориентированная на результаты, позволила бы обойти постоянные споры по поводу определений, а также этические тупики проектов, в то же время снижая риски эскалации конфликта.

В действительности, такой подход уже в некоторой степени реализован в ст. IV Договора о космосе, который предоставляет в этом отношении убедительный прецедент. Так, в указанном положении упоминается, что «государства – участники Договора обязуются *не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты, несущие ядерное оружие или любые другие виды оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом*»⁴². Другими словами, ст. IV руководствуется ключевым принципом, согласно которому определенные действия должны быть категорически запрещены, не требуя наличия каких-либо неэтичных намерений или несоблюдения правил поведения. Важно отметить, что ст. IV прямо запрещает оружие массового уничтожения (далее – ОМУ), но не дает его определения. Этот пробел делает применение данной статьи к системам искусственного интеллекта в космосе особенно проблематичным, учитывая, что технологии искусственного интеллекта появились после заключения Договора. Однако этот явный запрет тем не менее дает ценную модель регулирования, которая с соответствующими поправками вполне может быть адаптирована для регулирования использования искусственного интеллекта в космосе сегодня. Другими словами, правила управления использованием ИИ в космосе могли бы быть направлены на выявление и запрещение явно опасных действий, таких как использование ИИ в военных целях, где риски наиболее высоки. Такой подход, основанный на результатах, может дать важные преимущества, обеспечивая четкие стандарты соответствия, а также позволит избежать затяжных

⁴¹ International Institute of Space Law. (2024). Balancing innovation and responsibility: International recommendations for AI regulation in space (Report of the Working Group on Legal Aspects of AI in Space). International Institute of Space Law. <https://clck.ru/3RhNQg>

⁴² Курсив автора статьи.

теоретических дебатов, подобных тем, которые ведутся по вопросу обеспечения этического использования искусственного интеллекта в космосе.

Для большей точности важно отметить, что этот подход широко используется в контексте международного экологического права, где определение конкретных целей, а не общих правил поведения позволяет целенаправленно запрещать конкретные вредные виды деятельности. Например, в преамбуле Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, недвусмысленно указана его цель: «защитить озоновый слой путем принятия мер предосторожности для справедливого контроля за общими глобальными выбросами веществ, разрушающих озоновый слой, с конечной целью их ликвидации»⁴³. Эта четкая экологическая цель затем воплощается в практические действия с помощью приложения А, где перечислены конкретные химические вещества, подпадающие под регулирующий контроль. Аналогичным образом, в Киотском протоколе к Рамочной конвенции ООН об изменении климата⁴⁴ также четко сформулирована цель достижения «стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере на уровне, который предотвратил бы опасное антропогенное воздействие на климатическую систему» (в его преамбуле прямо упоминается ст. 2 РКИК ООН). После установления этой четкой цели в ст. 3 четко предписывается: «Стороны, включенные в приложение I, должны... обеспечить, чтобы совокупные антропогенные выбросы парниковых газов, перечисленных в приложении А, в эквиваленте двуокиси углерода, не превышали установленных количеств». Эти примеры демонстрируют согласованную схему регулирования: сначала устанавливается конкретная цель (защита окружающей среды), а затем предписываются конкретные меры контроля за точно определенными действиями. С точки зрения политики, такой подход позволяет избежать потенциально противоречивых дебатов, например, по поводу определения ключевых концепций, этического использования технологий и кодексов поведения.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что нормативный подход, который установит в качестве явной цели предотвращение войны в космическом пространстве (то есть с использованием любой технологии), основанный на запрете явных вредных последствий, мог бы более эффективно управлять системами искусственного интеллекта (в космосе). Этот подход позволил бы устранить многие существующие пробелы в Договоре о космосе. Отдельные положения последнего, касающиеся оружия массового уничтожения, плохо соответствуют текущим задачам (Ferreira-Snyman, 2015), особенно с учетом того, что отсутствие согласованного определения космического оружия только усложняет его практическое регулирование⁴⁵, в то время как характер ИИ двойного назначения, как и других космических технологий, создает дополнительные трудности⁴⁶. Важно отметить, что принятие

⁴³ United Nations. (1987). Montreal Protocol on substances that deplete the ozone layer. <https://clck.ru/3RhNUP>

⁴⁴ United Nations. (1998). Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change. <https://clck.ru/3RhNX3>

⁴⁵ Mutschler, M. M. (2010). The danger of an arms race in space. In Keeping space safe: Towards a long-term strategy to arms control in space. Peace Research Institute Frankfurt. <https://clck.ru/3RhiJd>

⁴⁶ International Institute of Space Law. (2024). Balancing innovation and responsibility: International recommendations for AI regulation in space (Report of the Working Group on Legal Aspects of AI in Space). International Institute of Space Law. <https://clck.ru/3RhNpc>

в рамках МКП запрета на конкретные результаты, а не на некие общие правила поведения, также позволило бы модернизировать запрет ст. IV Договора о космосе на ОМУ, включив в него сопоставимые современные угрозы, такие как автономные космические системы вооружения. При этом сохраняется основополагающий принцип данного Договора, согласно которому космическая деятельность должна осуществляться «в интересах поддержания международного мира и безопасности» (ст. III). В частности, такие правила, основанные на результатах, должны устанавливать запрещенные военные применения ИИ в космосе, в то же время явно разрешая его гражданское, а также коммерческое использование. Это различие защитит полезные приложения искусственного интеллекта: обслуживание спутников, борьба с космическим мусором и научные исследования, гарантируя инвестиции в космическую инфраструктуру, в том числе использующую ИИ. Такой подход также позволит избежать непродуктивных дебатов об определениях технологий, сосредоточившись вместо этого на проверяемых угрозах безопасности в космическом пространстве. Кроме того, он способен обеспечить более четкие руководящие принципы соблюдения, чем нынешние предложения по регулированию ИИ с помощью этических принципов или программных требований, согласование которых трудно согласовать и обеспечить их соблюдение. Наконец, введение однозначного запрета на такие результаты использования ИИ, которые могут привести к конфликтам в космосе, проложит путь к более стабильной ситуации с безопасностью космического пространства. В то же время четкое определение разрешенных видов использования искусственного интеллекта будет способствовать развитию инноваций в области мирного использования космоса.

Основываясь на этом подходе, мы предлагаем разработать и принять международный договор, состоящий из двух основных компонентов. Во-первых, в нем должны быть подтверждены основополагающие принципы международного космического права, в частности, те принципы использования космического пространства в мирных целях, которые закреплены в Договоре о космосе. Во-вторых, он должен включать приложение, в котором перечислялись бы запрещенные виды использования ИИ в космосе, например, те, которые представляют угрозу для мирной космической деятельности. Это создаст сбалансированную структуру, позволяющую устранять риски для безопасности, сохраняя при этом полезные приложения ИИ для исследования космоса. Приложение должно охватывать использование ИИ с измеримыми вредными последствиями, например, образованием космического мусора (в соответствии со ст. IX Договора о космосе), а также нематериальные виды использования ИИ (например, для подавления сигнала). Учитывая двойственную природу искусственного интеллекта как потенциального оружия и инструмента для развития исследований, данный договор может потребовать широкого международного участия и консенсуса. Независимо от того, будет ли его принятие инициировано с помощью мягкого права или передовых практик, конечной целью должно быть принятие обязательных правовых норм с четкими последствиями за нарушения. Только так можно действительно предотвратить вредное использование искусственного интеллекта в космосе.

В этом контексте для эффективного регулирования ИИ в космосе при одновременном достижении заявленных целей (предотвращения угроз и обеспечения возможности полезного применения, учитывая присущий ИИ характер двойного назначения) важно установить точную типологию запрещенных действий и результатов.

Эта типология запрещенных последствий может включать, например, образование космического мусора, полное подавление сигналов, работу неконтролируемых систем искусственного интеллекта на орбите или причинение ущерба, не связанное с космическим мусором. Отметим, что необходимо дополнительно запрещать конкретные технологии, способные привести к таким пагубным последствиям, независимо от намерений пользователя, тем самым создавая обязательства в отношении результата, а не намерения. Такой подход одновременно поможет определить недостатки в космической деятельности, не создавая для государств необходимости раскрывать какие-либо конфиденциальные исследования в области искусственного интеллекта, что позволит сохранить конкурентные преимущества и соблюсти требования безопасности. Подход, фокусирующийся на конкретных запретах, снимает существующий правовой парадокс, который заключается в том, что ИИ не входит в категорию вооружений, несмотря на потенциальный катастрофический ущерб. Нарушения этих перечисленных ограничений ИИ должны также автоматически влечь за собой ответственность государств в соответствии с международным космическим правом, поскольку они противоречат ст. VI Договора по космосу и ст. III Конвенции об ответственности (это внесет столь необходимую ясность в указанные положения, но, однако, никоим образом не означает, что ответственность государства будет ограничиваться нарушениями запрещенных действий, перечисленных в этом документе или приложении к нему). В целом, упоминая все запрещенные результаты, а не сосредотачивающийся на технологии искусственного интеллекта как таковой, этот документ позволил бы предотвратить вредные последствия.

Заключение

Растущая милитаризация космоса, которой способствует стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, является одной из самых насущных проблем нашего времени. Существующая международно-правовая база, состоящая в основном из международных договоров, которые были приняты в период 1960–70-х гг., становится все более неадекватной для учета сложных реалий современной космической деятельности. Договоры в рамках международного космического права были прогрессивными на момент их разработки, но уже не могут эффективно регулировать космическую технику с ее неотъемлемым свойством двойного назначения, а также надежно решать новые проблемы, связанные с искусственным интеллектом. Этот пробел в законодательстве вызывает особую тревогу, учитывая, что крупнейшие космические державы уже сейчас вкладывают значительные средства в космические технологии с использованием искусственного интеллекта, а международный консенсус по определениям основных понятий (например, что представляет собой космическое оружие) до сих пор не достигнут.

На самом деле потенциал ИИ в космических операциях исключительно велик; ИИ расширяет возможности космических миссий способами, которые были невозможны во время разработки договоров в рамках МКП. Однако важно отметить, что те же возможности представляют значительный риск при применении в военных целях в космосе. В частности, в отличие от обычных космических систем технологии искусственного интеллекта могут работать с различной степенью автономии, что делает их особенно уязвимыми к непредвиденным сценариям эскалации и потенциально катастрофическим системным сбоям. В то же время специфические особенности

искусственного интеллекта усугубляют эти опасения: например, принцип «черного ящика» при машинном обучении затрудняет прогнозирование или объяснение процесса принятия решений, в то время как уязвимость этих алгоритмов для враждебных манипуляций создает новые возможности для конфликтов. Более того, скорость, с которой искусственный интеллект может обрабатывать информацию и выполнять команды, намного превышающая время реакции человека, опасно сокращает сроки принятия решений во время кризисных ситуаций, что приводит к неопределенности в отношении результатов космических операций в целом.

Таким образом, становится очевидным, что МКП времен холодной войны нуждается в ряде существенных изменений, что связано с использованием космических технологий, усовершенствованных искусственным интеллектом, которые получают все большее распространение. Действительно, в новой космической парадигме, скорее всего, будут доминировать технологически развитые страны, обладающие сопоставимым военным потенциалом, что создает опасные сценарии взаимного уничтожения с потенциально катастрофическими последствиями для населения Земли. Исходя из этого, целесообразно принять подход, ориентированный на результат. Говоря точнее, вместо попыток регулировать создание систем искусственного интеллекта (такой подход быстро устареет, учитывая темпы инноваций), этот новый подход должен сосредоточиться на запрещении четко определенных вредных последствий, например, образования космического мусора, автономных атак на космическую инфраструктуру и т. д. В то же время это позволило бы создать проверяемые стандарты соответствия (такой подход уже используется в инструментах, направленных на предотвращение образования космического мусора (см., например, руководящие принципы Межведомственного координационного комитета по проблеме космического мусора)).

Такой нормативный документ должен включать в себя две основные части (аналогично крупным международным договорам, принятым в контексте международного экологического права, в которых основное внимание уделяется достижению результата, а не усилиям или намерениям государств). Во-первых, в нем должны быть изложены и вновь подтверждены основные принципы действующего МКП с акцентом на обеспечение – в качестве фундаментальной и не подлежащей обсуждению цели – мирного использования космического пространства и ответственности государств за свою деятельность. Во-вторых, следует дополнительно принять обязательное приложение, в котором будут перечислены запрещенные действия, виды использования и/или результаты ИИ, а не пытаться, например, регулировать их создание. Таким образом, сосредоточив внимание на конкретных рисках и неприемлемых результатах деятельности, этот подход позволит избежать споров по поводу определений, а также установить четкие стандарты соответствия. Важно отметить, что это будет способствовать предотвращению конфликтов, так как государства можно будет привлечь к ответственности в соответствии с существующими нормами, поскольку нарушение запретов, направленных на результаты деятельности искусственного интеллекта, фактически представляли бы собой «нарушение» в космическом пространстве. Такая интерпретация проясняет применение ст. VI Договора о космосе, а также ст. III Конвенции об ответственности. Для получения наибольшей отдачи такой инструмент должен быть всеобъемлющим и основываться на участии как традиционных, так и новых субъектов космической деятельности, частных организаций и т. д. В любом случае его эффективность в конечном счете будет зависеть от возможности принудительного исполнения мер, обеспечивающих соблюдение договоренностей, а не

простого участия. Этот целенаправленный, ориентированный на результат подход позволит достичь баланса между юридической ясностью и практическим сдерживанием, устраняя угрозы, возникающие в результате вредного использования ИИ в космосе, но не сдерживая развитие инноваций или использование ИИ для общего блага.

Невозможно переоценить критическую важность регулирования вредного использования искусственного интеллекта в контексте космической деятельности. Несомненно, искусственный интеллект необходим в космической деятельности. В то же время его автономный характер создает беспрецедентные опасности – от непреднамеренной эскалации до постоянных угроз на орбите, особенно когда он используется в контексте военных действий с намерением нанести ущерб. Использование ИИ в космосе может привести к последствиям, не предусмотренным международным космическим правом. Другими словами, без оперативного вмешательства этот юридический пробел может спровоцировать гонку вооружений с использованием искусственного интеллекта, угрожая как глобальной безопасности, так и устойчивости космического пространства. Прагматичная, ориентированная на результат система предлагает реальный путь снижения рисков при одновременном сохранении преимуществ ИИ для мирного исследования и использования космоса и космических ресурсов на благо всего человечества.

Список литературы

- Abbas, S. (2025). Challenges to space activities in the context of mega satellite constellations: A focus on environmental impacts. *Journal of Astronomy and Space Sciences*, 42(1), 1–13. <https://doi.org/10.5140/JASS.2025.42.1.1>
- Aglietti, G. S. (2020). Current challenges and opportunities for space technologies. *Frontiers in Space Technologies*, 1, Article 1. <https://doi.org/10.3389/frspt.2020.00001>
- Bernat, P. (2019). The inevitability of militarization of outer space. *Safety & Defense*, 5(1), 49–54. <https://doi.org/10.37105/sd.43>
- Berrang, S. (2025). Does the dual-use of space objects necessitate a new Geneva Convention? *Case Western Reserve Journal of International Law*, 57(1), 315.
- Bescheron, J., & Gasnier, P. (2024). Space as warfighting domain: from education to an enhanced global space strategy. *PRISM*, 10(4), 82–101..
- Byers, M., & Boley, A. (2023). Mega-constellations and international law. In *Who owns outer space?: International law, astrophysics, and the sustainable development of space* (pp. 77–113). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108597135.004>
- Enholt, M. (2024). The security dilemma and conflict in space: Impossible or inevitable? *Journal of Strategic Security*, 17(4), 48–70. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.17.4.2255>
- Ferreira-Snyman, A. (2015). Selected legal challenges relating to the military use of outer space, with specific reference to Article IV of the Outer Space Treaty. *Potchefstroom Electronic Law Journal*, 18(3), 1–30. <https://doi.org/10.4314/pelj.v18i3.02>
- Gundersen, K. (2021). Beyond the tardigrades affair: Planetary protection, COSPAR, and the future of private space regulation. *New York University Journal of International Law & Politics*, 53(3), 871–917.
- Hertzfeld, H. R. (2021). Unsolved issues of compliance with the registration convention. *Journal of Space Safety Engineering*, 8(3), 238–244. <https://doi.org/10.1016/j.jsse.2021.05.004>
- Koskina, A. (2023). The use of AI weapons in outer space: Regulatory challenges. In A. Kornilakis, G. Nouskalis, V. Pergantis, & T. Tzimas (Eds.), *Artificial intelligence and normative challenges*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-41081-9_13
- Martin, A.-S., & Freeland, S. (2021). The advent of artificial intelligence in space activities: New legal challenges. *Space Policy*, 55(3), Article 101408. <https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2021.101408>
- Muszyński-Sulima, W. (2023). Cold War in space: Reconnaissance satellites and US-Soviet security competition. *European Journal of American Studies*, 18(2). <https://doi.org/10.4000/ejas.20427>
- Peperkamp, L. (2020). An arms race in outer space? *Atlantisch Perspectief*, 44(4), 46–50.

- Punnala, M., Punnala, S., Ojala, A., & Kuusniemi, H. (2024). The space economy: Review of the current status and future prospects. In A. Ojala & W. W. Baber (Eds.), *Space business*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-97-3430-6_2
- Salin, P. A. (1992). Proprietary aspects of commercial remote-sensing imagery. *Northwestern Journal of International Law & Business*, 13(2), 349.
- Saperstein, A. M. (2002). «Weaponization» vs. «Militarization» of space. *APS Physics & Society Newsletter*, 31(2), 5–7.
- Sheer, A., & Shouping, L. (2019). Emergence of the international threat of space weaponization and militarization: Harmonizing international community for safety and security of space. *Frontiers in Management Research*, 3(3), 56–63. <https://dx.doi.org/10.22606/fmr.2019.33003>
- Shmigol, V. (2022). The United States is enabling an outer space arms race: An overview of the current framework and recommendations for abating an outer space arms race. *Seattle University Law Review*, 46, 175.
- Sönnichsen, A., & Lambach, D. (2020). A developing arms race in outer space? De-constructing the dynamics in the field of anti-satellite weapons. *Sicherheit und Frieden / Security and Peace*, 38(1), 5–9. <https://doi.org/10.5771/0175-274X-2020-1-5>
- Vansia, D. A. (2024). Role of AI (Artificial Intelligence) in space debris management. *International Journal of Novel Research and Development*, 2024(35), Article IJNRD2307431.

Сведения об авторе

Анти Коскина – PhD, адъюнкт-профессор публичного международного права и космического права, кафедра политологии, Школа социальных наук, кампус Галлос, Университет Крита; научный сотрудник Афинской национальной обсерватории

Адрес: Греция, 74150, г. Ретимно; Греция, 11810, г. Афины, Лифос Нимфон, а/я 20048

E-mail: a.koskina@noa.gr

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0896-1722>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57222100332>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=0nrJMDUAAAAJ>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.5 / Международно-правовые науки

История статьи

Дата поступления – 9 августа 2025 г.

Дата одобрения после рецензирования – 4 сентября 2025 г.

Дата принятия к опубликованию – 25 марта 2026 г.

Дата онлайн-размещения – 10 апреля 2026 г.

Research article

UDC 34:004:341.229:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/KUZIEI>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.5>

Artificial Intelligence and International Space Law: Dual-Use Challenges

Anthi Koskina

University of Crete, Rethymno, Greece

National Observatory of Athens, Athens, Greece

Keywords

artificial intelligence,
digital technologies,
dual-use,
law,
militarization of space,
responsibility,
space debris,
space law,
space security,
space weapons

Abstract

Objective: to propose an effective legal mechanism for regulating the use of artificial intelligence in the space sector with a focus on preventing harmful effects and preserving the peaceful and purposeful use of technology.

Methods: the research uses the method of comparative legal analysis, doctrinal legal reasoning and scenario analysis of escalation risks. It provides a normative historical analysis of the main treaties of international space law and state practices, comparing them with the approaches of international environmental law focused on achieving specific results. The author additionally relies on the analysis of precedent documents and public policy initiatives illustrating the actual practices of militarization and commercialization of space infrastructure.

Results: the study demonstrates that existing international treaty mechanisms do not provide sufficient regulation for dual-use artificial intelligence systems. It identifies gaps in definitions, codification of responsibility, and control mechanisms for autonomous actions. An alternative regulatory approach is proposed, focused not on regulating the technology per se, but on prohibiting specific harmful results (formation of orbital debris, uncontrolled autonomous attacks, signal suppression, etc.). Based on this logic, the author developed a concept of an international agreement with a mandatory annex listing prohibited uses of artificial intelligence and mechanisms for holding states accountable.

Scientific novelty: a result-oriented approach to regulating artificial intelligence in space was formalized and justified from a legal point of view, adapting the prohibition model to modern dual-use threats. A typology of prohibited consequences was proposed and correlated with the existing international responsibility institutions.

© Koskina A., 2026

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Practical significance: the proposal may serve as the basis for the development of an international treaty or an add-on to international space law. It provides a tool for national licensing and control, facilitates the coordination of positions between states and private operators, and is aimed at preserving innovation while minimizing risks to the sustainability of space activities.

For citation

Koskina, A. (2026). Artificial Intelligence and International Space Law: Dual-Use Challenges. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 98–124. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026>

Reference

- Abbas, S. (2025). Challenges to space activities in the context of mega satellite constellations: A focus on environmental impacts. *Journal of Astronomy and Space Sciences*, 42(1), 1–13. <https://doi.org/10.5140/JASS.2025.42.1.1>
- Aglietti, G. S. (2020). Current challenges and opportunities for space technologies. *Frontiers in Space Technologies*, 1, Article 1. <https://doi.org/10.3389/frspt.2020.00001>
- Bernat, P. (2019). The inevitability of militarization of outer space. *Safety & Defense*, 5(1), 49–54.
- Berrang, S. (2025). Does the dual-use of space objects necessitate a new Geneva Convention? *Case Western Reserve Journal of International Law*, 57(1), 315.
- Bescheron, J., & Gasnier, P. (2024). Space as warfighting domain: from education to an enhanced global space strategy. *PRISM*, 10(4), 82–101.
- Byers, M., & Boley, A. (2023). Mega-constellations and international law. In *Who owns outer space?: International law, astrophysics, and the sustainable development of space* (pp. 77–113). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108597135.004>
- Enhölm, M. (2024). The security dilemma and conflict in space: Impossible or inevitable? *Journal of Strategic Security*, 17(4), 48–70. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.17.4.2255>
- Ferreira-Snyman, A. (2015). Selected legal challenges relating to the military use of outer space, with specific reference to Article IV of the Outer Space Treaty. *Potchefstroom Electronic Law Journal*, 18(3), 1–30. <https://doi.org/10.4314/pelj.v18i3.02>
- Gundersen, K. (2021). Beyond the tardigrades affair: Planetary protection, COSPAR, and the future of private space regulation. *New York University Journal of International Law & Politics*, 53(3), 871–917.
- Hertzfeld, H. R. (2021). Unsolved issues of compliance with the registration convention. *Journal of Space Safety Engineering*, 8(3), 238–244. <https://doi.org/10.1016/j.jsse.2021.05.004>
- Koskina, A. (2023). The use of AI weapons in outer space: Regulatory challenges. In A. Kornilakis, G. Nouskalis, V. Pergantis, & T. Tzimas (Eds.), *Artificial intelligence and normative challenges*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-41081-9_13
- Martin, A.-S., & Freeland, S. (2021). The advent of artificial intelligence in space activities: New legal challenges. *Space Policy*, 55(3), Article 101408. <https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2021.101408>
- Muszyński-Sulima, W. (2023). Cold War in space: Reconnaissance satellites and US-Soviet security competition. *European Journal of American Studies*, 18(2). <https://doi.org/10.4000/ejas.20427>
- Peperkamp, L. (2020). An arms race in outer space? *Atlantisch Perspectief*, 44(4), 46–50.
- Punnala, M., Punnala, S., Ojala, A., & Kuusniemi, H. (2024). The space economy: Review of the current status and future prospects. In A. Ojala & W. W. Baber (Eds.), *Space business*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-97-3430-6_2
- Salin, P. A. (1992). Proprietary aspects of commercial remote-sensing imagery. *Northwestern Journal of International Law & Business*, 13(2), 349.
- Saperstein, A. M. (2002). «Weaponization» vs. «Militarization» of space. *APS Physics & Society Newsletter*, 31(2), 5–7.

- Sheer, A., & Shouping, L. (2019). Emergence of the international threat of space weaponization and militarization: Harmonizing international community for safety and security of space. *Frontiers in Management Research*, 3(3), 56–63. <https://dx.doi.org/10.22606/fmr.2019.33003>
- Shmigol, V. (2022). The United States is enabling an outer space arms race: An overview of the current framework and recommendations for abating an outer space arms race. *Seattle University Law Review*, 46, 175.
- Sönnichsen, A., & Lambach, D. (2020). A developing arms race in outer space? De-constructing the dynamics in the field of anti-satellite weapons. *Sicherheit und Frieden / Security and Peace*, 38(1), 5–9. <https://doi.org/10.5771/0175-274X-2020-1-5>
- Vansia, D. A. (2024). Role of AI (Artificial Intelligence) in space debris management. *International Journal of Novel Research and Development*, 2024(35), Article IJNRD2307431.

Author information

Anthi Koskina – PhD, Adjunct Professor of Public International Law, and Space Law, Department of Political Science, School of Social Sciences, Gallos Campus, University of Crete; Scientific Associate at the National Observatory of Athens

Address: 74150 Rethymno, Greece; Lofos Nymphon, PO Box 20048, 11810, Athens, Greece

E-mail: a.koskina@noa.gr

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0896-1722>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57222100332>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=0nrJMDUAAAAJ>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – August 9, 2025

Date of approval – September 4, 2025

Date of acceptance – March 25, 2026

Date of online placement – April 10, 2026

Научная статья

УДК 34:004:341.3:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/OXRRUZ>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.6>

Конвенция Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения

Ильдар Рустамович Бегишев

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

Ключевые слова

автономная робототехника,
автономная система
вооружения,
безопасность человечества,
значимый человеческий
контроль,
искусственный интеллект,
международная
безопасность,
международное
гуманитарное право,
Организация Объединенных
Наций,
право,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: разработать международный юридически обязывающий инструмент превентивного характера, устанавливающий всеобъемлющий запрет на разработку, производство и применение автономных систем вооружения, функционирующих без значимого человеческого контроля.

Методы: исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем методы сравнительно-правового анализа существующих международных конвенций в сфере разоружения, системного моделирования институционального механизма имплементации, прогнозирования потенциальных угроз международной безопасности, экспертного консенсуса в области международного гуманитарного права, а также концептуального конструирования терминологического аппарата для дифференциации запрещенных автономных и допустимых автоматизированных систем вооружения через призму доктрины значимого человеческого контроля.

Результаты: сформирована архитектура международно-правового регулирования, включающая: юридически строгую дефиницию автономных систем вооружения и концепцию значимого человеческого контроля; систему абсолютных обязательств государств-участников по запрету разработки, производства, приобретения, передачи и применения автономных систем; императивные требования уничтожения существующих систем в восьмимесячный срок; институциональный механизм организации по запрещению автономных систем вооружения; многокомпонентный верификационный режим, охватывающий национальные декларации, плановые и внеплановые инспекции; процедуры международного сотрудничества и технической помощи; механизмы юридической ответственности за нарушения конвенционных обязательств.

© Бегишев И. Р., 2026

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: разработан превентивный режим запрета военных технологий до их массового развертывания, основанный на концептуальном положении о недопустимости делегирования решений о применении смертоносной силы техническим системам, что представляет качественно новый подход в архитектуре международного разоружения. Введена в научно-правовой оборот категория «значимого человеческого контроля», характеризующаяся критериями информационной достаточности, возможности эффективного вмешательства и установления ответственности, что создает нормативную правовую основу для разграничения правомерных и запрещенных систем вооружения в условиях технологической конвергенции искусственного интеллекта и военно-промышленного комплекса.

Практическая значимость: конвенция создает необходимые правовые условия для предотвращения потенциально дестабилизирующей гонки вооружений в сфере автономных систем, минимизации рисков неконтролируемой эскалации вооруженных конфликтов, устранения разрывов в цепи юридической ответственности при применении смертоносной силы, обеспечения соблюдения фундаментальных принципов международного гуманитарного права в условиях технологической трансформации военной сферы. Документ предназначен для использования законодательными органами государств при имплементации национальных мер, дипломатическим корпусом в процессе международных переговоров, международными организациями при формировании стандартов контроля, оборонными ведомствами при разработке систем вооружения, научным сообществом в области юридических и технических исследований.

Для цитирования

Бегишев, И. Р. (2026). Конвенция Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 125–152. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.6>

Содержание

Введение

1. Пояснительная записка к Конвенции Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения
2. Структура Конвенции Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения

Заключение

Список литературы

Введение

В начале XXI в. человечество оказалось перед лицом качественно новых вызовов глобальной безопасности, обусловленных стремительным развитием технологий искусственного интеллекта и робототехники в военной сфере. Как справедливо отмечает Кочетков (2010), изменения в подходах к международной безопасности на современном этапе требуют переосмысления традиционных правовых и этических парадигм. В этой связи представляет особый интерес проблематика автономных систем вооружения, которые, по словам ряда исследователей, способны радикально трансформировать характер вооруженных конфликтов и саму природу войны (Baklanov, 2013; Фролов, 2023). Более того, как отмечается в научной литературе, интеграция искусственного интеллекта в военные технологии создает беспрецедентные риски для стратегической стабильности и системы международного права (Sharikov, 2018; Карасев, 2020).

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что автономные системы вооружения представляют собой качественно новый класс военных технологий, способных самостоятельно выбирать и поражать цели без непосредственного участия человека в принятии решения о применении силы (Scharre, 2022). Исследователи полагают, что данное обстоятельство порождает фундаментальные вопросы совместимости таких систем с базовыми принципами международного гуманитарного права, включая принципы различия, пропорциональности и военной необходимости (Winter, 2022; Ahmed et al., 2026). Как было показано в исследовании Gunawan (2022), применение автономного оружия создает серьезные проблемы для реализации концепции командной ответственности в рамках международного уголовного права, поскольку размывается традиционная цепочка ответственности между оператором, командиром и разработчиком системы. Необходимо подчеркнуть, что вопрос о юридической ответственности за действия автономных систем остается одним из наиболее сложных и нерешенных в современной правовой доктрине (Passinhas, 2018; Baranov, 2020; Miller, 2025).

Анализ материалов свидетельствует о том, что разработка и внедрение боевых роботов различных классов – от беспилотных летательных аппаратов до наземных боевых платформ – приобретают глобальный характер (Yamauchi, 2004; Bhargavi & Manjunath, 2011). Наиболее заметен прогресс в области роевого интеллекта, применяемого в военных дронах, что продемонстрировало их использование в военных конфликтах (King, 2024). Одновременно активно развиваются гуманоидные боевые роботы и автономные платформы для городских боевых операций (Uthai et al., 2026). Весьма показательно, что современные системы военной робототехники интегрируются с технологиями интернета вещей, создавая комплексные сети наблюдения и автоматизированного реагирования (Gopal & Lokesh, 2025; Dhayal et al., 2026). Такие системы находят применение не только в традиционных военных операциях, но и в контртеррористических операциях, о чем свидетельствуют материалы Европола (Liu et al., 2025). Даже в образовательной сфере наблюдается тенденция к внедрению боевых роботов в программы военной подготовки молодежи, что отражает системный характер милитаризации робототехники (Zhao et al., 2023).

В то же время международно-правовая регламентация автономных систем вооружения остается фрагментарной и недостаточной. Как отмечается в работах Арбатова (2019) и Мизина (2023), традиционная система контроля над вооружениями

переживает глубокий кризис и нуждается в адаптации к новым технологическим реалиям. Характерно, что государства демонстрируют различные подходы к вопросу о необходимости запрета или ограничения автономных систем вооружения (Qerimi, 2023). Согласно типологии позиций государств, представленной Qerimi (2023), спектр мнений варьируется от полного запрета до отсутствия каких-либо ограничений на разработку автономного оружия. Индия, как показывают Agarwal и Singh (2020), занимает промежуточную позицию в этой дискуссии, признавая необходимость определенных правовых механизмов при сохранении технологического развития. Следует отметить, что применение автономных систем в украинском конфликте актуализировало вопросы соответствия таких вооружений нормам международного гуманитарного права (Mewoh & Rahmadan, 2025).

Проведенные исследования показали существование значительных технических рисков, связанных с функционированием летальных автономных систем вооружения (Podar & Colijn, 2025). По словам исследователей, эти риски включают непредсказуемость поведения систем искусственного интеллекта в нестандартных ситуациях, уязвимость перед кибератаками и возможность неконтролируемой эскалации конфликтов. В этой связи характерно высказывание Golan (2023) о необходимости перехода от концепции кибербезопасности к концепции киберзащищенности в контексте систем искусственного интеллекта. Существенно то, что интеграция искусственного интеллекта в военную сферу создает новые векторы угроз для стратегической стабильности, поскольку автономные системы могут быть использованы как для конвенциональных, так и для ядерных вооружений (Sokova, 2020; Стефанович, 2025). Как справедливо указывает Sharikov (2018), сочетание искусственного интеллекта, кибератак и ядерного оружия представляет собой опасную комбинацию, способную дестабилизировать глобальную систему безопасности.

Кроме того, милитаризация систем искусственного интеллекта порождает комплекс этических проблем, выходящих за рамки исключительно правовой регламентации. Обращает на себя внимание тот факт, что делегирование машинам права принятия решения о жизни и смерти человека противоречит фундаментальным гуманистическим ценностям и принципу человеческого достоинства (Reichberg & Syse, 2021; Гнатик, 2024). Хотя отдельные авторы, такие как Müller (2016), высказывают предположение о потенциально позитивных аспектах автономных систем вооружения, подавляющее большинство исследователей подчеркивает их угрозы для человечества. Особо следует выделить следующие положения: автономные системы вооружения способны трансформировать войну в технический процесс, лишенный моральной ответственности; они создают риск снижения порога вступления в вооруженный конфликт; они усиливают асимметрию между технологически развитыми и развивающимися государствами (Ruschi, 2020; Rosert & Sauer, 2021).

Наряду с военно-политическими и этико-правовыми аспектами, необходимо проверить тот факт, что развитие военной робототехники и автономных систем имеет значительные социально-экономические последствия. Исследования в области экономики автоматизации свидетельствуют о необходимости государственного регулирования внедрения роботизированных систем, включая обсуждение вопроса о налогообложении роботов (Zhang, 2019; Thuemmel, 2023; Carbonara et al., 2024). Применительно к военной сфере данная проблематика приобретает особую остроту, поскольку автоматизация вооружений влияет на рынок труда в оборонной промышленности и изменяет структуру занятости в вооруженных силах (Prettner & Strulik, 2020;

Costinot & Werning, 2023). Следует также отметить и то, что вопросы технологического противоборства и обеспечения военной безопасности в условиях развития конвергентных технологий требуют комплексного подхода со стороны государств (Панкова, Гусарова, 2019; Стрельников, 2022; Стефанович, 2025).

Совершенно справедливо отмечает Истягин (2017), что глобальное решение проблем, связанных с новыми технологиями вооружений, является императивным условием сохранения международной безопасности. В контексте автономных систем вооружения это означает необходимость формирования универсального международно-правового режима, основанного на многостороннем договоре. Как известно, механизм разработки таких режимов в рамках Организации Объединенных Наций продемонстрировал свою эффективность в отношении других категорий вооружений, вызывающих особую озабоченность международного сообщества (Аннан, 2005). Если обратиться к опыту кампаний за запрет отдельных видов оружия, сравнительный анализ движений за ядерное разоружение и запрет автономного оружия, проведенный Rosert и Sauer (2021), показывает как общие закономерности, так и специфические особенности этих процессов. Одновременно следует признать, что современный кризис системы контроля над вооружениями создает серьезные препятствия для достижения международного консенсуса (Брукс и др., 2022; Богданов, Евтодьева, 2022).

Тем не менее анализ существующих правовых проблем, технологических рисков и этических вызовов убедительно доказывает необходимость принятия специального международного договора. Из сказанного выше следует, что такой договор должен содержать четкие определения автономных систем вооружения, критерии допустимого уровня автономности, требования к сохранению значимого человеческого контроля над применением силы, механизмы верификации и международного мониторинга. Подводя итоги проведенного анализа научной литературы, можно констатировать, что разработка и внедрение Конвенции Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения является насущной необходимостью современного этапа развития международного права и системы глобальной безопасности.

1. Пояснительная записка к Конвенции Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения

Вниманию дипломатического корпуса, представителей международных организаций, государственных ведомств, научной общественности, неправительственных организаций и всех заинтересованных лиц представлена первая в истории международного права Конвенция Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения – фундаментальный международно-правовой документ, призванный предотвратить потенциально необратимые трансформации в характере ведения военных действий.

Трансформационные процессы в сфере военных технологий, характеризующиеся стремительным развитием систем искусственного интеллекта и робототехники, сформировали беспрецедентный вызов международному правопорядку, требующий консолидированного ответа со стороны мирового сообщества. Как известно, конвергенция передовых технологий и военно-промышленного комплекса создала

техническую возможность разработки автономных систем вооружения, оперирующих без значимого человеческого контроля. Данное обстоятельство открывает перспективу фундаментальной трансформации характера ведения боевых действий с непредсказуемыми последствиями для международной безопасности и гуманитарного права.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в Конвенции сформирована концептуальная и терминологическая основа международно-правового регулирования автономных систем вооружения. В частности, определены параметры значимого человеческого контроля как фундаментального элемента легитимного применения силы, установлены абсолютные запреты на разработку и производство полностью автономных систем вооружения. Кроме того, введены обязательства государств по уничтожению существующих систем, создан институциональный механизм имплементации в виде Организации по запрещению автономных систем вооружения и предусмотрены эффективные процедуры верификации соблюдения положений Конвенции.

Необходимо подчеркнуть, что разработанная Конвенция основана на системном и комплексном подходе к превентивному регулированию военных технологий и направлена на формирование международно-правового режима, обеспечивающего сохранение человеческого контроля над применением силы как основополагающего принципа международного гуманитарного права. Иными словами, принятие Конвенции призвано предотвратить качественное изменение природы вооруженных конфликтов, когда решения о жизни и смерти делегируются автономным техническим системам.

Предлагаемая Конвенция представляет собой международный юридически обязывающий инструмент, направленный на установление всеобъемлющего превентивного запрета автономных систем вооружения. Следует отметить, что документ органично интегрируется в существующую архитектуру международного гуманитарного права, а также в основополагающие принципы международного права, касающиеся прав человека и международной безопасности.

Более того, Конвенция соответствует Уставу Организации Объединенных Наций¹, Женевским конвенциям и Дополнительным протоколам к ним², Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие³, а также основополагающим принципам международного права, касающимся прав человека и международной безопасности. Существенно то, что документ создает необходимые правовые условия для предотвращения потенциально дестабилизирующей гонки вооружений и минимизации рисков неконтролируемой эскалации конфликтов, что подтверждается историческим опытом превентивного регулирования других видов оружия массового уничтожения.

¹ United Nations Charter (full text). <https://clck.ru/3SrXAm>

² Женевские конвенции и протоколы к ним. <https://clck.ru/3SrXCh>

³ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие. <https://clck.ru/3SrXVQ>

Характерно, что теоретический фундамент Конвенции базируется на концептуальном положении о недопустимости делегирования решений о применении смертоносной силы техническим системам, функционирующим вне пределов значимого человеческого контроля. На наш взгляд, подобное делегирование неминуемо привело бы к формированию неприемлемого разрыва в цепи юридической ответственности и противоречило бы фундаментальным принципам различия, соразмерности и предосторожности, составляющим нормативную основу международного гуманитарного права.

Берем смелость утверждать, что делегирование решений о применении летальной силы автономным системам представляет собой не только юридическую, но и глубокую этическую проблему, затрагивающую саму природу человеческой ответственности и моральной субъектности в контексте вооруженных конфликтов. Именно поэтому Конвенция исходит из императивного требования сохранения значимого человеческого контроля на всех этапах цикла применения силы.

Структурная композиция Конвенции предусматривает четкую артикуляцию объектного и субъектного состава регулирования. Центральным элементом выступает юридическая дефиниция «автономных систем вооружения» как систем, способных самостоятельно идентифицировать, выбирать и поражать цели без значимого человеческого контроля после их активации. В то же время Конвенция устанавливает критериальную базу для дифференциации запрещенных автономных систем и допустимых автоматизированных систем через концепцию «значимого человеческого контроля», характеризующегося информационной достаточностью, возможностью эффективного вмешательства и установления ответственности.

Особо следует выделить следующие положения: концепция значимого человеческого контроля предполагает не просто формальное присутствие человека в контуре управления, но реальную способность оператора понимать контекст применения системы, принимать обоснованное решение и эффективно вмешиваться в процесс выбора и поражения целей. Таким образом, Конвенция устанавливает функциональный, а не технический критерий разграничения допустимых и запрещенных систем.

Наиболее важным представляется то, что нормативная система обязательств государств-участников предполагает абсолютный запрет на разработку, производство, приобретение, передачу и применение автономных систем вооружения, функционирующих без значимого человеческого контроля. Данные обязательства дополняются императивным требованием уничтожения существующих систем и имплементации эффективных национальных мер по обеспечению соблюдения положений Конвенции.

Применительно к данному случаю следует добавить, что Конвенция предусматривает поэтапный механизм выполнения обязательств, включающий декларирование существующих программ разработки, приостановление всех работ по созданию запрещенных систем и их последующее уничтожение под международным контролем. Одновременно государства-участники принимают на себя обязательство не оказывать содействие, не поощрять и не побуждать иных лиц к осуществлению любой деятельности, запрещенной Конвенцией.

Следует также отметить и то, что институциональным механизмом имплементации Конвенции выступает созданная *ad hoc* Организация по запрещению автономных систем вооружения, компетенционный объем которой охватывает мониторинг соблюдения, техническую экспертизу и содействие международному сотрудничеству.

При этом верификационный режим Конвенции основывается на многокомпонентной системе, включающей регулярные декларации, инспекции и специальные расследования предполагаемых нарушений.

Наряду с этим Организация выполняет функции координации международного сотрудничества в области развития технологий искусственного интеллекта и робототехники для мирных целей, содействия обмену научно-технической информацией и оказания технической помощи государствам-участникам в имплементации положений Конвенции. Существенно то, что институциональная архитектура Организации обеспечивает баланс между эффективностью верификации и уважением законных интересов государств в сфере национальной безопасности.

Чрезвычайно важно, что принятие Конвенции создаст необходимые правовые условия для предотвращения потенциально дестабилизирующей гонки вооружений в сфере автономных систем и минимизации рисков неконтролируемой эскалации вооруженных конфликтов. Как было показано историческим опытом регулирования химического, биологического и ядерного оружия, превентивный характер регулирования позволит избежать значительно более сложной и ресурсоемкой задачи по контролю уже распространенных систем.

В этой связи характерно высказывание о том, что предупреждение распространения опасных видов вооружений на ранних стадиях их технологической разработки является более эффективным и менее затратным подходом, нежели попытки ограничения уже развернутых систем. Отсюда следует вывод о стратегической важности своевременного принятия Конвенции до достижения автономными системами вооружения стадии массового производства и развертывания.

Совершенно справедливо отметить, что Конвенция не ограничивает развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники для мирных и оборонных целей при условии сохранения значимого человеческого контроля над применением силы. Это обеспечивает баланс между императивами национальной безопасности и фундаментальными гуманитарными ценностями, позволяя государствам продолжать технологическое развитие в области обороны без создания неприемлемых рисков для международной безопасности и соблюдения норм гуманитарного права.

Иными словами, Конвенция проводит четкое разграничение между запрещенными полностью автономными системами вооружения и допустимыми автоматизированными системами, функционирующими под значимым человеческим контролем. Данный подход позволяет сохранить технологический прогресс в оборонной сфере, одновременно исключая наиболее опасные и морально неприемлемые варианты применения искусственного интеллекта в военных целях.

Настоящая работа предназначена для дипломатов, юристов-международников, представителей законодательного и оборонного сектора, научных работников, преподавателей и студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами международной безопасности, гуманитарного права и этическими аспектами военных технологий. Документ может служить основой для дипломатических переговоров, национального законодательства, научных исследований и образовательных программ в области международного права и технологической этики.

Предлагаемая Конвенция представляет собой важнейший инструмент превентивного международно-правового регулирования, направленный на обеспечение гуманного и устойчивого технологического развития в интересах поддержания

международного мира и безопасности человечества. Таким образом, принятие Конвенции является не только юридической необходимостью для заполнения существующего пробела в международном праве, но и моральным императивом для сохранения человеческого достоинства и фундаментальных гуманитарных ценностей в эпоху стремительного технологического прогресса.

Все это убедительно доказывает актуальность и своевременность разработки данного международно-правового инструмента, который призван обеспечить, чтобы технологическое развитие в военной сфере оставалось подконтрольным человеку и служило целям защиты, а не угрозы фундаментальным правам и свободам личности.

2. Структура Конвенции Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения

Преамбула

Часть I. Общие положения

Статья 1. Общие обязательства

Статья 2. Определения и критерии

Статья 3. Исключения

Часть II. Имплементация и проверка

Статья 4. Национальные меры по имплементации

Статья 5. Объявление и уничтожение

Статья 6. Организация по запрещению автономных систем вооружения

Статья 7. Контроль и проверка соблюдения

Часть III. Сотрудничество и помощь

Статья 8. Консультации, сотрудничество и установление фактов

Статья 9. Международное сотрудничество и техническая помощь

Статья 10. Содействие развитию технологий контроля

Часть IV. Прочие положения

Статья 11. Ответственность за нарушения

Статья 12. Отношение к другим международным соглашениям

Статья 13. Меры по устранению нарушений и обеспечению соблюдения

Статья 14. Срок действия и выход из Конвенции

Статья 15. Статус приложений

Статья 16. Поправки

Статья 17. Регистрация

Статья 18. Аутентичные тексты

Приложение I. Технические критерии для определения автономных систем вооружения

Приложение II. Процедуры для инспекций и верификации

Приложение III. Конфиденциальность информации

3. Конвенция Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения

Преамбула

Государства – участники настоящей Конвенции,

признавая разрушительные последствия вооруженных конфликтов для человечества и необходимость предотвращения таких страданий в будущем,

будучи обеспокоены тем, что быстрое развитие технологий искусственного интеллекта, робототехники и автономных систем создает беспрецедентные угрозы для международного мира, безопасности и стабильности,

принимая во внимание принципы и нормы международного гуманитарного права, закрепленные в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним, а также в Гаагской конвенции 1907 г. и других соответствующих международных документах,

подтверждая оговорку Мартенса, согласно которой в случаях, не предусмотренных действующими соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, принципов гуманности и требований общественной совести,

будучи убеждены, что совесть человечества испытывала бы глубокое потрясение от идеи о том, что решения о жизни и смерти могут приниматься машинами без значимого человеческого контроля и ответственности,

признавая, что автономные системы вооружения порождают серьезные этические, правовые, военные и дипломатические проблемы, включая риски непредсказуемого поведения, эскалации конфликтов, гонки вооружений и понижения порога применения силы,

подчеркивая, что правила и принципы международного гуманитарного права, включая принципы различия, соразмерности и предосторожности, требуют контекстуального понимания и правовой оценки, которые не могут быть полностью делегированы техническим системам,

признавая, что международное право устанавливает личную ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права и что такая ответственность не может быть перенесена на автономные системы,

принимая во внимание соответствующие решения и рекомендации Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, Конференции по разоружению и других международных органов, касающиеся новых технологий в области вооружений,

приветствуя усилия, предпринятые государствами, международными организациями, Международным комитетом Красного Креста, неправительственными организациями и гражданским обществом по решению гуманитарных и международных проблем безопасности, которые могут быть вызваны автономными системами вооружения,

будучи преисполнены решимости действовать в целях достижения эффективного прогресса в направлении всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем,

желая содействовать осуществлению целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций,

подтверждая право каждого государства на мирное использование перспективных технологий и обязанность всех государств сотрудничать в установлении эффективной системы международного контроля, гарантирующей мирное использование таких технологий,

согласились о нижеследующем:

Часть I

Общие положения

Статья 1

Общие обязательства

1. Каждое государство – участник настоящей Конвенции обязуется ни при каких обстоятельствах:

а) не разрабатывать, не производить, не приобретать иным образом, не накапливать, не сохранять или не передавать кому бы то ни было прямо или косвенно автономные системы вооружения;

б) не применять автономные системы вооружения при любых обстоятельствах;

с) не помогать, не поощрять и не побуждать каким-либо образом кого бы то ни было к осуществлению деятельности, запрещенной для государств – участников настоящей Конвенции;

д) не использовать достижения в области цифровых технологий и искусственного интеллекта для создания систем, функционально равнозначных автономным системам вооружения.

2. Каждое государство-участник обязуется уничтожить или модифицировать все автономные системы вооружения, которыми оно обладает или которые находятся под его юрисдикцией или контролем, в соответствии с положениями настоящей Конвенции.

3. Каждое государство-участник обязуется обеспечить, чтобы любая система вооружения, находящаяся под его юрисдикцией или контролем, функционировала под значимым человеческим контролем.

Статья 2

Определения и критерии

Для целей настоящей Конвенции:

1. **«Автономная система вооружения»** означает любую систему оружия, которая способна выбирать (т. е. осуществлять поиск, идентификацию, отслеживание, выбор) и поражать (т. е. применять силу, нейтрализовать, наносить ущерб или уничтожать) цели без значимого человеческого контроля и независимо от степени технической сложности.

2. **«Значимый человеческий контроль»** означает уровень человеческого вмешательства, при котором люди:

а) обладают достаточной информацией и пониманием функционирования системы и оперативной обстановки;

б) сохраняют постоянную способность принимать осознанные решения о применении силы, включая своевременное вмешательство и деактивацию;

с) несут ответственность за принятие решений в отношении применения смертоносной силы;

д) могут активно контролировать функционирование системы на всем протяжении ее применения.

3. **«Разработка»** означает все этапы до промышленного производства, такие как проектирование, научно-исследовательские работы, испытания, создание прототипов, модификация существующих систем и иная подготовительная деятельность.

4. **«Производство»** означает все стадии изготовления, включая проектирование, изготовление, интеграцию, сборку, испытание, хранение и другую связанную с ними деятельность.

5. **«Приобретение»** означает получение любым способом, включая покупку, лизинг, заем, передачу технологий или любую другую форму доступа к системам или их компонентам.

6. **«Система оружия»** означает средство ведения боевых действий, способное наносить повреждения, ущерб или уничтожение, которое может включать платформу, средства обнаружения целей, системы управления и непосредственно поражающие элементы.

7. **«Компонент автономной системы вооружения»** означает любую часть, элемент или подсистему, специально разработанную для функционирования в качестве составной части автономной системы вооружения.

Статья 3

Исключения

1. Следующие системы не являются автономными системами вооружения для целей настоящей Конвенции:

а) системы противоракетной, противовоздушной и противополковой обороны, предназначенные исключительно для защиты от неживых объектов (ракет, снарядов, воздушных целей), при условии нахождения под значимым человеческим контролем;

б) системы, которые действуют в течение ограниченного времени и в ограниченном географическом пространстве под непрерывным наблюдением и контролем оператора, способного прекратить их функционирование;

с) системы разминирования, поиска и обезвреживания взрывоопасных объектов, используемые исключительно для защитных и гуманитарных целей;

д) системы, которые используют автоматизацию только для функций перемещения, навигации или самостоятельного определения местоположения, но не для выбора и поражения целей;

е) тренировочные системы, не имеющие боевых возможностей;

ф) системы невоенного назначения, используемые для правоохранительных, гражданских, гуманитарных, научных и образовательных целей.

2. Государства-участники обязуются обеспечить, чтобы системы, подпадающие под исключения, не могли быть модифицированы для функционирования в качестве автономных систем вооружения.

Часть II

Имплементация и проверка

Статья 4

Национальные меры по имплементации

1. Каждое государство-участник в соответствии со своими конституционными процедурами принимает необходимые меры по запрещению и предотвращению любой деятельности, запрещенной для государства – участника настоящей Конвенции, осуществляемой где бы то ни было под его юрисдикцией или контролем.

2. Каждое государство-участник принимает законодательные, административные, судебные и другие меры, включая установление уголовной ответственности, в целях имплементации настоящей Конвенции и соблюдения ее положений.

3. Каждое государство-участник запрещает физическим и юридическим лицам, находящимся на его территории или под его юрисдикцией, осуществлять любую деятельность, запрещенную для государств – участников настоящей Конвенции.

4. Каждое государство-участник создает или назначает национальный орган, который выступает в качестве национального координационного центра для эффективной связи с другими государствами-участниками и Организацией по запрещению автономных систем вооружения. Государство-участник уведомляет Организацию о своем национальном органе при присоединении к настоящей Конвенции.

5. Каждое государство-участник информирует Организацию о законодательных и административных мерах, принятых для имплементации настоящей Конвенции.

Статья 5

Объявление и уничтожение

1. Каждое государство-участник не позднее 30 дней после вступления в силу для него настоящей Конвенции объявляет Организации:

а) имеет ли оно в собственности или владении или имеются ли на любой территории под его юрисдикцией или контролем автономные системы вооружения;

б) передавало ли оно или получало ли оно прямо или косвенно автономные системы вооружения, а также спецификации о любой программе разработки или производства таких систем, которую оно имело на момент вступления в силу для него настоящей Конвенции.

2. Каждое государство-участник не позднее 120 дней после вступления в силу для него настоящей Конвенции предоставляет Организации подробные планы уничтожения или модификации автономных систем вооружения, находящихся в его собственности или владении или имеющих на любой территории под его юрисдикцией или контролем.

3. Все автономные системы вооружения, указанные в пункте 1 настоящей статьи, подлежат уничтожению или модификации не позднее чем через 8 месяцев после вступления в силу настоящей Конвенции, в соответствии с объявленным планом уничтожения или модификации.

4. Каждое государство-участник во время проведения уничтожения автономных систем вооружения обеспечивает безопасность людей и защиту окружающей среды.

5. Каждое государство-участник сотрудничает с другими государствами-участниками в области обмена оборудованием, материалами, научной и технологической информацией об уничтожении автономных систем вооружения.

Статья 6

Организация по запрещению автономных систем вооружения

1. Государства – участники настоящей Конвенции учреждают Организацию по запрещению автономных систем вооружения (далее – «Организация») для достижения предмета и цели настоящей Конвенции, обеспечения осуществления ее положений, включая положения, касающиеся международной проверки соблюдения Конвенции, и для обеспечения форума для консультаций и сотрудничества между государствами-участниками.

2. Органами Организации являются:

- a) конференция государств-участников;
- b) исполнительный совет;
- c) технический секретариат.

3. Конференция государств-участников (далее – Конференция) состоит из всех государств – участников Конвенции. Каждое государство-участник имеет на Конференции одного представителя, которого могут сопровождать заместители и советники.

4. Первая сессия Конференции созывается депозитарием не позднее чем через 30 дней после вступления в силу настоящей Конвенции.

5. Конференция собирается на очередные сессии, которые проводятся ежегодно, если она не примет иного решения.

6. Исполнительный совет (далее – Совет) состоит из 41 члена. Каждое государство-участник имеет право в соответствии с принципом ротации входить в состав Совета. Члены Совета избираются Конференцией сроком на два года.

7. Совет является исполнительным органом Организации. Он подотчетен Конференции и выполняет полномочия и функции, возложенные на него настоящей Конвенцией.

8. Технический секретариат (далее – Секретариат) помогает Конференции и Совету в выполнении их функций. Секретариат проводит меры проверки, предусмотренные настоящей Конвенцией.

Статья 7

Контроль и проверка соблюдения

1. В целях проверки соблюдения положений настоящей Конвенции каждое государство-участник соглашается на контроль, включающий:

- a) национальные объявления и отчетность;
- b) плановые инспекции объектов;
- c) инспекции по запросу в случае подозрений в несоблюдении Конвенции;
- d) расследование предполагаемого применения автономных систем вооружения.

2. Каждое государство-участник представляет Организации ежегодные объявления относительно его деятельности, имеющей отношение к целям настоящей Конвенции, включая:

- a) актуальную информацию о его национальном законодательстве и административных мерах, принятых для имплементации Конвенции;
- b) отчет о разработках в области технологий искусственного интеллекта, робототехники и автономных систем, имеющих отношение к военной сфере;
- c) информацию о любых разрабатываемых или производимых военных системах, которые имеют элементы автоматизации, но не являются автономными системами вооружения согласно определениям настоящей Конвенции.

3. Технический секретариат уполномочен проводить инспекции на территории государств-участников в целях проверки соблюдения положений настоящей Конвенции.

4. Каждое государство-участник имеет право запросить инспекцию по запросу на территории любого другого государства-участника в целях прояснения и решения любых вопросов, касающихся возможного несоблюдения положений настоящей Конвенции.

5. Инспекционные группы состоят из инспекторов и помощников инспекторов, назначаемых Генеральным директором из списка инспекторов и помощников инспекторов, представленного государствами-участниками.

6. Инспектируемое государство-участник обязано обеспечить доступ в пределах inspectируемой территории для исключительной цели установления фактов, имеющих отношение к возможному несоблюдению положений настоящей Конвенции.

Часть III

Сотрудничество и помощь

Статья 8

Консультации, сотрудничество и установление фактов

1. Государства-участники соглашаются консультироваться и сотрудничать друг с другом в решении любых вопросов, которые могут возникнуть в отношении предмета настоящей Конвенции или выполнения ее положений.

2. Без ущерба для права любого государства-участника запросить инспекцию по запросу государства-участника должны прежде всего прилагать все усилия к тому, чтобы путем обмена информацией и консультаций между собой прояснить и урегулировать любой вопрос, который может вызвать сомнение относительно соблюдения настоящей Конвенции.

3. Государство-участник, получившее запрос от другого государства – участника о разъяснении любого вопроса, который считается вызывающим сомнение или обеспокоенность, представляет запрашивающему государству-участнику не позднее чем через 15 дней после получения запроса информацию, достаточную для разъяснения вопроса.

4. Если вопрос не урегулирован, запрашивающее государство-участник может запросить проведение чрезвычайной сессии Исполнительного совета.

Статья 9

Международное сотрудничество и техническая помощь

1. Государства-участники обязуются содействовать как можно более полному обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об имплементации настоящей Конвенции.

2. Организация разрабатывает и выполняет программы сотрудничества и технической помощи государствам-участникам в целях эффективного выполнения положений Конвенции.

3. Ничто в настоящей Конвенции не должно истолковываться как ограничивающее или затрудняющее право государств-участников на исследования, разработку, производство, приобретение, передачу или использование научных знаний и технологий для мирных целей.

4. Государства-участники обязуются содействовать международному сотрудничеству в области мирного использования технологий искусственного интеллекта и робототехники, включая научно-технический обмен.

5. Технический секретариат создает и ведет банк данных, содержащий информацию, относящуюся к различным средствам имплементации настоящей Конвенции, а также информацию, предоставленную государствами-участниками.

Статья 10

Содействие развитию технологий контроля

1. Государства-участники обязуются разрабатывать и совершенствовать методы верификации, включая создание стандартов и критериев для систем вооружения с элементами автоматизации, чтобы обеспечить четкое разграничение между допустимой автоматизацией и запрещенными автономными системами.

2. Государства-участники обязуются сотрудничать с Организацией в разработке руководств и протоколов для инспекций и верификации.

3. Организация содействует разработке технологий и методик для эффективного контроля и верификации соблюдения положений настоящей Конвенции.

Часть IV

Прочие положения

Статья 11

Ответственность за нарушения

1. Каждое государство-участник в соответствии со своими конституционными процедурами принимает необходимые меры для установления уголовной ответственности физических и юридических лиц за нарушение запретов, установленных настоящей Конвенцией.

2. В отношении деятельности, запрещенной для государства-участника настоящей Конвенции, каждое государство-участник в соответствии с международным правом устанавливает свою юрисдикцию, когда такая деятельность осуществляется:

- а) на территории данного государства или в любом другом месте под его юрисдикцией или контролем;
- б) любым его гражданином;
- с) физическими или юридическими лицами, прямо или косвенно находящимися под его контролем.

3. Лица, ответственные за совершение тяжких нарушений настоящей Конвенции, подлежат судебному преследованию, независимо от их гражданства и места совершения нарушения.

Статья 12

Отношение к другим международным соглашениям

1. Ничто в настоящей Конвенции не должно истолковываться как ограничивающие или умаляющие обязательства, принятые любым государством в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций или существующими международными соглашениями в области разоружения и контроля над вооружениями.

2. Настоящая Конвенция дополняет существующие нормы международного гуманитарного права и международного права в области прав человека.

Статья 13

Меры по устранению нарушений и обеспечению соблюдения

1. Конференция по рекомендации Исполнительного совета принимает необходимые меры для обеспечения соблюдения настоящей Конвенции и для устранения и исправления любой ситуации, которая противоречит положениям Конвенции.

2. В случаях особой серьезности Конференция доводит данную проблему, включая соответствующую информацию и выводы, до сведения Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Статья 14

Срок действия и выход из Конвенции

1. Настоящая Конвенция является бессрочной.

2. Каждое государство-участник в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из настоящей Конвенции, если оно решит, что исключительные обстоятельства, касающиеся предмета настоящей Конвенции, поставили под угрозу его высшие интересы.

3. Выход осуществляется путем представления уведомления о выходе за 90 дней всем другим государствам-участникам, Исполнительному совету, депозитарию и Совету Безопасности Организации Объединенных Наций. В таком уведомлении должны быть указаны исключительные обстоятельства, которые государство-участник рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы.

Статья 15

Статус приложений

1. Приложения являются неотъемлемой частью настоящей Конвенции. Любая ссылка на настоящую Конвенцию включает и ее приложения.

Статья 16

Поправки

1. Любое государство-участник может предложить поправки к настоящей Конвенции. Любое государство-участник может также предложить изменения к приложениям настоящей Конвенции.

2. Текст предлагаемой поправки представляется Генеральному директору, который направляет его всем государствам-участникам и депозитарию. Предлагаемая поправка рассматривается только Конференцией по рассмотрению поправок. Такая Конференция по рассмотрению поправок созывается, если одна треть или более государств-участников уведомляют Генерального директора не позднее чем через 30 дней после распространения предложения о своей поддержке дальнейшего рассмотрения этого предложения.

3. Поправки вступают в силу для всех государств-участников через 30 дней после сдачи на хранение ратификационных грамот или документов о принятии всеми государствами-участниками, указанными в п. 1.

Статья 17

Регистрация

1. Настоящая Конвенция регистрируется депозитарием в соответствии со ст. 102 Устава Организации Объединенных Наций.

Статья 18

Аутентичные тексты

1. Настоящая Конвенция, тексты которой на английском, арабском, испанском, китайском, португальском, русском и французском языках являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Приложение I

Технические критерии для определения автономных систем вооружения

1. Технические характеристики системы, указывающие на ее автономность:

- a) способность самостоятельно определять параметры применения силы (время, место, интенсивность, продолжительность);
- b) способность самостоятельно идентифицировать, классифицировать и выбирать цели без прямого указания человеком-оператором;
- c) способность адаптировать свое поведение и принимать решения на основе изменений в оперативной обстановке без явного перепрограммирования человеком;
- d) ограниченная способность человека понимать логику принятия решений системой в режиме реального времени;
- e) невозможность для оператора своевременно вмешаться в процесс принятия решения о применении силы.

2. Технические характеристики, обеспечивающие значимый человеческий контроль:

- a) надежные и защищенные каналы коммуникации между оператором и системой;
- b) понятные для человека интерфейсы управления и отображения информации о функционировании системы;
- c) технические средства аварийного отключения и деактивации, доступные оператору;
- d) программные и аппаратные ограничения, предотвращающие применение силы без санкции оператора;
- e) средства записи и хранения данных обо всех действиях системы для последующего анализа.

Приложение II

Процедуры для инспекций и верификации

1. Порядок проведения инспекций объектов:

- a) уведомление инспектируемого государства-участника;
- b) определение инспекционной группы;
- c) въезд на территорию инспектируемого государства-участника;
- d) доступ к инспектируемым объектам;
- e) проведение инспекционной деятельности;
- f) подготовка и представление отчета о результатах инспекции.

2. Права и обязанности инспекционной группы и инспектируемого государства-участника:

- a) право инспекционной группы на доступ к соответствующим объектам и информации;
- b) право инспектируемого государства-участника на защиту конфиденциальной информации, не имеющей отношения к целям инспекции;

- с) обязанность инспекторов проводить деятельность с минимальными помехами для нормального функционирования объектов;
- д) обязанность inspected государства-участника оказывать содействие инспекционной группе.

Приложение III

Конфиденциальность информации

1. Принципы обращения с конфиденциальной информацией:

- а) защита конфиденциальной информации, получаемой Организацией в ходе осуществления настоящей Конвенции;
- б) обеспечение того, чтобы требования конфиденциальности не препятствовали эффективной верификации соблюдения Конвенции;
- с) установление уровней конфиденциальности информации и соответствующих процедур доступа;
- д) ответственность за нарушение конфиденциальности.

2. Порядок обращения с конфиденциальной информацией:

- а) сбор, обработка, хранение и передача конфиденциальной информации;
- б) доступ персонала Организации к конфиденциальной информации;
- с) защита объектов и конфиденциальных данных;
- д) процедуры в случае нарушения или предполагаемого нарушения конфиденциальности.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящую Конвенцию.

Совершено в _____ «__» _____ года в одном экземпляре на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках, причем все тексты являются равно аутентичными.

Заключение

Представленная Конвенция Организации Объединенных Наций о запрещении разработки, производства и применения автономных систем вооружения представляет собой инновационный международно-правовой инструмент превентивного характера, призванный предотвратить качественную трансформацию природы вооруженных конфликтов в эпоху технологической конвергенции искусственного интеллекта и военной сферы.

Концептуальная значимость предложенного документа заключается в формировании нормативной парадигмы, основанной на императиве сохранения человеческого контроля над решениями о применении смертоносной силы. Введение в международно-правовой оборот категории «значимого человеческого контроля» с четко определенными критериями информационной достаточности, возможности эффективного вмешательства и установления ответственности создает фундаментальную основу для дифференциации правомерных автоматизированных систем и запрещенных автономных систем вооружения.

Структурная архитектура Конвенции обеспечивает комплексное регулирование всего жизненного цикла автономных систем вооружения – от запрета на разработку до императивного требования уничтожения существующих систем в восьми-месячный срок. Создание специализированного институционального механизма в виде Организации по запрещению автономных систем вооружения и установление многокомпонентного верификационного режима гарантируют эффективную имплементацию и контроль соблюдения конвенционных обязательств.

Превентивный характер правового регулирования представляет качественно новый подход в международном праве разоружения, позволяющий упредить потенциально дестабилизирующую гонку вооружений до массового развертывания соответствующих технологий. Исторический опыт регулирования химического, биологического и ядерного оружия убедительно свидетельствует о том, что установление запретов на начальных стадиях технологического развития является значительно более эффективным, чем попытки контроля уже распространенных систем.

Документ органично интегрируется в существующую систему международного гуманитарного права, дополняя нормы Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним, Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия 1981 г. Конвенция развивает оговорку Мартенса применительно к новейшим военным технологиям, подтверждая, что в случаях, не охваченных действующими соглашениями, комбатанты и гражданские лица остаются под защитой принципов международного права и требований гуманности.

Практическая реализация положений Конвенции будет способствовать минимизации рисков неконтролируемой эскалации вооруженных конфликтов, устранению разрывов в цепи юридической ответственности при применении смертоносной силы, обеспечению соблюдения фундаментальных принципов различия, соразмерности и предосторожности в условиях технологической трансформации военной сферы.

Вместе с тем необходимо отметить, что эффективность предложенного международно-правового режима будет в решающей степени зависеть от политической воли государств к универсализации Конвенции, достижения консенсуса между ведущими военными державами относительно параметров запретов и исключений, а также от способности верификационного механизма адаптироваться к стремительному развитию соответствующих технологий.

Конвенция не ограничивает развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники для мирных и оборонных целей при условии сохранения значимого человеческого контроля, что обеспечивает необходимый баланс между императивами национальной безопасности и фундаментальными гуманитарными ценностями. Документ создает правовую основу для ответственного технологического развития, ставящего человека и его достоинство в центр эволюции военных технологий.

Принятие данной Конвенции международным сообществом стало бы историческим достижением превентивной дипломатии в сфере разоружения и важнейшим вкладом в обеспечение устойчивого и гуманного технологического развития в интересах поддержания международного мира и безопасности человечества.

Список литературы

- Аннан, К. (2005). «При большей свободе»: время решений в ООН. *Россия в глобальной политике*, 3(4), 8–20. <https://www.elibrary.ru/XCENOD>
- Арбатов, А. Г. (2019). Грезы и реальности контроля над вооружениями. *Мировая экономика и международные отношения*, 63(11), 5–16. EDN: <https://www.elibrary.ru/MGRVXW>. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-5-16>
- Богданов, К. В., Евтодьева, М. Г. (2022). Смертоносные автономные системы вооружения: ландшафт и перспективы. *Полис. Политические исследования*, 6, 67–80. EDN: <https://www.elibrary.ru/BVGCYC>. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.06>
- Брукс, Р., Голби, Д., Урбен, Х. (2022). Кризис командования. *Россия в глобальной политике*, 20(3), 178–190. EDN: <https://www.elibrary.ru/FBRWSK>. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-178-190>
- Гнатик, Е. Н. (2024). Милитаризация систем искусственного интеллекта: возможности и угрозы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 28(3), 771–784. EDN: <https://www.elibrary.ru/VZSWGK>. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-771-784>
- Истягин, Л. Г. (2017). Императивное условие глобального решения. *Мировая экономика и международные отношения*, 61(9), 121–127. EDN: <https://www.elibrary.ru/ZFMGFL>. DOI: <https://doi.org/10.7868/S013122271709012X>
- Карасев, П. А. (2020). Кибер-факторы стратегической стабильности. *Россия в глобальной политике*, 18(3), 24–52. EDN: <https://www.elibrary.ru/JSVRIZ>. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-3-24-52>
- Кочетков, В. В. (2010). Изменения в подходах к международной безопасности в начале XXI века. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 4, 30–35. <https://www.elibrary.ru/MXSLHX>
- Мизин, В. И. (2023). О нерешенном аспекте контроля над вооружениями: противоракетная дилемма. *Общественные науки и современность*, 1, 68–82. EDN: <https://www.elibrary.ru/NPHGQN>. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869049923010057>
- Панкова, Л. В., Гусарова, О. В. (2019). Инновационно-технологические прорывы: влияние на систему контроля над вооружениями. *Мировая экономика и международные отношения*, 63(6), 70–83. EDN: <https://www.elibrary.ru/CULGBO>. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-70-83>
- Стефанович, Д. В. (2025). Многомерное поле технологического противоборства. *Россия в глобальной политике*, 23(1), 10–23. EDN: <https://www.elibrary.ru/HDFKYG>. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-10-23>
- Стрельников, Д. О. (2022). Проблемы развития конвергентных технологий и обеспечение военной безопасности Российской Федерации. *Век глобализации*, 1(41), 152–159. EDN: <https://www.elibrary.ru/SFLPXW>. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.01.11>
- Фролов, А. Л. (2023). Войны будущего и их техническое измерение. *Россия в глобальной политике*, 21(1), 88–98. EDN: <https://www.elibrary.ru/XFQSWs>. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-88-98>
- Agarwal, A., & Singh, A. (2020). Killer robots or soldiers of the future: Legal issues and India's role in the lethal autonomous weapons debate. *Indian Journal of Law and Technology*, 16(2), 104–128.
- Ahmed, O. S., Abdulmajeed, E. N., Abdullah, O. A.-H., Sajid, W. A., Al Hilfi, Th. K. Yu., Gluschenko, Y. (2026). Autonomous Weapons Systems Under International Humanitarian Law: A Legal–Ethical and Data-Driven Analysis of Modern Warfare. In: Z. Molamohamadi, E. Babaee Tirkolaei, A. Mirzazadeh, Weber, G.-W. (Eds.), *Optimization and Data Science in Industrial Engineering. ODSIE 2025. Communications in Computer and Information Science* (vol 2855, pp. 160–178). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-032-17023-1_9
- Baklanov, A. (2013). A war of the future. *Russia in Global Affairs*, 11(4), 126–136. <https://www.elibrary.ru/SJIMNJ>
- Baranov, P. P. (2020). Problems of legal regulation of robotics and artificial intelligence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 5: Jurisprudence*, 25(1), 123–135. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2020.v8n2.511>
- Bhargavi, S., & Manjunath, S. (2011). Design of an intelligent combat robot for war fields. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 2(8), 64–69.
- Carbonara, E., Focacci, C. N., & Santarelli, E. (2024). Mitigating the labor displacing effects of automation through a robot tax: evidence from a survey experiment. *Economics of Innovation and New Technology*, 33(8), 1145–1158. <https://doi.org/10.1080/10438599.2023.2293031>
- Costinot, A., & Werning, I. (2023). Robots, trade, and Luddism: A sufficient statistic approach to optimal technology regulation. *Review of Economic Studies*, 90(5), 2261–2291.
- Dhayal, D., Aggarwal, P., Ansari, M. (2026). IntelliGuard: IoT-Enabled Autonomous Spybot Intelligence for Real-Time Surveillance in Next-Generation Security Applications. In: Trabelsi, M., Khan, M., Bouida, Z., Murugappan, M. (eds) *Proceedings of the 2nd Symposium on Smart, Sustainable, and Secure Internet of Things. S4IoT 2025. Lecture Notes in Electrical Engineering*, vol 1513. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-95-5136-1_16

- Golan, G. (2023). A new age of cyber: transitioning from security to safety. *Computer Fraud & Security*, 2023(8). EDN: <https://www.elibrary.ru/YWJTKG>. DOI: [https://doi.org/10.12968/s1361-3723\(23\)70036-5](https://doi.org/10.12968/s1361-3723(23)70036-5)
- Gopal, K. V., & Lokesh, H. (2025). Smart surveillance and combat robot for defense applications. *International Advanced Research Journal in Science, Engineering and Technology*, 12(5). <https://doi.org/10.17148/IARJSET.2025.125374iarjset>
- Gunawan, Y. (2022). Command responsibility of autonomous weapons under international criminal law. *Cogent Social Sciences*, 8(1), Article 2139906. EDN: <https://www.elibrary.ru/OOLMLD>. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2022.2139906>
- King, A. (2024). Robot wars: Autonomous drone swarms and the battlefield of the future. *West European Politics*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/01402390.2024.2302585andfonline>
- Liu, D., Rikhtehgar Berenji, H., Gupta, S., & Chai, R. (2025). Synergy in Counter-Terrorism: Airstrikes, Ground Attacks and Civilian Evacuations in Diverse Topologies. *Production and Operations Management*, 34(9), 2540–2559.
- Mewoh, G., & Yanuar Rahman. (2025). Russia's Use of Autonomous Weapon Systems: An Analysis of Offensive Military Policy in the 2022–2024 Russia-Ukraine War. *Politeia : Journal of Public Administration and Political Science and International Relations*, 3(4), 237–252. <https://doi.org/10.61978/politeia.v3i4.684>
- Miller, S. (2025). Lethal autonomous weapon systems (LAWS): meaningful human Control, collective moral responsibility and institutional design. *Ethics and Information Technology*, 27, 63. <https://doi.org/10.1007/s10676-025-09874-x>
- Müller, V. C. (2016). Autonomous killer robots are probably good news. In E. Di Nucci & F. Santoni de Sio (Eds.), *Drones and responsibility: Legal, philosophical and sociotechnical perspectives on the use of remotely controlled weapons* (pp. 67–81). Ashgate. <https://doi.org/10.4324/9781315578187-4>
- Passinhas, S. (2018). Robotics and law: A survey. In *Proceedings of the 5th International Conference on Physiological Computing Systems* (pp. 43–52). CEUR Workshop Proceedings.
- Podar, H., & Colijn, A. (2025). Technical risks of (lethal) autonomous weapons systems [Preprint]. *arXiv*.
- Prettner, K., & Strulik, H. (2020). Technology, robots, and the future of work: A macroeconomic analysis. *Macroeconomic Dynamics*, 24(5), 1153–1185.
- Qerimi, Q. (2023). Controlling lethal autonomous weapons systems: A typology of the position of states. *Computer Law & Security Review*, 49, Article 105797. EDN: <https://www.elibrary.ru/XPUTAK>. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105854>
- Reichberg, G. M., & Syse, H. (2021). Applying AI on the battlefield: The ethical debates. In C. Hasse & S. Thieffry (Eds.), *Robotics, AI, and Humanity* (pp. 147–159). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-54173-6_12
- Rosert, E., & Sauer, F. (2021). How (not) to stop the killer robots: A comparative analysis of the campaigns for nuclear and autonomous weapons disarmament. *Contemporary Security Policy*, 42(1), 41–70. EDN: <https://www.elibrary.ru/VFWYWL>. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2020.1771508>
- Ruschi, F. (2020). The rise of drones and the transformation of warfare: A view from philosophy of international law. *Revista de Estudos Constitucionais, Hermeneutica e Teoria do Direito*, 12(1). EDN: <https://www.elibrary.ru/YHVLWC>. DOI: <https://doi.org/10.4013/rechtd.2020.121.08>
- Scharre, P. (2022). *The legality and accountability of autonomous weapon systems*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009090001>
- Sharikov, P. (2018). Artificial intelligence, cyberattack, and nuclear weapons – A dangerous combination. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 74(6), 368–373. EDN: <https://www.elibrary.ru/XYNIVX>. DOI: <https://doi.org/10.1080/00963402.2018.1533185>
- Sokova, E. (2020). Disruptive technologies and nuclear weapons. *New Perspectives*, 28(3), 292–297. EDN: <https://www.elibrary.ru/TDMLYH>. DOI: <https://doi.org/10.1177/2336825x20934975>
- Thuemmel, U. (2023). Optimal taxation of robots. *Journal of the European Economic Association*, 21(3), 1154–1190. EDN: <https://www.elibrary.ru/UJCKJS>. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeea/jvac062asil>
- Uthai T., You H., Wang M., Smith K., Spackman E., Ryan Z., Li Sh., Du J. (2026). Opportunities challenges and roadmap for humanoid robots in construction. *Scientific Reports*, 16, 905. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-30252-6>
- Winter, M. N. (2022). The Compatibility of Autonomous Weapons with the Principles of International Humanitarian Law. *Journal of Conflict & Security Law*, 27(1), 1–25. EDN: <https://www.elibrary.ru/SFCQBK>. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcs/krac001>
- Yamauchi, B. M. (2004). PackBot: A versatile platform for military robotics. In G. R. Gerhart, C. M. Shoemaker, & D. W. Gage (Eds.), *Defense and security* (pp. 209–215). SPIE. <https://doi.org/10.1117/12.538328>
- Zhang, P. (2019). Automation, wage inequality and implications of a robot tax. *Japan and the World Economy*, 51, Article 100959. <https://doi.org/10.1016/j.jref.2018.10.013>
- Zhao, J., Yin, B., Zeng, Z., Yuan, P., & Li, Y. (2023). Application and exploration of competitive combat robot technology in engineering education. In 2023 IEEE 12th International Conference on Engineering Education (ICEED) (pp. 148–152). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICEED59801.2023.10264004>

Сведения об авторе

Бегишев Ильдар Рустамович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Адрес: 420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42

E-mail: begishev@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57205305394>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/637461>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=Ny2WbHIAAAAJ>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=595003

Конфликт интересов

И. Р. Бегишев является шеф-редактором журнала, статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.5 / Международно-правовые науки

История статьи

Дата поступления – 11 января 2026 г.

Дата одобрения после рецензирования – 28 января 2026 г.

Дата принятия к опубликованию – 25 марта 2026 г.

Дата онлайн-размещения – 10 апреля 2026 г.

Research article
UDC 34:004:341.3:004.8
EDN: <https://elibrary.ru/OXRRUZ>
DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.6>

United Nations Convention on the Prohibition of the Development, Production and Use of Autonomous Weapons Systems

Ildar R. Begishev

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

Keywords

artificial intelligence,
autonomous robotics,
autonomous weapon system,
digital technologies,
human security,
international humanitarian law,
international security,
law,
meaningful human control,
United Nations Organization

Abstract

Objective: to develop an international legally binding preventive tool establishing a comprehensive ban on the development, production and use of autonomous weapons systems that function without meaningful human control.

Methods: the research is based on an interdisciplinary approach combining methods of comparative-legal analysis of existing international conventions in the field of disarmament; system modeling of the institutional mechanism of implementation; forecasting potential threats to international security; expert consensus in the field of international humanitarian law; and conceptual design of terminological apparatus for differentiating prohibited autonomous and permissible automated weapons systems through the prism of the meaningful human control doctrine.

Results: the work formed an architecture of international legal regulation, including: a legally strict definition of autonomous weapons systems and the concept of meaningful human control; a system of absolute obligations of participating states to prohibit the development, production, acquisition, transfer and use of autonomous systems; imperative requirements for the destruction of existing systems within an eight-month period; an institutional mechanism for the prohibition of autonomous weapons systems; a multi-component verification regime covering national declarations, scheduled and unscheduled inspections; procedures for international cooperation and technical assistance; and mechanisms of legal liability for violations of convention obligations.

© Begishev I. R., 2026

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: the work proposes a preventive regime to ban military technologies before their mass deployment, based on the conceptual inadmissibility of delegating decisions on using lethal force to technical systems. This is a qualitatively new approach in the architecture of international disarmament. The category of “meaningful human control”, introduced into scholarly-legal discourse, is characterized by criteria of information sufficiency, the possibility of effective intervention and the establishment of responsibility. This creates a regulatory-legal basis for distinguishing legitimate and prohibited weapons systems under technological convergence of artificial intelligence and the military-industrial complex.

Practical significance: the Convention creates the necessary legal conditions to prevent a potentially destabilizing arms race in the field of autonomous systems; to minimize the risks of uncontrolled escalation of armed conflicts; to eliminate gaps in legal responsibility when using lethal force; and to ensure compliance with the fundamental principles of international humanitarian law under technological transformation of the military sphere. The document can be used by the legislative bodies of states while implementing national measures; the diplomatic corps in international negotiations; international organizations while shaping control standards; defense agencies when developing weapons systems; and the scientific community in the field of legal and technical research.

For citation

Begishev, I. R. (2026). United Nations Convention on the Prohibition of the Development, Production and Use of Autonomous Weapons Systems. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 125–152. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.6>

References

- Agarwal, A., & Singh, A. (2020). Killer robots or soldiers of the future: Legal issues and India's role in the lethal autonomous weapons debate. *Indian Journal of Law and Technology*, 16(2), 104–128.
- Ahmed, O. S., Abdulmajeed, E. N., Abdullah, O. A.-H., Sajid, W. A., Al Hilfi, Th. K. Yu., Gluschenko, Y. (2026). Autonomous Weapons Systems Under International Humanitarian Law: A Legal–Ethical and Data-Driven Analysis of Modern Warfare. In: Z. Molamohamadi, E. Babaee Tirkolaee, A. Mirzazadeh, Weber, G.-W. (Eds.), *Optimization and Data Science in Industrial Engineering. ODSIE 2025. Communications in Computer and Information Science* (vol 2855, pp. 160–178). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-032-17023-1_9
- Annan, K. (2005). “Under broader freedom”: time of decisions in UNO. *Russia in Global Affairs*, 3(4), 8–20. (In Russ.).
- Arbatov, A. G. (2019). Dreams and realities of arms control. *World Economy and International Relations*, 63(11), 5–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-5-16>
- Baklanov, A. (2013). A war of the future. *Russia in Global Affairs*, 11(4), 126–136.
- Baranov, P. P. (2020). Problems of legal regulation of robotics and artificial intelligence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 5: Jurisprudence*, 25(1), 123–135. <http://dx.doi.org/10.20511/pyr2020.v8n2.511>
- Bhargavi, S., & Manjunath, S. (2011). Design of an intelligent combat robot for war fields. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 2(8), 64–69.

- Bogdanov, K. V., & Yevtodyeva, M. G. (2022). Lethal autonomous weapon systems: landscape and perspectives. *Polis. Political studies*, 6, 67–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.06>
- Brooks, R., Golby, J., & Urben, H. (2022). Crisis of command. *Rossia v Globalnoy Politike*, 20(3), 178–190. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-178-190>
- Carbonara, E., Focacci, C. N., & Santarelli, E. (2024). Mitigating the labor displacing effects of automation through a robot tax: evidence from a survey experiment. *Economics of Innovation and New Technology*, 33(8), 1145–1158. <https://doi.org/10.1080/10438599.2023.2293031>
- Costinot, A., & Werning, I. (2023). Robots, trade, and Luddism: A sufficient statistic approach to optimal technology regulation. *Review of Economic Studies*, 90(5), 2261–2291.
- Dhayal, D., Aggarwal, P., Ansari, M. (2026). IntelliGuard: IoT-Enabled Autonomous Spybot Intelligence for Real-Time Surveillance in Next-Generation Security Applications. In: Trabelsi, M., Khan, M., Boudia, Z., Murugappan, M. (eds) *Proceedings of the 2nd Symposium on Smart, Sustainable, and Secure Internet of Things. S4IoT 2025. Lecture Notes in Electrical Engineering*, vol 1513. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-95-5136-1_16
- Frolov, A. L. (2023). Future wars and their technical dimension. *Rossia v Globalnoy Politike*, 21(1), 88–98. <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.01.11>
- Gnatik, E. N. (2024). Militarization of artificial intelligence systems: opportunities and threats. *RUDN Journal of Philosophy*, 28(3), 771–784. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-771-784>
- Golan, G. (2023). A new age of cyber: transitioning from security to safety. *Computer Fraud & Security*, 2023(8). [https://doi.org/10.12968/s1361-3723\(23\)70036-5](https://doi.org/10.12968/s1361-3723(23)70036-5)
- Gopal, K. V., & Lokesh, H. (2025). Smart surveillance and combat robot for defense applications. *International Advanced Research Journal in Science, Engineering and Technology*, 12(5). <https://doi.org/10.17148/IARJSET.2025.125374iarjset>
- Gunawan, Y. (2022). Command responsibility of autonomous weapons under international criminal law. *Cogent Social Sciences*, 8(1), Article 2139906. <https://doi.org/10.1080/23311886.2022.2139906>
- Istyagin, L. G. (2017). Imperative condition for global resolution. *World Economy and International Relations*, 61(9), 121–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S013122271709012X>
- Karasev, P. A. (2020). Cyber factors of strategic stability. *Russia in Global Affairs*, 18(3), 24–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-3-24-52>
- King, A. (2024). Robot wars: Autonomous drone swarms and the battlefield of the future. *West European Politics*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/01402390.2024.2302585andfonline>
- Kochetkov, V. V. (2010). Changes in approaches to the international security at the beginning of the 21st century. *Lomonosov Political Science Journal*, 4, 30–35. (In Russ.).
- Liu, D., Rikhtehgar Berenji, H., Gupta, S., & Chai, R. (2025). Synergy in Counter-Terrorism: Airstrikes, Ground Attacks and Civilian Evacuations in Diverse Topologies. *Production and Operations Management*, 34(9), 2540–2559.
- Mewoh, G., & Yanuar Rahman. (2025). Russia's Use of Autonomous Weapon Systems: An Analysis of Offensive Military Policy in the 2022–2024 Russia-Ukraine War. *Politeia : Journal of Public Administration and Political Science and International Relations*, 3(4), 237–252. <https://doi.org/10.61978/politeia.v3i4.684>
- Miller, S. (2025). Lethal autonomous weapon systems (LAWS): meaningful human Control, collective moral responsibility and institutional design. *Ethics and Information Technology*, 27, 63. <https://doi.org/10.1007/s10676-025-09874-x>
- Mizin, V. I. (2023). The unsolved issue of arms control: anti-missile dilemma. *Social Sciences and Contemporary World*, 1, 68–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0869049923010057>
- Müller, V. C. (2016). Autonomous killer robots are probably good news. In E. Di Nucci & F. Santoni de Sio (Eds.), *Drones and responsibility: Legal, philosophical and sociotechnical perspectives on the use of remotely controlled weapons* (pp. 67–81). Ashgate. <https://doi.org/10.4324/9781315578187-4>
- Pankova, L. V., & Gusarova, O. V. (2019). Innovation-technological breakthroughs: influence on the arms control. *World Economy and International Relations*, 63(6), 70–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-70-83>
- Passinhas, S. (2018). Robotics and law: A survey. In *Proceedings of the 5th International Conference on Physiological Computing Systems* (pp. 43–52). CEUR Workshop Proceedings.
- Podar, H., & Colijn, A. (2025). Technical risks of (lethal) autonomous weapons systems [Preprint]. *arXiv*.
- Prettner, K., & Strulik, H. (2020). Technology, robots, and the future of work: A macroeconomic analysis. *Macroeconomic Dynamics*, 24(5), 1153–1185.
- Qerimi, Q. (2023). Controlling lethal autonomous weapons systems: A typology of the position of states. *Computer Law & Security Review*, 49, Article 105797. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105854>

- Reichberg, G. M., & Syse, H. (2021). Applying AI on the battlefield: The ethical debates. In C. Hasse & S. Thieffry (Eds.), *Robotics, AI, and Humanity* (pp. 147–159). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-54173-6_12
- Rosert, E., & Sauer, F. (2021). How (not) to stop the killer robots: A comparative analysis of the campaigns for nuclear and autonomous weapons disarmament. *Contemporary Security Policy*, 42(1), 41–70. <https://doi.org/10.1080/13523260.2020.1771508>
- Ruschi, F. (2020). The rise of drones and the transformation of warfare: A view from philosophy of international law. *Revista de Estudos Constitucionais, Hermeneutica e Teoria do Direito*, 12(1). <https://doi.org/10.4013/rechtd.2020.121.08>
- Scharre, P. (2022). *The legality and accountability of autonomous weapon systems*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009090001>
- Sharikov, P. (2018). Artificial intelligence, cyberattack, and nuclear weapons – A dangerous combination. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 74(6), 368–373. <https://doi.org/10.1080/00963402.2018.1533185>
- Sokova, E. (2020). Disruptive technologies and nuclear weapons. *New Perspectives*, 28(3), 292–297. <https://doi.org/10.1177/2336825x20934975>
- Stefanovich, D. V. (2025). Disruptive technologies as a source of strategic destabilization. *Rossia v Globalnoy Politike*, 23(1), 10–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-10-23>
- Strelnikov, D. O. (2022). Problems of developing convergent technologies and ensuring military security of the Russian Federation. *Vek Globalizatsii*, 1(41), 152–159. <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.01.11>
- Thuemmel, U. (2023). Optimal taxation of robots. *Journal of the European Economic Association*, 21(3), 1154–1190. <https://doi.org/10.1093/jeea/jvac062asil>
- Uthai T., You H., Wang M., Smith K., Spackman E., Ryan Z., Li Sh., Du J. (2026). Opportunities challenges and roadmap for humanoid robots in construction. *Scientific Reports*, 16, 905. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-30252-6>
- Winter, M. N. (2022). The Compatibility of Autonomous Weapons with the Principles of International Humanitarian Law. *Journal of Conflict & Security Law*, 27(1), 1–25. <https://doi.org/10.1093/jcsj/krac001>
- Yamauchi, B. M. (2004). PackBot: A versatile platform for military robotics. In G. R. Gerhart, C. M. Shoemaker, & D. W. Gage (Eds.), *Defense and security* (pp. 209–215). SPIE. <https://doi.org/10.1117/12.538328>
- Zhang, P. (2019). Automation, wage inequality and implications of a robot tax. *Japan and the World Economy*, 51, Article 100959. <https://doi.org/10.1016/j.jiref.2018.10.013>
- Zhao, J., Yin, B., Zeng, Z., Yuan, P., & Li, Y. (2023). Application and exploration of competitive combat robot technology in engineering education. In 2023 IEEE 12th International Conference on Engineering Education (ICEED) (pp. 148–152). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICEED59801.2023.10264004>

Author information

Ildar R. Begishev – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of Scientific-Research Institute of Digital Technologies and Law, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111 Kazan, Russia

E-mail: begishev@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57205305394>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/637461>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=Ny2WbHIAAAAJ>

RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=595003

Conflict of interest

I. R. Begishev is a Chief Editor of the Journal; the article has been reviewed on general terms.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – January 11, 2026

Date of approval – January 18, 2026

Date of acceptance – March 25, 2026

Date of online placement – April 10, 2026

Научная статья

УДК 34:004:316.624:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/UGOWVW>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.7>

Правовой аспект кибераддикции среди молодежи: цифровые риски и профилактика

Марина Владимировна Алексеева

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Светлана Викторовна Рыбак

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Ключевые слова

девиантное поведение,
кибераддикция,
кибербезопасность,
нравственные ценности,
право,
правовое воспитание,
профилактика,
цифровая гигиена,
цифровые риски,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: обосновать необходимость интегративного подхода к правовому и духовно-нравственному воспитанию молодежи в условиях цифровизации общества и разработать научно обоснованную модель профилактики и коррекции кибераддиктивного поведения на основе синтеза правовых, педагогических и этических компонентов.

Методы: исследование базируется на комплексе теоретических и эмпирических методов, включая диалектический и системный подходы, методы анализа и синтеза, моделирование и прогнозирование. Применены сравнительно-правовой и историко-правовой анализ для изучения эволюции законодательства в сфере цифровой безопасности; проведен междисциплинарный анализ достижений информатики, социологии, психологии и педагогики; использован системно-структурный подход для изучения взаимодействия государственных структур, образовательных учреждений и институтов гражданского общества.

Результаты: выявлена существенная фрагментарность законодательства и отсутствие федеральных программ цифровой гигиены, что препятствует формированию правосознания у молодежи. Предложено авторское определение кибераддиктивного поведения как комплексного личностно-правового отклонения, затрагивающего базовые нормы поведения и свидетельствующего о кризисе ценностной системы. Разработана концептуальная модель формирования «цифрового иммунитета» молодежи, интегрирующая инструменты правового регулирования, образовательные технологии и психологическую поддержку. Определены ключевые направления совершенствования: принятие специальных законодательных инициатив, внедрение программ по развитию цифровой правовой культуры, создание межведомственных механизмов ранней диагностики и коррекции цифровых девиаций.

✉ Контактное лицо

© Алексеева М. В., Рыбак С. В., 2026

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: работа концептуализирует кибераддикцию как многоаспектный правовой и ценностный вызов цифрового поколения; разработана междисциплинарная модель воспитания, учитывающая трансформацию правового сознания в условиях цифровизации; предложены новые дефиниции ключевых понятий и системный подход к профилактике патологических форм цифрового поведения; концептуализирована «цифровая социализация» как специальный предмет правового воспитания.

Практическая значимость: полученные результаты применимы для внедрения в образовательные программы и стандарты; разработки курса «Основы цифровой правовой культуры»; подготовки аккредитованных специалистов по профилактике кибераддикции; создания межведомственных программ цифровой гигиены на государственном, ведомственном и образовательном уровнях. Предложенные меры способствуют формированию у молодежи критического мышления, цифровой грамотности, навыков саморегуляции и устойчивости к манипуляциям в киберпространстве.

Для цитирования

Алексеева, М. В., Рыбак, С. В. (2026). Правовой аспект кибераддикции среди молодежи: цифровые риски и профилактика. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 153–172. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.7>

Содержание

Введение

1. Кибераддикция как социокультурное и правовое явление в современной образовательной среде

1.1. Теоретические основы феномена кибераддикции: признаки, формы и трактовки

1.2. Анализ положения в российской образовательной и правовой реальности

2. Правовые аспекты и профилактика цифровой зависимости

2.1. Правовые проблемы и пробелы законодательства в сфере цифровой зависимости

2.2. Модель формирования цифрового иммунитета и воспитания ответственного поведения

2.3. Перспективы развития и пути совершенствования правового регулирования

Заключение

Список литературы

Введение

Для новой эпохи человеческой цивилизации, характеризующейся переходом от информационного общества к цифровой сети, трансформации образа жизни подобны сменам геологических эпох в истории Земли. Радикальные изменения в бытии человека стали действительностью благодаря третьей индустриальной революции, что

закономерно привело к формированию новой структуры социальных отношений, определяемых тотальной интеграцией цифровых технологий в повседневность. Результатом этого технологического скачка стало не только массовое распространение цифровых устройств, но и формирование сложного цифрового пространства, в котором новые формы социального взаимодействия и социализации все чаще вытесняют или трансформируют традиционные механизмы социального опыта.

Одна из ключевых проблем цифровой эпохи – возникающая кибераддикция среди молодежи, что обусловило потребность в формировании комплексных правовых мер, направленных на снижение цифровых рисков и профилактику патологической зависимости. Юридическая регламентация использования цифровых сред требует глубокого междисциплинарного переосмысления, сопрягая достижения психологии, медицины, педагогики и права для формирования эффективных алгоритмов профилактики цифровой зависимости и обеспечения прав молодого поколения.

1. Кибераддикция как социокультурное и правовое явление в современной образовательной среде

1.1. Теоретические основы феномена кибераддикции: признаки, формы и трактовки

В современной исследовательской и образовательной парадигме проблема правового воспитания и формирования духовно-нравственных требований в цифровую эпоху обретает не только теоретическую, но и ключевую практическую значимость (Rybak & Krygina, 2019), что обусловлено радикальной трансформацией социальной среды вследствие интенсивной цифровизации. Динамика цифрового прогресса приводит к появлению новых форм социокультурной идентичности, формируя у молодежи особые модели мышления, коммуникации и поведения. Как отмечают современные исследователи, именно юношеский возраст становится критически сензитивным периодом, в течение которого усваиваются и закрепляются правовые нормы и нравственно-этические ориентиры (Выготский, 2005), а бурно развивающееся киберпространство приобретает статус одного из ключевых агентов социализации.

Научно актуальным становится проведение интегративного анализа проблематики киберпространства и кибераддикции не только в рамках информационной безопасности, но и через призму правовой социализации и духовно-нравственного развития личности, поскольку современная образовательная среда не способна полностью выполнять функции формирования у молодежи правовой и цифровой культуры, что наиболее ярко выражается в отсутствии федеральных программ цифровой гигиены и правового воспитания. Этот пробел связан с ростом кибераддиктивных, девиантных моделей поведения среди молодых людей.

Э. Шпрангер отмечал в своих исследованиях, что «юность – это период, в который человеку как никогда важно быть понятым окружающими. Именно в этом возрасте глубокое восприятие и принятие со стороны других людей становятся основой для полноценного формирования личности. Однако на деле часто встречаются различные обстоятельства, мешающие или полностью исключающие возможность такого взаимопонимания» (Шпрангер, 2014; Эриксон, 1996). Это рассуждение позволяет сделать вывод о том, что в юношеском возрасте особенно остро проявляется ранимость по отношению к окружающему миру и его влиянию. Одним

из внешних факторов, оказывающих значимое воздействие, выступает киберпространство. Оно может казаться исключительно полезным ресурсом, который способен разрешить множество социальных и психологических трудностей молодых людей, включая нехватку живого общения или недовольство собственной внешностью. Однако такое восприятие зачастую оказывается обманчивым и поверхностным (Лазар, 2018).

Научная новизна исследования заключается в концептуализации синтеза правовых воспитательных методов с механизмами формирования устойчивых нравственных ценностей у молодежи в условиях распространения цифровых сервисов. Современные источники интерпретируют киберриски как комплексную категорию, выходящую за пределы технологических угроз и включающую юридические, этические и культурные аспекты защиты (Ковров, 2015). Правовой анализ проблем киберугроз требует формирования в образовательных учреждениях многоуровневой системы духовно-нравственных и правовых координат, направленных на развитие культуры правовой рефлексии, иммунитета к деструктивному и экстремистскому контенту.

1.2. Анализ положения в российской образовательной и правовой реальности

Задача правового воспитания и формирования духовно-нравственных ориентиров молодежи в условиях цифровизации приобретает не только теоретическое, но и выраженное практическое значение. Активное внедрение цифровых технологий оказывает комплексное воздействие на механизмы социализации, развитие правового самосознания, а также на устойчивость к девиантному онлайн-поведению.

Современные научные публикации как российских, так и зарубежных авторов (М. Шпитцера, В. В. Коврова, Т. Ф. Гаю, А. С. Трубицына) указывают на сложноструктурный характер феномена кибераддикции, а также подчеркивают необходимость интегративного подхода к профилактике цифровых девиаций. Это связано с тем, что односторонние методы – информационные, правовые или технические – оказываются недостаточно эффективными. Наиболее результативными признаются стратегии, сочетающие правовое просвещение, развитие навыков критического мышления, саморегуляции и усвоения этических стандартов¹ (Солдатова и др., 2011). Примером может служить зарубежный опыт (Германия, Сингапур, Южная Корея), где внедрение программ цифровой гигиены совместно с юридическим и психологическим сопровождением привело к снижению распространенности интернет-зависимости среди молодежи.

В российском образовательном пространстве наблюдается недостаточная институционализация вопросов правового регулирования систем цифрового воспитания: отсутствуют единые федеральные стандарты цифровой гигиены, программы воспитания и образования разрозненны, уровень правовой грамотности в молодежной среде остается низким (Бекиров, 2023). Анализируя эти аспекты, можно заключить, что выявленные дефициты порождают дополнительные риски формирования

¹ Малыгин, В. Л. (2010). Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика: пособие для школьных психологов. Москва: Информационно-методический центр «Арсенал образования». <https://clck.ru/3Suzx3>

кибераддикции, снижения правовой ответственности, автономии личности и доверия к обществу.

Авторская позиция трактует кибераддикцию как комплексное личностно-правовое отклонение, затрагивающее базовые нормы поведения и свидетельствующее о кризисе ценностной системы и недостаточно сформированной цифровой идентичности. Научная значимость работы заключается в теоретическом обосновании необходимости целостной модели цифрового воспитания, объединяющей правовые, педагогические, психологические и этические компоненты.

В ходе исследования был проведен анализ теоретических доктрин, а также современных научных работ, посвященных вопросам цифрового поведения и проявлений девиантности в интернет-пространстве (Дрепа, 2009). Такой подход позволил выявить важнейшие тенденции и всесторонне оценить существующие методы предупреждения киберзависимости. Используя системно-структурный метод, удалось исследовать, как взаимодействуют между собой государственные структуры, образовательные учреждения и институты гражданского общества, принимающие участие в формировании цифровой культуры и профилактике интернет-зависимых форм поведения.

Применяя логический анализ, удалось уточнить трактовку термина «кибераддикция». Методы сравнительного анализа и историко-правового подхода позволили проследить развитие законодательных и образовательных инициатив, направленных на профилактику кибераддикции. Научная и практическая значимость исследования состоит в формировании инновационного педагогического пространства, направленного на воспитание личности, способной не только адаптироваться к цифровой эпохе, но и активно выстраивать свое поведение в соответствии с правовыми и этическими нормами общества. Важнейшей частью авторского подхода к решению обозначенной проблемы выступает разработанная модель формирования цифрового иммунитета у школьников, основанная на интеграции системы правового регулирования, образовательных технологий, психологических практик и междисциплинарного взаимодействия педагогов, родителей и самих обучающихся. Эта авторская модель предполагает создание системы регулярных тренингов и интерактивных образовательных модулей, направленных на развитие критического мышления, цифровой грамотности, а также на умение анализировать и осознанно регулировать свое поведение в цифровой среде. Полученные результаты обосновывают необходимость перехода от концепции пассивной защиты к модели активного формирования цифрового иммунитета, позитивных паттернов поведения, что требует дальнейшей интеграции научного знания и образовательной практики для гармоничного развития молодого поколения в условиях стремительной цифровой трансформации.

Современное так называемое цифровое общество характеризуется тем, что его структура и функционирование организуются преимущественно посредством цифровых платформ, сетевых сообществ, поколение молодых людей воспитывается в уникальном для истории человечества информационном пространстве, что существенно влияет на особенности формирования их мышления и моделей поведения.

В монографии М. Шпитцера «Антимозг: цифровые технологии и мозг» автор призывает к осознанному и сбалансированному использованию цифровых устройств и Интернета, не ставя задачей полностью отказаться от электронных средств коммуникации. В своей научной работе Шпитцер аргументированно выделяет

положительный потенциал киберпространства: «благодаря цифровым технологиям человек получает возможность мгновенно вступать в диалог вне зависимости от географии, дистанционно обучаться, самореализовываться в творчестве, находить необходимую информацию за считанные секунды, а также планировать досуг по собственным предпочтениям» (Шпитцер, 2014). Подобные преимущества позволяют нам говорить о существенном расширении индивидуальных и профессиональных горизонтов современного человека. Однако, подходя к вопросу комплексно, исследователь обращает внимание и на негативные последствия чрезмерного и некритичного обращения с онлайн-средой. Главной угрозой он считает развитие феномена цифрового слабоумия, подразумевающего снижение интеллектуальных способностей, упрощение мышления и затруднения в критическом анализе информации. Кроме того, Шпитцер подчеркивает, что виртуальное общение постепенно вытесняет реальное, что приводит к дефициту эмоциональных контактов. Уязвимость личных данных, ухудшение состояния здоровья, ограничение двигательной активности и формирование киберзависимости также значатся среди рисков. Снижение самостоятельности, сужение круга увлечений и утрата навыков саморегуляции – еще одни тревожные симптомы цифровой эпохи.

По нашему мнению, часто недооцениваются не только индивидуальные, но и общественные и государственные угрозы цифровизации. Автоматизация процессов и всепроникающий контроль приводят к почти полному исчезновению приватности, а человек оказывается под постоянным цифровым надзором, что ставит под вопрос базовые личные свободы.

Особую обеспокоенность вызывает то, что современная образовательная система зачастую оказывается не способна в полной мере обеспечить школьников и студентов необходимым уровнем правовой и цифровой грамотности и, что еще более важно, полноценным правовым и нравственным воспитанием в цифровой сфере – отсутствие федеральной образовательной программы по цифровой гигиене коррелирует с высокой степенью распространения кибераддикции и иных девиантных моделей онлайн-поведения среди молодежи.

Аддикция (от англ. *addiction* – «зависимость») трактуется как патологическое, навязчивое пристрастие к какому-либо занятию или объекту и может быть рассмотрена как форма патологического поведения, отклоняющаяся от устоявшихся общественных и культурных норм. Современное состояние проблемы кибераддикции (или киберзависимости), особенно среди молодежи, приобретает все большую социальную и правовую значимость в условиях цифровизации общества. Анализ научных источников подтверждает, что спектр трактовок данного явления достаточно широк, но почти все авторы сходятся во мнении, что речь идет о патологической форме влечения к использованию цифровых технологий, которое сопровождается снижением контроля над временем, отчуждением от социальных и образовательных институтов, а также предпочитаемым уходом в виртуальное пространство в ущерб реальному взаимодействию. Так, А. С. Трубицын определяет киберзависимость как «патологическую склонность к использованию компьютерных и мобильных технологий» (Трубицын, 2017), а Т. Ф. Гаю подчеркивает неспособность индивида сопротивляться этому влечению, отмечая психологическую составляющую кибераддикции – стремление испытать облегчение через уход в цифровую среду (Гаю, 2019).

Современные исследования демонстрируют чрезвычайно широкий спектр изучения проявлений киберзависимого поведения: это навязчивый веб-серфинг, зависимость от виртуального общения, увлечение сетевыми играми (включая азартные), пристрастие к потоковому просмотру аудиовизуального контента, а также киберсексуальная зависимость (Гринфилд, 2018).

В педагогическом и правовом дискурсе кибераддикция – это устойчивая, психологически обусловленная зависимость субъекта от виртуального взаимодействия, возникающая на фоне неразвитых компетенций саморегуляции, дефицита целенаправленного воспитательного и правового воздействия. Предлагаем рассматривать кибераддикцию не как частный случай злоупотребления цифровыми ресурсами, а как комплексное личностное и социальное отклонение, способное трансформировать ценностно-нормативные основания личности, что требует междисциплинарного научного осмысления.

Правовой аспект исследуемой проблемы выходит далеко за рамки индивидуальных девиаций и затрагивает вопросы формирования правового сознания и культуры информационного поведения личности. Правовое воспитание сегодня должно включать элементы цифровой грамотности и этики, формировать устойчивую правовую идентичность, способную противостоять рискам цифровой среды, в том числе кибербуллингу, киберпреступности, нарушению прав на неприкосновенность частной жизни. Особую важность приобретает интеграция духовно-нравственных установок и правовой ответственности в процесс формирования цифрового поведения, что может быть реализовано посредством специально организованных программ правового просвещения, интеграции образовательных модулей, способствующих развитию саморефлексии, критичности и этического выбора в киберпространстве.

Научно-практическая значимость изучения кибераддикции с учетом правовоспитательных и духовно-нравственных основ выражается в необходимости развития многоуровневых образовательных, профилактических и нормативных механизмов, направленных на профилактику патологических форм цифрового поведения, а также на формирование у молодежи правовой культуры ответственного и этичного пользования возможностями информационного общества. Данный подход обладает концептуальной новизной, так как позволяет объединить личностные, культурно-нравственные и правовые аспекты процесса социализации в киберсреде.

2. Правовые аспекты и профилактика цифровой зависимости

2.1. Правовые проблемы и пробелы законодательства в сфере цифровой зависимости

Современное правовое поле в сфере цифрового поведения несовершеннолетних и молодежи характеризуется значительной фрагментарностью и недостаточной глубиной регламентации феноменов, связанных с кибераддикцией. Несмотря на наличие ряда федеральных законов, регулирующих отношения в области персональных данных (Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ)², образования (Федеральный

² О персональных данных. № 152-ФЗ от 27.07.2006 (последняя редакция). (2006). СПС Консультант-Плюс. <https://clck.ru/3RXtbw>

закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ)³, и информационной безопасности (Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ)⁴, в действующем законодательстве отсутствуют понятие и правовые критерии кибераддикции, не определены механизмы ее ранней профилактики, правовой и социальной коррекции для молодежи.

Важной правовой проблемой выступает отсутствие специальных процедур для диагностики и признания лиц, страдающих кибераддикцией, нуждающимися в помощи со стороны образовательных или медицинских учреждений. Это затрудняет своевременное выявление цифровых рисков и формирование индивидуальных маршрутов коррекции гражданско-правового и воспитательного характера.

Кроме того, на практике имеется значительный разрыв между требованиями законодательных актов, декларирующих общие принципы цифровой безопасности, и конкретными алгоритмами правовой и педагогической профилактики киберзависимости. Так, действующие нормативно-правовые документы преимущественно ориентированы на защиту информации, а не на обеспечение правового и нравственного развития личности в цифровой среде (Хамидуллин, 2023).

На пересечении правовых и образовательных интересов встает вопрос правового статуса цифровых образовательных сред, в которых подростки проводят значительное время. Отсутствие единых стандартов цифровой этики, условий ответственности образовательных учреждений, а также четких ограничительных и стимулирующих норм приводит к тому, что профилактика кибераддикции осуществляется несистемно и не достигает целевых ориентиров формирования устойчивых моделей цифрового поведения у молодежи.

Особую трудность представляет разграничение кибераддикции от иных форм девиантного поведения для целей правового регулирования, что порождает риски необоснованного вмешательства в частную жизнь молодых граждан или, напротив, недооценки масштабов проблемы при проведении профилактических мероприятий.

Острой проблемой становится недостаточная защита прав несовершеннолетних на информационную автономию и права на защиту от вредоносного контента в сети Интернет. Действующие механизмы фильтрации контента либо технически несовершенны, либо не подкреплены сопровождающими образовательными и правовыми программами, формирующими компетентного пользователя цифровых сервисов. Имеющаяся судебная практика по спорам, связанным с распространением вредной информации, кибербуллинг и иными цифровыми девиациями, формируется неравномерно, требуя создания единых методических подходов и разъяснений от высших судебных органов.

Существующая нормативная правовая база зачастую не успевает за темпами цифровых изменений, не обеспечивает достаточного уровня защиты субъектов цифрового взаимодействия, особенно в аспекте персональных данных (Бокова, 2023). На сегодняшний день существует необходимость институционализации и стандартизации интегративной концепции правового воспитания – от аксиологической

³ Об образовании в Российской Федерации. № 273-ФЗ от 29.12.2012 (последняя редакция). (2012). СПС КонсультантПлюс. <https://clck.ru/3RXteY>

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. № 149-ФЗ от 27.07.2006 (последняя редакция). (2006). СПС КонсультантПлюс. <https://clck.ru/3RXtfn>

(ценностной) составляющей до формирования системных компетенций по осознанному и этически ответственному поведению в цифровой среде (Попов, 2024).

Информационное общество характеризуется неравномерностью цифровой социализации, а также фрагментированностью правовых и этических ориентиров, что, в свою очередь, порождает дополнительные риски, связанные с массовым развитием патологических форм цифрового поведения, в том числе кибераддикции (Трубицын, 2017). В настоящее время правовое регулирование цифрового поведения несовершеннолетних и молодежи отличается заметной разрозненностью и поверхностностью в вопросах, касающихся киберзависимости. Киберзависимость сегодня позиционируется не только как поведенческая патология, но и как индикатор несформированности правового самосознания, сниженного уровня внутренней ценностной регуляции и дефицитной цифровой этики (Власов, 2023). Предлагаем рассмотреть кибераддикцию не только как частный случай нарушенного цифрового поведения, но как многоаспектное личностное и общественное отклонение, детерминирующее трансформацию системы общепризнанных ценностей и норм.

Правовой анализ зарубежной практики демонстрирует, что страны с развитой системой нормативного регулирования и целостными программами цифровой профилактики демонстрируют более успешные результаты в профилактике кибераддикции и иных девиантных цифровых практик (Mazur & Li, 2016). Применительно к России государственная стратегия, по нашему мнению, должна быть направлена на создание межведомственных программ цифровой гигиены и правового воспитания, развитие рефлексивных и волевых механизмов, позволяющих не только формально знать законы, но и осваивать ценностные практики ответственного поведения в цифровой среде.

Предлагаем определять киберкультуру как единство правовой, моральной, коммуникативной и цифровой компетентности, интегрированной в практики саморазвития, рефлексии и критического выбора. Она может служить не только средством профилактики киберзависимости, но и универсальной моделью устойчивой личности, способной к саморегуляции, автономии и высокой социальной ответственности в эпоху непрерывного цифрового развития.

Полагаем, что формирование киберкультуры должно стать системным элементом воспитательных программ вузов, в особенности в образовательных учреждениях юридического профиля, где особое внимание уделяется профилактике девиантного поведения среди молодежи с будущим специальным (профессиональным) статусом. Современная система образования требует комплексной трансформации: введения стандартов цифровой этики, программ профилактики кибераддикции, форсирования механизмов нравственно-правового самоконтроля, формирования позитивных паттернов и развития критического мышления с учетом национальных и глобальных вызовов.

2.2. Модель формирования цифрового иммунитета и воспитания ответственного поведения

В качестве научной перспективы и предмета дальнейшего теоретического и эмпирического поиска рекомендуем исследователям сформировать единую модель правового и нравственного воспитания молодежи, предусматривающую интеграцию

цифровых, правовых и ценностных компетенций, инструментальное использование цифровых сервисов для формирования у молодежи адекватных моделей саморефлексии, правовой культуры и внутренней нравственной регуляции. В научной среде киберриски определяются не только как технологические угрозы, но и как феномен, имеющий многомерный правовой характер. Так, В. В. Ковров обосновывает, что «риски в цифровой среде – это не только источники внешней опасности для личности, но объективно существующие возможности причинения вреда, требующие юридической регламентации, а также системной меры по правовому просвещению и формированию адаптивной цифровой этики пользователей» (Ковров, 2015). Правовая задача при анализе киберугроз, по нашему мнению, должна быть комплексно сопряжена с задачей о формировании в образовательном пространстве системы духовно-нравственных ориентиров, проявляющихся в культуре коммуникации, способности к правовой рефлексии, восприятию правовых норм и иммунитете к деструктивному контенту.

Период юности представляет собой уникальное окно возможностей и временно зону уязвимости для формирования ценностно-правовой базы личности (Lopez-Fernandez & Kuss, 2020). Именно в этом возрасте частыми становятся моменты аддиктивного поведения, включая цифровую зависимость, которая требует пересмотра подходов к воспитанию: акцент должен сместиться не только на информирование об опасностях, но и на развитие навыков критической самооценки, цифрового самоуправления, способности к нравственной саморефлексии. Проблема обретает ярко выраженное правовое измерение, поскольку киберугрозы для молодежи сопряжены с пробелами в законодательстве, недостаточной защитой прав субъектов персональных данных, отсутствием единой стратегии правового воспитания в цифровой среде (Kuss et al., 2021).

Термин «цифровая социализация» как процесс усвоения социального опыта посредством ИКТ (Солдатова, 2018) сегодня требует деконструкции с учетом рисков патологических форм интернет-активности, таких как онлайн-зависимость, кибербуллинг, интернет-игромания и другие проявления девиантного поведения. Для эффективного противодействия кибераддикции необходима концепция цифровой социализации, в основе которой лежит трансдисциплинарный подход – синергия правовых, медицинских и социальных механизмов (Бажанов, 2016).

Современные проблемы кибераддикции приобретают особую остроту в связи с явлением гиперподключенности (van Krieken, 2024). Исследования показывают, что, например, у российских подростков и молодых взрослых уровень ежедневного пребывания в цифровой среде уже достиг 8–10 часов в сутки (Солдатова и др., 2017). К аналогичным выводам пришла Г. С. Салистая (Салистая, 2025). Подобная динамика в сочетании со снижением возрастных ограничений на использование гаджетов вызывает не только психологические, но и правовые вопросы: какова степень ответственности государства, общества и цифровых платформ в формировании среды, способствующей аддиктивному поведению?

Правовой анализ проблемы кибераддикции среди молодежи требует системного подхода к вопросу об ответственности различных субъектов и институтов, включая государство, цифровые компании, образовательные организации и родителей. Законодательство многих государств уже предусматривает отдельные правовые механизмы защиты несовершеннолетних в сети Интернет: фильтрацию контента, лимитирование времени использования сервисов, требования к сбору

согласия родителей, введение возрастной маркировки программ и приложений (Сеидов, 2025). Однако эффективность этих мер ограничена без широкой просветительской и профилактической работы, а также без координации деятельности всех заинтересованных сторон.

В качестве одной из эффективных профилактических мер выступает использование юридического инструментария совместно с программами цифрового просвещения и психологической поддержки. Внедрение специальных образовательных модулей по формированию цифровой грамотности и осознанного поведения в Интернете, а также специальных консультационных служб по вопросам цифровой зависимости – важнейший элемент политики цифровой превенции (Mossberger et al., 2006). Поскольку «новая реальность» характеризуется динамикой и изменчивостью, правовые нормы в этой сфере должны быть гибкими, предотвращать не только экстремальные проявления зависимости, но и работать на упреждение девиантного интернет-поведения, формировать устойчивые паттерны безопасной и ответственной цифровой социализации.

2.3. Перспективы развития и пути совершенствования правового регулирования

Возможные пути совершенствования правового регулирования проблемы могут быть представлены рядом предложений. В качестве одной из эффективных профилактических мер выступает использование юридического инструментария совместно с программами цифрового просвещения и психологической поддержки. Внедрение специальных образовательных модулей по формированию цифровой грамотности и осознанного поведения в Интернете, а также специальных консультационных служб по вопросам цифровой зависимости – важнейший элемент политики цифровой превенции (Mossberger et al., 2006). Представляется рациональным внедрение в систему образования обязательного юридического компонента «Основы цифровой правовой культуры», ориентированного на усвоение норм поведения в Интернете, развитие навыков критической самооценки и цифрового самоограничения. Интеграция дифференцированных курсов цифровой безопасности, норматива по осознанному пользованию цифровыми сервисами и взаимодействию в онлайн-коммуникациях расширит возможности формирования устойчивых правовых моделей поведения у подростков.

В числе приоритетных задач – расширение институциональных функций школьных и вузовских служб медиации, создание реестра аккредитованных психологов и юристов, обладающих компетенциями в области профилактики кибераддикции. Внедрение межведомственных программ поддержки цифрового здоровья, интеграция образовательных учреждений с центрами правового консультирования позволят оперативно реагировать на проявления цифровых девиаций и оказывать необходимую правовую и психологическую помощь.

Поскольку «новая реальность» характеризуется динамикой и изменчивостью, правовые нормы в этой сфере должны быть гибкими, предотвращать не только экстремальные проявления зависимости, но и работать на упреждение девиантного интернет-поведения, формировать устойчивые паттерны безопасной и ответственной цифровой социализации.

Проблема кибераддикции требует также разработки достоверных диагностических правовых критериев, определяющих грань между активным цифровым

поведением и юридически значимой зависимостью, что является необходимым для объективного рассмотрения спорных случаев в судебной и административной практике. В данном контексте особое значение приобретает межведомственное взаимодействие – между правоохранительной и образовательной системами, отраслью здравоохранения и цифровым бизнесом.

Существенной задачей становится также разработка специальных правовых стандартов для цифровых платформ, предполагающих обязательное внедрение технических решений для ограничения времени пребывания в Сети, предупреждения о рисках, а также обеспечение анонимного доступа к помощи для подростков. На уровне правоприменительной практики необходимы мониторинг и адаптация законодательства с учетом постоянно изменяющегося цифрового ландшафта.

Важным направлением совершенствования законодательства выступает обеспечение права молодежи на безопасное развитие в цифровой среде – формирование пакета государственных гарантий и процедур по защите прав несовершеннолетних и молодых граждан в случае злоупотребления цифровыми сервисами (Alekseeva et al., 2020).

В рамках стратегии цифровой трансформации общества необходим мониторинг и консолидированный анализ новых видов цифровых девиаций с целью заблаговременного обновления существующих нормативных актов, разработки и внедрения регламентирующих документов, защищающих права и интересы детей и подростков в Интернете.

Обобщая сказанное, можно утверждать: правовая природа проблемы воспитания молодежи в условиях цифровой революции нуждается в построении единой модели цифрового и правового воспитания, в которой духовно-нравственные ориентиры станут неотъемлемой частью и ключевым методом устойчивого формирования иммунитета к деструктивным воздействиям цифровой среды. Только интегрированный, междисциплинарный подход, сочетающий правовую грамотность с нравственным воспитанием, способен обеспечить безопасную адаптацию молодежи к реалиям нового цифрового общества и тем самым повысить устойчивость к киберрискам и аддиктивным проявлениям.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что юношеский возраст характеризуется повышенной восприимчивостью к социальным и информационным воздействиям, а значит, требует особо внимательного подхода к методам воспитания, профилактики и коррекции девиантного цифрового поведения. В современных условиях успешная адаптация молодежи к реалиям цифрового общества невозможна без междисциплинарного синтеза правового просвещения, духовно-нравственного воспитания и развития навыков критической самооценки.

Практическая ценность результатов заключается в разработке межведомственных программ цифровой гигиены и правового просвещения для систем среднего и высшего образования. Предлагаемый подход может интегрироваться в образовательные стандарты, способствовать совершенствованию профессиональной подготовки педагогов и формированию системы непрерывного правового воспитания в цифровой среде. Это, в свою очередь, способствует развитию цифровой ответственности, правосознания, рефлексивных навыков и устойчивости к манипуляциям

в киберпространстве среди молодежи. В целом проведенное исследование расширяет научное понимание феноменов кибераддикции и цифровой девиации, позволяя рассматривать воспитательные меры как комплекс междисциплинарных стратегий, обеспечивающих формирование ответственной, самостоятельной и правосознательной личности в цифровой эпохе. Дальнейшие шаги видятся в эмпирической оценке эффективности внедряемых программ, исследовании новых форм цифровых рисков и уточнении моделей правового регулирования и воспитания, соответствующих динамике современного общества.

Рассматривая проблему кибераддикции среди молодежи, целесообразно предложить следующее уточненное авторское определение: кибераддиктивное (или киберзависимое) поведение – это устойчивая форма девиантных стратегий, проявляющаяся во включенности индивида в виртуальное пространство за счет тотального сокращения существенных социальных, образовательных и правовых контактов, сопровождающаяся систематическим игнорированием нравственно-правовых норм реального общества и снижением способности к самоограничению. При этом, по справедливому замечанию И. С. Кона, проявление одной формы девиантного поведения многократно увеличивает вероятность вовлечения в иные девиации, что свидетельствует о комплексности киберзависимости как социокультурного феномена, подчиняющегося универсальным закономерностям отклоняющегося поведения⁵. Кибераддикции среди молодежи следует воспринимать как сложный ценностно-правовой вызов, требующий консолидации усилий государства, образовательных организаций и научного сообщества. Эффективное противодействие патологическим моделям цифрового поведения возможно только при системном синтезе правового просвещения, духовно-нравственных практик и персонализированных профилактических программ, что позволит сформировать поколение осознанных, правовых и ответственных личностей в условиях стремительной цифровизации общества.

Особое значение в этом контексте приобретает развитие программ ранней профилактики, направленных на формирование у молодежи критического мышления, устойчивости к манипуляциям в цифровой среде, а также навыков самоорганизации и ответственного использования Интернета. Необходимо поддерживать инициативы, стимулирующие молодежь к осознанному и созидательному участию в цифровой культуре, проектной деятельности, волонтерских и творческих интернет-проектах, направленных на развитие социальных, этических и правовых компетенций.

Реализация подобных программ невозможна без активного участия педагогов, психологов, родителей и самих молодых людей. Междисциплинарное сотрудничество, создание образовательных экосистем, ориентированных не только на передачу знаний, но и на формирование ценностей, становится важным условием для успешного противодействия кибераддикции. Помимо образовательных учреждений, особая роль отводится средствам массовой информации и цифровым платформам, которые должны нести ответственность за распространение достоверной и полезной информации, ограничение вредного контента и продвижение позитивных интернет-практик.

⁵ Кон, И. С. (1989). Психология ранней юности: учебное пособие. Москва: Просвещение. <https://clck.ru/3RXubZ>

Важной перспективой дальнейших исследований является анализ эффективности внедряемых мер профилактики и коррекции кибераддикции в молодежной среде, а также выявление новых социальных, правовых и нравственных рисков, связанных с появлением инновационных цифровых технологий. Для этого необходим постоянный мониторинг цифровых практик молодежи и гибкая адаптация программ воспитания, и прежде всего правового, с учетом быстро меняющихся реалий. В долгосрочной перспективе интеграция правового и нравственного воспитания в контексте цифровизации общества способна создать условия для формирования зрелого, ответственного и социально активного молодого поколения, способного не только использовать цифровые технологии в личных интересах, но и эффективно противостоять угрозам кибераддикции, сохраняя при этом фундаментальные гуманистические ценности.

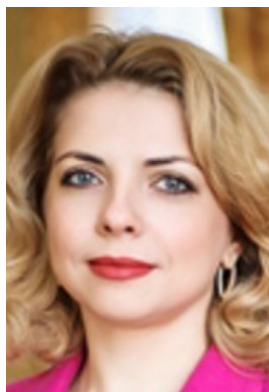
Феномен кибераддикции требует выработки современной интегрированной правовой политики, сопряженной с реформой образовательных стандартов и внедрением этико-правовых программ, направленных на формирование у молодежи не только высоких компетенций цифровой грамотности, но и устойчивых ценностей законопослушания, ответственности, способности противостоять манипуляциям и негативным влияниям цифровой среды. Только сквозной, междисциплинарный подход в сочетании с точечной корректировкой законодательства способен заложить предпосылки для формирования зрелой личности и снижения масштабов кибераддикции среди молодежи.

Список литературы

- Бажанов, В. (2016). О феномене трансдисциплинарной научной революции. В кн. В. Бажанов, Р. В. Шольц (ред.), *Трансдисциплинарность в философии и науке. Подходы. Проблемы. Перспективы* (с. 136–144). Москва: Навигатор.
- Бекиров, С. Н. (2023). Правовая действительность воспитания молодежи в условиях цифровизации. *Проблемы современного педагогического образования*, 78-2, 36–39. <https://www.elibrary.ru/TJZZFN>
- Бокова, Л. Н. (2023). Правовые вопросы защиты персональных данных граждан в цифровом пространстве. *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*, 1(49), 41–48. EDN: <https://www.elibrary.ru/WEGJFQ>. DOI: <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.49.1.04>
- Власов, А. В. (2023). Информационное общество сегодня: текущие тренды, перспективы развития и вызовы. *Коммуникология: электронный научный журнал*, 4, 94–110. <https://www.elibrary.ru/tcutgr>
- Выготский, Л. С. (2005). *Педагогическая психология*. Москва. <https://www.elibrary.ru/qxluop>
- Гаю, Т. Ф. (2019). Снижение уровня коммуникативных навыков: генезис проблемы киберзависимости подрастающего поколения. *Проблемы современного педагогического образования*, 63-4, 53–56. <https://www.elibrary.ru/zojvkh>
- Гринфилд, С. (2018). *Изменение разума. Один день из жизни мозга. Нейробиология сознания от рассвета до заката*. Санкт-Петербург: Питер.
- Дрепа, М. И. (2009). Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии. *Знание. Понимание. Умение*, 2, 189–193. <https://www.elibrary.ru/ktmotz>
- Ковров, В. В. (2015). Угрозы и риски агрессии и насилия в межличностном взаимодействии подростков: социально-психологический аспект. *Образование и наука в современных условиях*, 3, 173–177. <https://www.elibrary.ru/ucvnwb>
- Лазар, М. Г. (2018). Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением. *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов*, 4(34), 170–181. <https://www.elibrary.ru/vrwodyc>
- Попов, П. М. (2024). Образовательная политика в сфере профилактики кибераддикции в молодежной среде. *Гуманитарные науки (г. Ялта)*, 4(68), 16–22. <https://www.elibrary.ru/bengsu>
- Салистая, Г. С. (2025). Преждевременная социализация российских подростков в условиях цифровизации общества. *Социология*, 6. 219–224. <https://www.elibrary.ru/UELDPI>

- Сеидов, Г. З. (2025). Характеристика информации, наносящей вред несовершеннолетнему в сети «Интернет». *Аграрное и земельное право*, 4, С. 109–111. EDN: <https://www.elibrary.ru/NTZPYP>. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_4_109
- Солдатова, Г. У., Зотова, Е. Ю., Чекалина, А. И., Гостимская, О. С. (2011). *Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об интернете*. Москва: Фонд развития Интернет.
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Нестик, Т. А. (2017). *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*. Москва: Смысл.
- Солдатова, Г. У. (2018). Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*, 9(3), 71–80. EDN: <https://www.elibrary.ru/YQSMUX>. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
- Трубицын, А. С. (2017). Киберзависимость – глобальная форма аддикции современности. В сб. *Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности: сб. докладов и материалов VII Международной научно-практической конференции* (с. 430–434). Москва. <https://www.elibrary.ru/yswiog>
- Хамидуллин, Р. С. (2023). Политика кибербезопасности современного образования. *Право и политика*, 4, 48–60. EDN <https://www.elibrary.ru/YMIZDD>. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.4.39997>
- Шпитцер, М. (2014). *Антимозг: цифровые технологии и мозг*. Москва: АСТ.
- Шпрангер, Э. (2014). *Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности*. Москва: Канон+.
- Эрикссон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, Б. 1996. 340 с.
- Alekseeva, M., Podroykina, I., & Isakova, Yu. (2020). Legal basis for the use of educational technologies in the knowledge information space formation. *Innovative Technologies in Science and Education, ITSE*, 2020, 18005.
- Kuss, D. J., Kristensen, A. M., & Lopez-Fernandez, O. (2021). Internet Addictions Outside of Europe: A Systematic Literature Review. *Comput. Hum. Behav.*, 115(1), 106621. EDN: <https://www.elibrary.ru/NBRMBY>. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106621>
- Lopez-Fernandez, O., & Kuss, D. J. (2020). Preventing Harmful Internet Use-Related Addiction Problems in Europe: A Literature Review and Policy Options. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 17, 37–97. EDN: <https://www.elibrary.ru/ZTOTZX>. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17113797>
- Mazur, E., & Li, Y. (2016). Identity and Self-Presentation on Social Networking Web Sites: A Comparison of Online Profiles of Chinese and American Emerging Adults. *Psychology of Popular Media Culture*, 5(2), 101–118.
- Mossberger, K., Tolbert, C. J., & Gilbert, M. (2006). Race, place and information technology. *Urban Affairs Review*, 41(5), 583–620. EDN: <https://www.elibrary.ru/JQKYUF>. DOI: <https://doi.org/10.1177/1078087405283511>
- van Krieken, R. (2024). The Age of Anger and Social Media: Elias, Technology, Civilizing/Decivilizing Processes and Ressentiment. *Theory, Culture and Society*, 41(7–8), 19–39.
- Rybak, S., & Krygina, I. (2019). Actualization of the idea of legal nurturing in the context of a modern transitive society development. *SHS Web of Conferences*, 70, 11010. EDN: <https://www.elibrary.ru/FRJECQ>. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197011010>

Сведения об авторах

Алексеева Марина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственной технической университет

Адрес: 344003, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

E-mail: alekseeva80@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1436-6946>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57221207751>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=769569

Рыбак Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», Донской государственной технической университет

Адрес: 344003, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

E-mail: svetoch_2504@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7280-867X>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57221193917>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorId=424348

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, методологии, валидацию, формальный анализ, проведение исследования, подбор источников, написание и редактирование текста, руководство и управление проектом.

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 12 января 2026 г.

Дата одобрения после рецензирования – 26 января 2026 г.

Дата принятия к опубликованию – 25 марта 2026 г.

Дата онлайн-размещения – 10 апреля 2026 г.

Research article

UDC 34:004:316.624:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/UGOWVW>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.7>

Legal Aspect of Cyberaddiction Among Youth: Digital Risks and Preventive Measures

Marina V. Alekseeva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Svetlana V. Rybak

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Keywords

cyberaddiction,
cybersecurity,
deviant behavior,
digital hygiene,
digital risks,
digital technologies,
law,
legal education,
moral values,
prevention

Abstract

Objective: to substantiate the need for an integrative approach to legal and spiritual-moral education of young people under digitalization of society; to develop a scientifically based model for the prevention and correction of cyberaddictive behavior by synthesizing legal, pedagogical and ethical components.

Methods: the research uses a set of theoretical and empirical methods, including dialectical and systematic approaches, analysis and synthesis, modeling and forecasting. Comparative-legal and historical legal analysis was applied to study the evolution of legislation in the field of digital security. The authors conducted an interdisciplinary analysis of the achievements of computer science, sociology, psychology and pedagogy and used a system-structural approach to study the interaction of government structures, educational and civil society institutions.

Results: the study revealed significant fragmentation of legislation and the absence of federal digital hygiene programs, which hinders the formation of legal awareness among young people. The authors proposed a definition of cyberaddictive behavior as a complex personal and legal deviation affecting the basic behavioral norms and indicating a crisis of the value system. They developed a conceptual model to form the "digital immunity" of youth, integrating legal regulation, educational technologies, and psychological support. Key areas of improvement identified are the adoption of special legislative initiatives, the introduction of programs for the development of digital legal culture, and the creation of interdepartmental mechanisms for early diagnosis and correction of digital deviations.

✉ Corresponding author

© Alekseeva M. V., Rybak S. V., 2026

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: the work conceptualizes cyberaddiction as a multidimensional legal and value challenge of the digital generation. An interdisciplinary model of education was developed that takes into account the transformation of legal consciousness under digitalization. New definitions of key concepts were proposed, as well as a systematic approach to the prevention of pathological forms of digital behavior. “Digital socialization” was conceptualized as a special area of legal education.

Practical significance: the results obtained are applicable in educational programs and standards; for developing the course “Fundamentals of digital legal culture”; for training accredited specialists in cyberaddiction prevention; for creating interdepartmental digital hygiene programs at the national, departmental and educational levels. The proposed measures contribute to the formation of critical thinking, digital literacy, self-regulation skills and resistance to manipulation in cyberspace among young people.

For citation

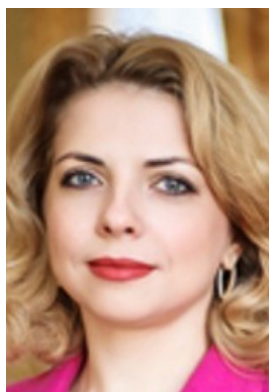
Alekseeva, M. V., & Rybak, S. V. (2026). Legal Aspect of Cyberaddiction Among Youth: Digital Risks and Preventive Measures. *Journal of Digital Technologies and Law*, 4(1), 153–172. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2026.7>

References

- Alekseeva, M., Podroykina, I., & Isakova, Yu. (2020). Legal basis for the use of educational technologies in the knowledge information space formation. *Innovative Technologies in Science and Education, ITSE*, 2020, 18005.
- Bazhanov, V. (2016). On the phenomenon of transdisciplinary scientific revolution. In V. Bazhanov, R. W. Scholz (Eds.), *Transdisciplinarity in philosophy and science. Approaches. Problems. Prospects* (pp. 136–144). Moscow: Navigator. (In Russ.).
- Bekirov, S. N. (2023). Legal validity of youth education in the conditions of digitalization. *Problemy Sovremennogo Pedagogicheskogo Obrazovaniya*, 78-2, 36–39. (In Russ.).
- Bokova, L. N. (2023). Legal Issues of Protection Personal Data of Citizens in the Digital Space. *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences*, 1(49), 41–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.49.1.04>
- Drepa, M. I. (2009). Internet dependence as an object of scientific reflection in contemporary psychology. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 189–193. (In Russ.).
- Erikson, E. (1996). *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Gayu, T. F. (2019). The decrease in the level of communication skills: the genesis of the problems of cybersafefamily the younger generation. *Problemy Sovremennogo Pedagogicheskogo Obrazovaniya*, 63-4, 53–56. (In Russ.).
- Greenfield, S. (2018). *A Day in the Life of the Brain: The Neuroscience of Consciousness from Dawn till Dusk*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Khamidullin, R. S., & Chub, D. S. (2023). Cybersecurity policy of modern education Политика кибербезопасности современного образования. *Law and Politics*, 4, 48–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.4.39997>
- Kovrov, V. V. (2015). Threats and risks of aggression and violence in the person-to-person interaction of adolescents: social-psychological aspect. *Obrazovaniye i Nauka v Sovremennykh Usloviyakh*, 3, 173–177. (In Russ.).
- Kuss, D. J., Kristensen, A. M., & Lopez-Fernandez, O. (2021). Internet Addictions Outside of Europe: A Systematic Literature Review. *Comput. Hum. Behav.*, 115(1), 106621. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106621>

- Lazar, M. G. (2018). Digitalization of Society, Its Consequences and Population Control. *Problemy Deyatelnosti Uchenogo i Nauchnykh Collectivov*, 4(34), 170–181.
- Lopez-Fernandez, O., & Kuss, D. J. (2020). Preventing Harmful Internet Use-Related Addiction Problems in Europe: A Literature Review and Policy Options. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 17, 37–97. <https://doi.org/10.3390/ijerph17113797>
- Mazur, E., & Li, Y. (2016). Identity and Self-Presentation on Social Networking Web Sites: A Comparison of Online Profiles of Chinese and American Emerging Adults. *Psychology of Popular Media Culture*, 5(2), 101–118.
- Mossberger, K., Tolbert, C. J., & Gilbert, M. (2006). Race, place and information technology. *Urban Affairs Review*, 41(5), 583–620. <https://doi.org/10.1177/1078087405283511>
- Popov, P. M. (2024). Educational Policy in the Field of Prevention of Cyberaddiction among Young People. *Gumanitarnye Nauki (Yalta)*, 4(68), 16–22. (In Russ.).
- Rybak, S., & Krygina, I. (2019). Actualization of the idea of legal nurturing in the context of a modern transitive society development. *SHS Web of Conferences*, 70, 11010. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197011010>
- Salistaya, G. S. (2025). Premature socialization of Russian teenagers in the context of digitalization of society. *Sociology*, 6, 219–224. (In Russ.).
- Seidov, G. Z. (2025). Characteristics of information harmful to minors on the Internet. *Agrarnoe i Zemelnoe Pravo*, 4, 109–111. (In Russ.). https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_4_109
- Soldatova, G. U. (2018). Digital Socialization in the Cultural-Historical Paradigm: A Changing Child in a Changing World. *Social Psychology and Society*, 9(3), 71–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., & Nestik, T. A. (2017). *Digital generation in Russia: competence and security*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Soldatova, G. U., Zotova, E. Yu., Chekalina, A. I., & Gostimskaya, O. S. (2011). *Caught in a single net: social-psychological research of ideas of children and adults about the Internet*. Moscow: Fond Razvitiya Internet. (In Russ.).
- Spitzer, M. (2014). *Anti-brain: digital technologies and the brain*. Moscow: AST
- Spranger, E. (2014). *Forms of life: Humanitarian psychology and ethics of a personality*. Moscow: Kanon+. (In Russ.).
- Trubitsyn, A. S. (2017). Cyber dependence is the global form of addiction of modernity. In *Innovations in economy sectors as a factor of solving modern social-economic problems: collection of works and materials of the 7th International scientific-practical conference* (pp. 430–434). Moscow. (In Russ.).
- van Krieken, R. (2024). The Age of Anger and Social Media: Elias, Technology, Civilizing/Decivilizing Processes and Ressentiment. *Theory, Culture and Society*, 41(7–8), 19–39.
- Vlasov, A. V. (2023). Information Society Today: Current Trends, Development Prospects and Challenges. *Communicology: Online Scientific Journal*, 4, 94–110. (In Russ.).
- Vygotsky L. S. (2005). *Pedagogical Psychology*. Moscow. (In Russ.).

Authors information

Marina V. Alekseeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department “Theory and History of State and Law”, Don State Technical University
Address: 1 Gagarin square, 344003 Rostov-on-Don, Russia
E-mail: alekseeva80@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1436-6946>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57221207751>
RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=769569

Svetlana V. Rybak – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department “Civil Law”, Don State Technical University
Address: 1 Gagarin square, 344003 Rostov-on-Don, Russia
E-mail: svetoch_2504@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7280-867X>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57221193917>
RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=424348

Authors' contributions

The authors have contributed equally into the concept and methodology elaboration, validation, formal analysis, research, selection of sources, text writing and editing, project guidance and management.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – January 12, 2026

Date of approval – January 26, 2026

Date of acceptance – March 25, 2026

Date of online placement – April 10, 2026

